

ТРИ ДРАМЫ

ЮЛІЯ СЛОВАЦКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО
СТИХАМИ

К. Д. БАЛЬМОНТА.

БАЛЛАДИНА.—ЛИЛІЯ ВЕНЕДА.—
ГЕЛІОНЪ-ЗОЛІОНЪ.

МОСКВА.

Изданіе М. и С. Сабашкиновыхъ,
1911.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

ФИЛОСОФІЯ.

- Вундтъ, В. О навпномъ и критическ. реализмѣ. Пер. А. Водена. 2 р.
- Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Пер. Н. Вокачъ и Н. Ильмина, подъ ред. Б. Кистяковского. 1 р.
- Зиммель, Г. Религія. Соціально-психологическій этюдъ. Пер. М. Бердоносова и О. Лямбекъ подъ ред. С. Котляревскаго. 40 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

- Беджготъ, В. Государственный строй Англіи. Пер. Е. Прейсъ, подъ ред. Н. Никольскаго. 1 р. 60 к.
- Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституціи. Пер. Н. Высоцкой, подъ ред. Э. Кокошкина. 1 р.
- Еллинекъ, Г. Права меньшинства. Пер. Е. Троповскаго, подъ ред. М. Гершензона. 20 к.

ИСТОРІЯ.

- Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Пер. М. Гершензона, въ 2-хъ т. 3 р.
- Гроссе, Э. Прохождение искусства. Пер. А. Грузинскаго. 1 р. 50 к.
- Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
- Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимофеевой. 1 р.
- Ланглуа. Инквизиція. Пер. Н. Сперанскаго. 45 к.
- Огарева-Тучкова, И. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.

I. 788.28+

ЮЛІЙ СЛОВАЦКІЙ.

ТРИ ДРАМЫ.

1. БАЛЛАДИНА.
2. ЛИЛЛЯ ВЕНЕДА.
3. ГЕЛІОНЪ-ЗОЛІОНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО,
СТИХАМИ,
К. Д. БАЛЬМОНТА.

==== МОСКВА—1911. ====

Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.

Biblioteka Narodowa
Warszawa

30001010207770

I.788.287

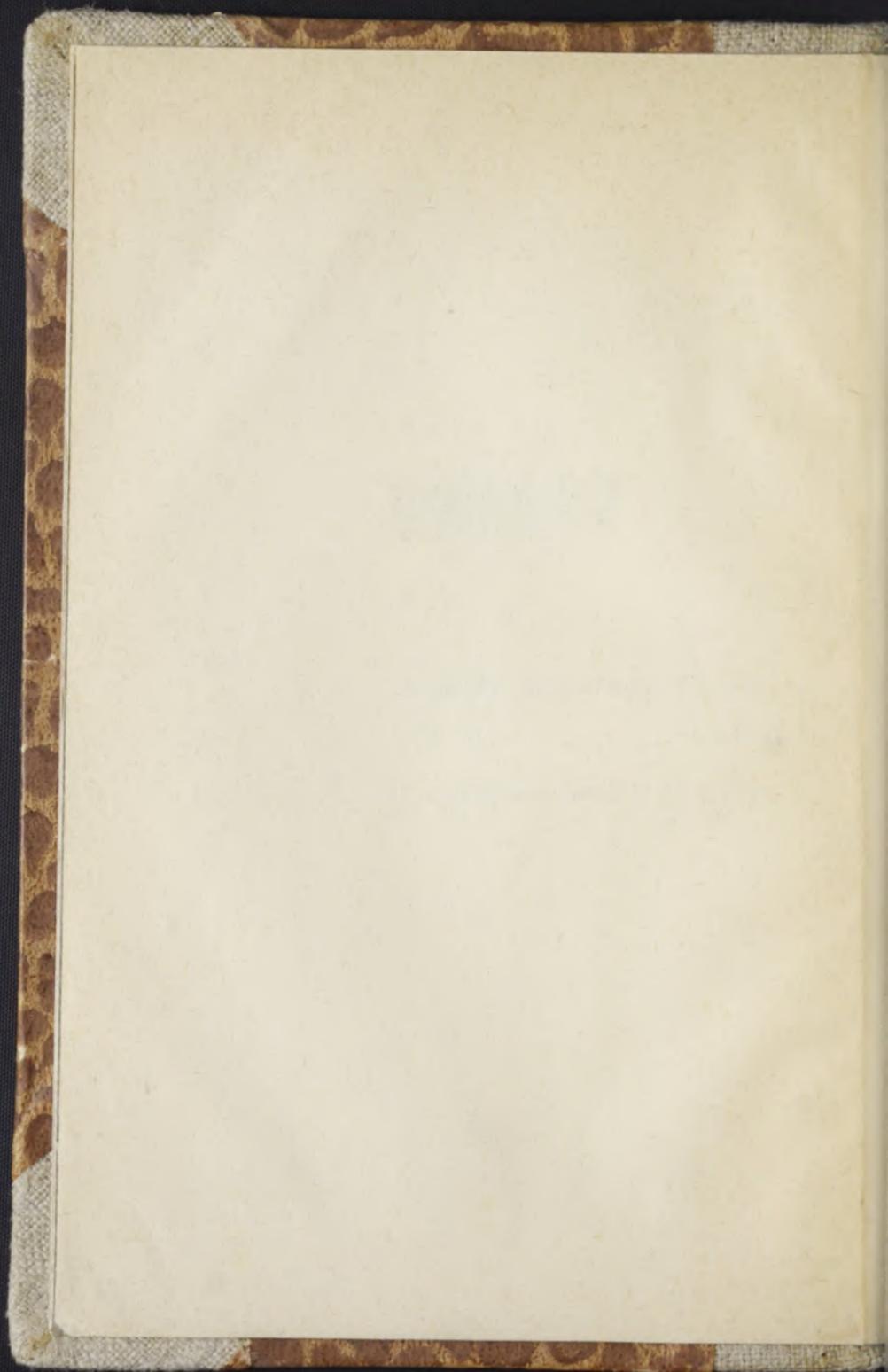

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва—1911.

1940 D 223/12

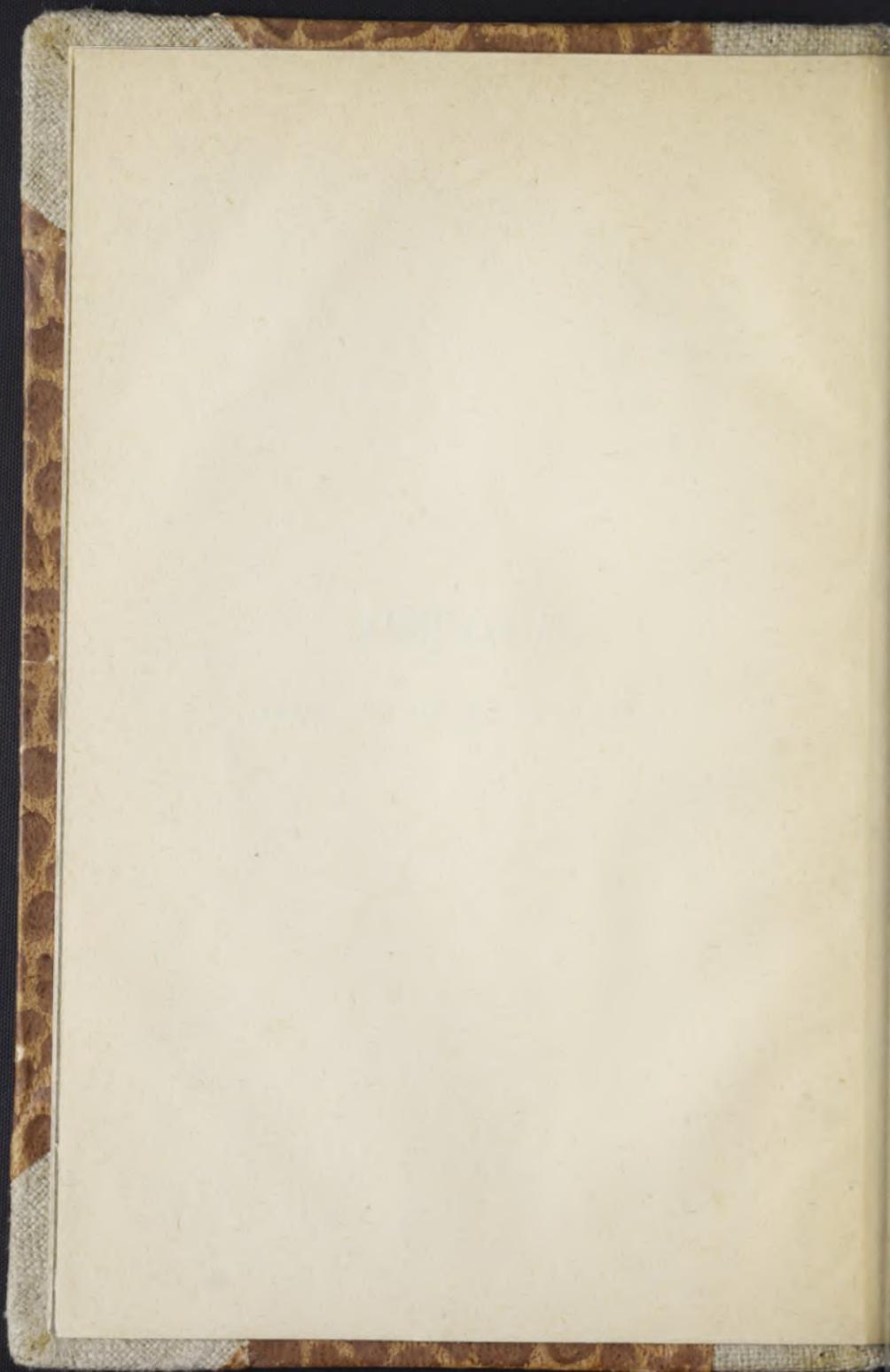
СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Балладина Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ	1
Лилія Венета	239
Геліонъ-Эоліонъ. Отрывки изъ драмы	397

БАЛЛАДИНА.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

О „БАЛЛАДИНЪ“.

Лирическая драма Словацкаго, „Балладина“, самая очаровательная изъ всѣхъ его пѣвучихъ и ярко-красочныхъ драмъ, основана на народномъ преданіи о двухъ враждующихъ сестрахъ,—преданіе, повторяющееся въ фолькъ-лорѣ всѣхъ временъ и странъ и отразившееся между прочимъ въ области Польской Народной Пѣсни, и въ богатомъ мірѣ Русской Народной Сказки. Самъ Словацкій виолнѣ четко ощущалъ, что эта его драма есть поэтическое отображеніе Польскаго народнаго духа въ его первичныхъ состояніяхъ.

Нѣжный и воздушно-идеальный какъ Шелли, Словацкій особенно любилъ эту весеннюю сказку, полную тончайшихъ ощущеній. Въ одномъ изъ писемъ къ своей матери, съ которой всю жизнь онъ поддерживалъ чрезвычайно интересную переписку, онъ говоритъ: „Въ прошломъ мѣсяцѣ (ноябрь и декабрь 1834-го года), я написалъ новую театральную пьесу—родъ трагедіи, подъ заглавіемъ „Балладина“. Изъ всѣхъ произведеній, вышедшихъ до сей поры изъ моего мозга, трагедія

эта есть лучшее. Особенно потому, что она открыла мнѣ новую дорогу, новую страну въ поэзіи, куда до сей поры еще никто не проникалъ, — идеальный край, болѣе обширный, чѣмъ эта бѣдная земля. Ты увидишь однажды, что это за дивная страна, какія это странныя времена. Вся трагедія напоминаетъ старую балладу, и написана такъ, какъ могъ бы сложить ее самъ народъ, баллада вполнѣ противорѣчащая исторической правдѣ, иногда даже и правдоподобности. Людей однако я старался сдѣлать вполнѣ реальными, такими, чтобъ въ груди у нихъ были сердца, подобныя нашимъ. Я не могу тебѣ здѣсь изъяснить, что составляетъ драматическій интересъ моей трагедіи. Если у нея есть родственное сходство съ какой-нибудь извѣстной пьесой, такъ это съ „Королемъ Лиромъ“ Шекспира. О, если бы когда-нибудь ее поставили наряду съ „Королемъ Лиромъ“! Шекспиръ и Данте теперь мои любимые поэты, и это такъ уже два года. Чѣмъ больше въ нихъ вчитываюсь, тѣмъ больше открываю въ нихъ красоты“.

Намъ, современнымъ читателямъ, сходство нѣкоторыхъ сценъ съ соответственными сценами „Короля Лира“ и „Макбета“ не помогаетъ, а вредитъ въ художественности и силѣ впечатлѣнія. Мы слишкомъ хорошо знаемъ Шекспира и сроднились съ нимъ отъ юныхъ дней. Но припомнимъ, что это было не такъ—въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка. Славянская слава Шекспира была тогда еще въ будущемъ. Припомнимъ также, что

Словацкому, когда онъ создавалъ свою Балладину, было всего лишь 24 года, а также и то, какое сильное вліяніе Шекспира мы видимъ въ произведеніяхъ нашего величайшаго гениа, Пушкина.

Интересно отмѣтить, что Мицкевичъ, который раньше былъ другомъ Пушкина, а потомъ его врагомъ, и который раньше былъ врагомъ Словацкаго, а потомъ его другомъ, мало чувствовалъ красоту и силу творчества Словацкаго, въ виду полного несходства ихъ основныхъ свойствъ—Мицкевичъ реалистъ, Словацкій импрессионистъ. Красинскій же, извѣстный въ Россіи, какъ авторъ нѣсколько разъ переводившейся гениальной „Небожественной Комедіи“ и исторической драмы „Иридіонъ“, имѣлъ гораздо болѣе внутренняго сродства со Словацкимъ, и весьма высоко цѣнилъ его поэтическія свершенія.

Отвѣчая Словацкому на посвященіе этой драмы ему, Красинскій, проводя параллель между *двумя высокими духами Польши*, Мицкевичемъ и Словацкимъ, говоритъ: „То, что я думалъ прежде о сестрѣ Алины, Балладинѣ, я думаю еще и теперь. Это сонъ въ лѣтнюю ночь. Нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе совершеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе реальнаго по формѣ и глубинѣ. Словацкій (второй духъ—въ терминологіи Красинскаго) отъ природы имѣлъ то, что недоставало Мицкевичу (первому духу). Онъ владѣлъ Польской рѣчью такъ, какъ владѣють любовницей, готовой на все по малѣйшему знаку. На смерть по одному повелѣнію, на жизнь по одному взгляду. Какъ бы маги-

чески владѣть онъ ею, угадываетъ ее, такъ что не онъ ищетъ ее и гонится за ней, а она преслѣдуетъ его, умоляетъ, и говоритъ: Позови меня—и я прибѣгу, покажи мнѣ на Небо—и я улечу къ нему, укажи мнѣ пальцемъ Адъ—и я сойду въ Преисподнюю. Хочешь, я застыну въ неподвижную глыбу? Смотри—я мраморъ. Или обращаюсь въ облачко? Смотри, какъ я голубью, синью, дѣлаюсь прозрачной, растекаюсь, совѣмъ почти уничтожаюсь, и все же остаюсь всегда твоей. Этотъ второй духъ распространилъ свое владычество на все горизонты фантази. То, что у перваго было—цѣльность гранитная, твердая, поглощающая весь мѣръ, сжимающая Вселенную въ тѣсномъ своемъ охватѣ, сдѣлалось здѣсь расцвѣтомъ, возвратомъ въ безграничное пространство, въ струистость свѣта, въ игру красокъ, въ волны музыки, въ ароматы цвѣтовъ, во все то, что хочетъ съ силою разорваться и разлиться во все стороны, чтобы искать никогда не найденнаго Бога. Въ этомъ второмъ духѣ—пантеистическая форма. Въ мѣръ онъ, какъ зеркало морей, отражаетъ все: солнца, луны, ангеловъ, боговъ, и демоновъ. Ты знаешь, что этотъ второй духъ, это—ты“.

Посвящая свою драму Красинскому, Словацкій говорилъ:

„Возлюбленный поэтъ Развалинъ,

„Я пишу къ тебѣ, и позволь мнѣ начать съ поученія, которое мнѣ рассказали надъ Саламинскимъ заливомъ.“

„Старый игральщикъ на арфѣ, слѣпой, съ острова Сціо, пришелъ къ берегамъ Эгейскаго моря, и услышавши волны, ломающіяся съ великимъ шумомъ, думалъ, что шумъ тотъ—отъ гула толпы, что сбѣжалась рыцарскихъ пѣсень послушать. Итакъ оперся онъ на арфу, и пѣлъ пустынному берегу моря. Когда же онъ кончилъ, то задивился, что ни одного человѣческаго возгласа, ни одного вздоха, ни одного его пѣсень не снискала рукоплесканія. И бросилъ онъ арфу прочь далеко отъ себя, а тѣ волны, которыя пѣвецъ считалъ людской толпою, отнесли назадъ золотой инструментъ его пѣсни и положили его у ногъ его. И отошелъ отъ арфы своей опечаленный Эллинъ, не зная, что самая красивая раясодія не въ сердцахъ людей утонула, а въ глубинѣ Эгейскаго моря.

„Возлюбленный Придіонъ! Это сказаніе о волнахъ и слѣицѣ съ арфой замѣняетъ какое-либо предисловіе къ „Балладинѣ“. Выходитъ въ міръ Балладина, съ аріостовской усмѣшкой на лицѣ, одаренная внутренней силой надругательства надъ человѣческой толпой, надъ порядкомъ и ладомъ, съ которымъ все въ мірѣ свершается, надъ плодами непредвидѣнными, которые возрастаютъ на деревьяхъ, привитыхъ человѣческой рукой. Пусть поправитель всякаго безправія, Киркоръ, падаетъ жертвой чистыхъ своихъ замысловъ; пусть Грабецъ милуетъ кухню Киркора; пусть воздушная Гоплана влюбляется въ румянаго парня, а сентиментальный Филонъ ищетъ умышленно любовныхъ

мученій и умершей возлюбленной; пусть тысяча анахронизмовъ поразить спящихъ въ гробахъ историковъ и лѣтописцевъ; но, если все это имѣть внутреннюю силу жизни, если создалось оно въ головѣ поэта по законамъ Бога, если вдохновеніе было не бредомъ, а слѣдствіемъ той дивной власти, которая нашептываетъ на ухо слова никогда еще доселѣ не услышанныя, а глазамъ показываетъ существа никогда даже и во снѣ не видѣнныя, если поэтической инстинктъ быть счастливецъ разсудка, который не разъ то или иное осудилъ, тогда Балладина, вопреки разсужденію и исторіи, пребудетъ королевою Польши, а молнія, упавшая на минутное ея владычество, блеснетъ и разсѣетъ мглу дѣяній минувшаго.

„Усмѣхнись же теперь, Придіонъ, ибо вотъ, по примѣру Французскихъ поэтовъ, я скажу тебѣ, что „Балладина“ является лишь эпизодомъ одной великой поэмы, въ стилѣ Аріосто, который долженъ вступить въ правильную связь въ ряду шести трагедій или же драматическихъ хроникъ. Уже тѣни разныхъ небывшихъ людей вышли изъ мглы предсознанія и окружаютъ меня шелестящей толпой; нужно только, чтобы они собрались въ отдѣльныя кучки, чтобы дѣянія ихъ сложились въ пирамиды событій, и одну горсточку за другой я буду выталкивать въ міръ; и сбудутся, быть можетъ, сны моего дѣтства. Сколько ужъ, сколько разъ, смотря на старый замокъ, вѣнчающій развалинами холмъ моего родного городка (— Креме-

нецъ—), мечталъ я, что будетъ когда-нибудь время, и набросаю я въ этотъ вѣнецъ иззубренныхъ стѣнь привидѣній, духовъ, рыцарей; что отстрою заново обрушившіяся залы и освѣщу ихъ чрезъ окна огнемъ грозovýchъ ночей, а сводамъ велю повторять давніе Софокловы вздохи. А имя мое—такъ грезилъ я—будетъ за это услышано въ шумѣ бѣгущаго подъ горою потока, и какъ бы радуга изъ мыслей моихъ будетъ вздыматься надъ руинами замка. О, не говори мнѣ, что полевые колокольчики—лучшее украшеніе для развалинъ, нежели этотъ вѣнецъ мыслей, въ который одѣваетъ ихъ поэтъ,—ибо, хоть розы растущія на руинахъ дворца Нерона озарили красиво намъ эти развалины, однако жъ яенѣ ихъ мнѣ освѣтилъ тотъ духъ Придіона, котораго ты подъ крестомъ положилъ въ Коллизей и покрылъ золотыми крыльями ангела.

„Итакъ, пока ты древнія изваянія Римлянъ наполняешь вулканической душой нашего вѣка, я изъ давней Польши создаю фантастическую легенду, изъ тишины вѣковой добываю хоры пророческіе—и навстрѣчу твоей черной, перуниной, дантевской тучѣ вывожу легкія, радужныя, и аріостовскія облачка, увѣренный, что встрѣча наша въ вышней краинѣ не будетъ борьбой, а только игрою красокъ и тѣней, съ тѣмъ печальнымъ для меня концомъ, что твоя туча, бѣльшимъ вихремъ гонимая, и болѣе исполненная молнійнаго огня, разсѣетъ и поглотитъ мои воздушныя и разноцвѣтныя облака.

„Донесли мнѣ Сильфы, что отправился ты навѣдать Этну червонную; послать я тотчасъ же Искорку, чтобъ на твоей дорогѣ онъ все пораскрывалъ цвѣты, и все бы надъ тобою зажегъ звѣзды; въ благодарность за это, ставъ на вершинѣ вулкана, глянь на лазурь распростертую моря, и подумай, что всеѣмъ еще недавно по этимъ зеркаламъ плыть мой корабль, какъ лебедь, покрытый парусами своими. Повѣдай, не усмотришь ли черты какой на волнѣ, слѣда какого, оставленнаго исчезнувшимъ этимъ кораблемъ. Духовенство пѣло въ тотъ часъ гимнъ Пресвятой Дѣвѣ, а я стоялъ съ устремленными на огонь Этны глазами, опечаленный, что волна меня снова уносила всего лишь въ Европу. Послушай въ воздушной тишинѣ отзвукъ этого гимна, который баякалъ мнѣ сердце, не дрожить ли донынѣ въ хрустальной воздушности? Ницѣ слѣда моего въ воздухѣ и на волнѣ, а если не слышно обо мнѣ на волнѣ и въ воздухѣ, найди меня въ сердцѣ твоемъ, и пусть я побуду съ тобою еще одинъ часъ. Все жъ это Божій есть даръ, что умѣемъ мы мыслью летать другъ къ другу, провѣдать, навѣдаться.

„Пишу, расписался я, а вѣдь только хотѣлъ написать:—

Автору „Иридіона“,

на память,

„БАЛЛАДИНУ“

посвящаетъ

Юлій Словацкій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Отшельникъ, Попель III, изгнанный.

Киркоръ, владѣтель замка.

Мать, вдова.

Балладина, }
Алина, } ея дочери.

Филонъ, пастухъ.

Грабецъ, сынъ ризничаго.

Фонъ Костринъ, начальникъ стражи въ замкѣ
Киркора.

Гралонъ, рыцарь Киркора.

Канцлеръ.

Вавель, лѣтописецъ.

Пажъ.

Посолъ изъ столицы Гнвзна.

Судебный обвинитель.

Коронный лѣбкаръ.

Паны—рыцари—слуги въ замкѣ—кре-
стьяне—дѣти.

ЛИЦА ФАНТАСТИЧЕСКІЯ.

ГОПЛАНА, Нимфа, королева Гопла.

ХОХЛИКЪ.

ИСКОРКА.

Изъ времяя сказочныхъ, около озера Гопла.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Лѣсъ около озера Гола.—Хата отшельника, убранныя цвѣтами и плющомъ.—Киркоръ входитъ въ кольчугѣ, богато одѣтый, съ орлиными крыльями.

Киркоръ (однѣ).

Приличествуетъ попросить совѣта
У человѣка, что въ лѣсномъ затишьи
Скрывается; благочестивый старецъ,
Но въ разумѣ—безумья есть немножко;
Какъ только съ нимъ заговоришь о замкахъ,
О короляхъ, и о дворахъ царей,
Отъ разума онъ, какъ шальной, уходитъ,
Проклятя мечеть, пѣнится, клянетъ;
Отъ королей, должно быть, много злого
Онъ видѣлъ, потому и сталъ теперь
Къ простонародью очень благосклоннымъ.

(Стучить въ келью).

Стукъ! Стукъ!

Голосъ изъ кельи.

Кто тамъ?

Киркоръ.

Киркоръ.

Отшельникъ (выходя изъ кельи).

Здорово, сынъ.

Чего ты хочешь?

Киркоръ.

Я ищу совѣта.

Отшельникъ.

Такъ сдѣлайся отшельникомъ.

Киркоръ.

Когда бы

Подъ пятьдесятъ мнѣ было, можетъ быть

Въ печальной я-бѣ дубравѣ схоронился;

Но молодъ я, мои—четыре башни,

И думаю я нынѣ, какъ жениться...

Дай мнѣ совѣтъ свой, старче.

Отшельникъ.

Здѣсь въ лѣсу я

Ужъ два десятка лѣтъ, пошелъ и третій...

Киркоръ.

Такъ что-жь съ того?

Отшельникъ.

Не въ силахъ оцѣнить я
Людей, и не могу я указать,
Которую ты могъ бы взять дѣвицу.

Киркоръ.

Тѣ, что изъ почекъ дѣтства расцвѣтали,
Когда ты въ мѣрѣ жилъ, теперь ужь панны...
Изъ бѣлаго или краснаго бутона
И роза будетъ бѣлой или красной...
Припомни же красивое дитя,
Все бѣлое, какъ бѣлый цвѣтъ лилейный,
Что ангеломъ-хранителемъ несомъ—
Пусть въ соловѣя она пробудитъ зависть
Своимъ пѣвучимъ голосомъ, голубка-жь
Пускай сравнится вѣрностію съ ней...
Скажи мнѣ, гдѣ такая есть дѣвица?
О, старче, говорятъ, что королевны
Исполнены волшебныхъ чаръ?

Отшельникъ.

О, небо!

Родъ змѣй, жена—какъ мужъ, въ своихъ зло-
дѣйствахъ,

А дочери похожи на отца,
А сыновья—какъ мать; совѣмъ какъ гады,
Въ одномъ гнѣздѣ слетаются въ клубокъ,
Чтобъ ихъ перунь!..

Киркоръ.

Не проклинай.

Отшельникъ.

О, юный!

Ты проклинай со мной—они достойны
Проклятій. Чтобъ ихъ моръ и голодъ взяли!
Чтобъ молнія ихъ пополамъ пожрала!
Чтобъ, на земь павъ съ разинутою пастью,
Плащемъ имѣли прахъ, короной—змѣя!
Чтобъ ихъ!.. Кляня убійцъ, истратилъ силы,
Бѣшусь, какъ песъ, который на цѣни.
Павъ надъ панами былъ и я когда-то,
Стотысячный народъ меня любилъ,
Жилъ въ пурпурѣ, тенерь ношу лохмотья;
Я долженъ клясть. Тройхъ имѣлъ я дѣтокъ;
Убійцы брата въ горницу вошли
Во тѣмъ ночной, и со стеблей сорвали
Три малыхъ розы, цвѣтики мои.
Зарѣзали дитятокъ въ колыбелькахъ...
О, ангельчики!.. Дѣточки мои!

Киркоръ.

Кто жь, старче, ты?

Отшельникъ.

Король Попель я Третій...

Киркоръ (склоня колено).

Король мой!

Отшельникъ.

Кто же въ нищенствѣ узнаеть?..

Киркорь.

Холоповъ я вооружу, и въ Гибзю
Помчусь, и отомщу я за тебя.

Отшельникъ.

Благоразумье, юноша.

Киркорь.

Безправье,

Свирѣпѣй Моисеевой чумы,
Грязнить здѣсь землю, ширится скорѣе;
Попель, обрызганъ кровію дѣтей,
Негоденъ быть надъ рыцарями старшимъ.
Пусть станеть то, что стать должно подъ окомъ
Всевышняго на бѣдной той землѣ.

Отшельникъ.

На ангельскихъ крылахъ слетѣлъ ты съ неба,
На золотыхъ?

Киркорь.

Два бѣлыя крыла,—

Что за спиной моей,—росли на волѣ,
На царственной орлицѣ; что же, рыцарь,—
Надѣвши ихъ на свой наплечникъ,—будеть
Не такъ полезенъ для людей?—Позволить
Презрѣннымъ гадамъ жалить?

Отшельникъ.

Мужъ изъ стали,

Изъ тѣхъ ты, что способны рушить тронъ.

Киркорь.

Ты вѣдаешь, какъ родину пятнаешь
Распутство короля. Попель кровавый
Все новыя злодѣйства громоздить...
Я видѣлъ окровавленные члены,
Король питаетъ рыбъ тѣлами плѣнныхъ.
Не разъ, въ рядахъ—десятаго намѣтитъ
И, изрубивъ въ куски, любимымъ карпамъ
Швыряетъ пропитаніе такое;
Остатки тѣлъ въ поля онъ выметаешь,
Придворныя,—зерно онъ сбѣтъ въ кровь.
Палаческую землю, въ посмѣянье,
Сосѣдь его—зоветь червонной Русью.
Доселѣ вѣмъ, кто жилъ подѣ властью Леха,
Богъ счастье давалъ, обиліе жатвы,
Которая росла сама собою;
Теперь же гладъ неслыханный и моръ
Рука намъ Божья сыплеть. Отъ засухи
Потрескалась земля; и золотится
Весеннее рупо, предъ тѣмъ какъ колось
Погнется подѣ зерномъ, крестьяне жъ только
Серпами жнутъ колосья сплошь пугые.
И Польша, что обильною была,
Для саранчи становится амбаромъ;
Когда-то такъ воинственна была,
Теперь же, какъ единый блѣдный рыцарь,
Лишь съ голодомъ ведетъ борьбу, и въ схваткѣ
Съ заразою.

Отшельникъ.

О, проклять, проклять я,

О, я трикратно проклять, потому что
Повиненъ я въ несчастіяхъ народа.

Киркоръ.

Какъ, ты повиненъ?

Отшельникъ.

Дивной силой чуда
Корона Леха славной была,
Когда-то счастье въ ней народа было,
Замкнуло чудо силу края въ ней...
Я изгнанъ, и народъ лишенъ короны.

Киркоръ.

О, старче!

Отшельникъ.

Братъ короною владѣть
Фальшивую... моя же въ землю врыта,
Въ лѣсу, подъ пни, что сгнили... долженъ былъ я
Нести ее до гроба моего.

Киркоръ.

Откуда жъ эта власть у той короны
Чудесная?

Отшельникъ.

Къ родимой сторонѣ
Отъ яслей Виолеемскихъ возвращались,
Когда-то, тѣ святые короли—
Два Мага, съ ними Скиоѣ. Тотъ царь полночный
Зашелъ на ниву нашу, заблудился,
Во ржи онъ запутался, какъ въ лѣсу,

Такъ здѣсь росли хлѣба въ краинѣ Леха;
Такъ заблудившись, онъ сказалъ: „О, Боже!
Ты выведи меня.“ Вдругъ передъ нимъ—
Соломенная кровля зажелтѣлась
На хатѣ королевской, ибо Лехъ
Жилъ въ хатѣ; Скиоѣ вошелъ къ нему, и молвить:
„Мой братъ, король, иду изъ Виолеема,
Звѣзда же голубая васильковъ
Твоихъ лазурныхъ шла передо мною,
Пока не завела меня сюда.“
Лехъ молвилъ: „Оставайся здѣсь со мною.
Воинственный мой край, и край счастливый,
Коль хочешь, я съ тобой землицей этой
Охотно подѣлюся пополамъ“.
Скиоѣ молвилъ: „Хорошо, останусь. Только
Земли я не хочу,—ее сломаешь,
Такъ размежуешь кровью и слезой
Дѣтей и матерей“. Остались вмѣстѣ,
Но повѣсть та долга...

Киркоръ.

О, говори!

Отшельникъ.

Такъ вотъ, какъ прежде дѣлали монархи,
Колечкомъ обмѣнялся съ Лехомъ Скиоѣ;
И, сердцемъ полюбивъ сильнѣй, корону
Даль въ даръ ему... и вотъ корона наша.
Спаситель, древле, вытянувши ручки,
Отъ матери задумчивой пошелъ къ ней,

Къ ея рубинамъ подавался весь,
Какъ цвѣтикъ розы, глянувшій изъ листьевъ,
И говорилъ: „Дай мнѣ!“, и брилліантамъ
Усть розовыхъ—жемчужинкой свѣтить.

Киркорь.

О, бѣдный цвѣтикъ, для того расцвѣлъ ты,
Чтобъ на крестѣ гвоздями быть прибитымъ?
Зачѣмъ я на Голгоѣ не былъ тамъ,
На ворономъ конѣ, со свитой бранной,
Спасителя я спасъ бы, иль въ отмщенье
Умершему убійца я бѣ изрубилъ!

Отшельникъ.

Мой сынъ! Господь возьметъ твое желанье
Дѣянїя, какъ самое дѣянье.
Воротимся же къ нашимъ временамъ.
Когда мой братъ изгналъ меня, корону
Святую я унесъ съ собою въ лѣсъ...

Киркорь.

Вернется, о, клинусь, она вернется...
Но... только...

Отшельникъ.

Что ты хочешь мнѣ сказать?

Киркорь.

Предъ тѣмъ какъ въ пропасть страшную Киркорь
За мщеньемъ устремится, я хотѣлъ бы,

Издѣловать, къ какому мнѣ пеньку
Привить Киркоровъ древо родовое,
Чтобъ племя встало рыцарей отважныхъ
И тронъ твой стерегло? Кого ввести
Въ дверь замка, давши имя ей супруги?

Отшельникъ.

За призракомъ величія такъ много
Ужъ бѣгали съ кольцомъ тѣмъ обручальнымъ,
А всѣ почти что—взяли кость раздора
Взамѣну кости своего ребра.
Ты поступи иначе—ты шляхетный,
Ты юный; пусть же ласточка тебѣ,
Что первая передъ тобой взовьется,
Покажетъ, гдѣ гнѣздо она слѣшила;
Гдѣ ликъ дѣвицъ въ оконца улыбнется,
Подъ крышею соломенной, тамъ
Есть милая твоя. И не колеблись,
Возьми себѣ ту панну, что бѣдна,
Женись на простотѣ, и благо будетъ
Тебѣ въ томъ бракѣ, ты счастливѣй будешь,
Чѣмъ былъ бы съ королевой какой...

Киркоръ.

Такъ, старче, мнѣ совѣтуешь?

Отшельникъ.

Спокойно

Иди, мой сынъ, иди до хаты скудной,
И пусть жена, невинна, и мила...

Киркорь.

О, черная касатка! ты куда же
Меня проводишь, пташечка моя?

Отшельникъ.

Послушайся меня, мой сынъ.

Киркорь.

О, старче!

Совѣтъ твой добрый. Ласточка, веди!

(Киркорь уходитъ).

Отшельникъ.

О, эти молодые! Такъ отъ насъ
Уходятъ, восклицая громогласно:
Идемъ искать мы счастья! Мы же, старцы,
Здѣсь на землѣ печальной, черезъ что-то
Прошли мы, а нигдѣ мы счастья въ жизни
Не встрѣтили; вотъ развѣ что, быть можетъ,
Искать его мы въ жизни не умѣли.
Иди, иди, старикъ, къ пустынной кельѣ.

(Хочетъ войти въ келью и останавливается на порогѣ).
(Входитъ Филонъ, задумчивый пастухъ — фантастически
убранный лентами и цвѣтами).

Филонъ (съ восторженностью).

Златое солнце! милыя деревья!
И ты, ручей, что съ плачущимъ журчаньемъ
По камешкамъ струишь стеклинность водъ!
Вы, вешнія раскрывшіяся розы,

Влюбленный въ рыданья соловьевъ,
Филонъ увянетъ съ вами. Ибо грезилъ
Филонъ, что ждетъ удѣлъ Эндиміона
Его,—мечталъ, что вотъ когда-нибудь
Въ сіяньи лунномъ бѣлая богиня,
Узѣчанная розами, къ нему
Сойдетъ съ небесъ лазурныхъ, и наклонитъ
Надъ нимъ, дрожа, воздушное чело,
И расцвѣтитъ уста ему устами-
Кораллами. Ахъ, такъ я, такъ я грезилъ!
Но на землѣ Діаны нѣтъ. Одинъ,
Увяну, какъ фіалка, иль, какъ въ осень,
Цвѣты, что блекнуть.

Отшельникъ.

Молодой безумецъ,
Что значать эти требованья, вздохи?
Разсудокъ гдѣ? Божественный порядокъ
Вверхъ дномъ ты ставишь въ мірѣ; и желаешь
Быть Актеономъ; ангельскихъ божествъ
Ты ищешь на землѣ: вотъ потому-то
Такъ много старыхъ дѣвъ до сей поры
Не дождались мужей своихъ; смотри же,—
И на землѣ нищи себѣ любимой.

Филонъ.

Напрасно пробѣжалъ я цѣлый свѣтъ,
И множество дѣвицъ я видѣлъ смертныхъ.
Не разъ подъ золотыми волосами
Слѣдилъ мой жадный взоръ за ликомъ жницъ,

Тѣ лица—словно маки въ желтой нивѣ.
Не разъ глядѣлъ на бѣлыя полотна,
Что на лугу подъ солнцемъ снѣжны такъ;
И сердцемъ обезумѣвшимъ мечталъ я,
Что изъ полотень, какъ изъ пѣны моря,
Богиня алебастровая выйдетъ,
Любви богиня глянетъ въ блескъ солнца.
Ахъ, такъ на свѣтѣ жилъ я ослѣпленный,
Какъ бы въ пустынѣ, думающій, грустный,
Ненаемщенный. Былъ я при дворахъ,
И видѣлъ при дворахъ и королевицъ,
Что были, какъ въ выси звѣзда Венера,
Глядящая въ вечернихъ красныхъ зоряхъ,
Румяная, но вовсе безъ лучей.
У нихъ нѣтъ сердца, дорожатся сердцемъ,
Какъ будто брилліантами короны.

Отшельникъ.

Глупецъ!.. Звѣздъ недостигнутыхъ кунецъ!
Ты, что искалъ въ придворномъ блескѣ милой,
Прочь, прочь отсюда, цвѣтъ безѣмной,
Негодный для ручьевъ, какъ жбанъ разбитый,
Какъ свѣтъ осенній, міру—безполезный.
Какъ только ворочусь я на престоль,
Замкну тебя въ больницу сумасшедшихъ,
Иль къ школьникамъ и къ азбукѣ швырну.

Филонъ.

Мой добрый отче, Богъ тебѣ да свѣтитъ.
Себя не помнишь, вѣрно боленъ ты.

Отшельникъ.

Летать ко мнѣ всё тѣ, что ошалѣли,
И о дворахъ всё грезять королевскихъ;
О короляхъ мечтають, а идутъ
Укрыться въ лѣсъ, и стонуть здѣсь, и стонуть,
Какъ будто бы слѣзныя совы.

Филонъ.

Старче,
Вставь голову въ ручей, она остынетъ.

Отшельникъ.

Вода не смоетъ на моемъ челѣ
Кровавый поясъ. Видишь, это видишь,—
Какъ рѣжетъ лобъ корона? Двадцать лѣтъ
Я жилъ въ лѣсу,—не затянулась рана.
Вкругъ лба кровавый поясъ, и другой
Такой же алый сердце мнѣ сжимаетъ;
Тотъ отъ короны,

(показывая на сердце)

этотъ отъ мечей

Палаческихъ. О, дѣти! Боль сиротства!
О, прошлое мое!

Филонъ.

Тотъ старецъ—нудный;
Въ умѣ его какія-то, безъ тѣла,
Блуждаютъ тѣни; вѣрно, ошалѣлъ онъ
Отъ скуки одиночества, поста.

Отшельникъ.

Боль мысли острѣе, что колеть больно,
Дѣйствительность же... О, та ранить хуже,
Та убиваетъ, какъ ударъ желѣза...

Филонъ.

Поговоримъ съ тобой объ этомъ послѣ,
Но сердца боль, я говорю тебѣ...

Отшельникъ.

Тебя пусть похоронить, слабодуше.
Ничто убьетъ *ничто*; и гробъ твой тѣсный
Замкнетъ *ничто*.

Филонъ.

О, милая, твой образъ

Ненайденный

(показываетъ на сердце)

вотъ здѣсь живетъ. И горше

Намъ не найти, чѣмъ потерять, найди.

Тебя я не нашель, и все же вижу

Тебя передъ собою. Въ лѣсъ иду,

Гдѣ буду я одинъ... съ тобой. Да будетъ

Благословененъ свѣтъ воображенья,

Ты мнѣ спасенье.

(Уходитъ въ лѣсъ).

Отшельникъ.

Такъ шалѣютъ люди.

(Входитъ въ келью).

СЦЕНА 2-я.

Другая часть лѣса, видно озеро Голло.—Входитъ Искорка и Хохликъ.

ИСКОРКА.

Гдѣ королева наша, Голлана?

ХОХЛИКЪ.

Снить еще въ Голлѣ.

ИСКОРКА.

Развѣ такъ рано?

Или не слышенъ ей запахъ сосны?
Не пробудилаеь отъ духа весны?
Или не слышно ей, какъ надъ волнами
Черныя ласточки бьются крылами,
Такъ что зеркальность воды озерной
Въ тысячѣ малыхъ кружковъ предо мной.

ХОХЛИКЪ.

Проснется эта вѣдьма слишкомъ скоро,
И будетъ запрягать въ работу насъ.
То въ жолуди пустые класть яички
Тли травяной; то муравьямъ, что строятъ
Столицу, помогать въ постройкахъ ихъ,
И подметать дороги, что проходить
Въ ихъ муравейникъ; то коровкамъ божьимъ
Развязывать броню, чтобы они
Могли летать; то улья пчель провѣдать
И изъ раскрытой книги имъ читать
Весь сводъ законовъ улья, иль присягу

Пчелиной маткѣ принимать отъ пчелки
Родившейся; а то еще сзывать
На озерной тростникъ толпу касатокъ
И годовалыхъ матокъ обучать
Искусству строить гнѣзда; замыкать
Тѣ клѣтки, что поставлены для пташекъ,
Наперекоръ лихому птицелову,
Чтобъ не увязла птичка въ западнѣ;
И съ госпожой сорокой постоянно
Имѣть дѣла и въ уши ей трубить:
Сорока, не укради. Воробью
Чирикалкѣ напоминать усердно:
Чирикать-то чирикай, да получше,
Надъ деревенской хатою чирикай.
Какъ конь какой языческой работай,
Все лѣто проработаешь, а зиму
Спи у холопа на полатахъ грязныхъ,
Иль на шесткѣ, среди горшковъ, близъ бабы
Рябой, съ ея ребенкомъ, что реветъ.

Искорка.

Ну, Хохликъ, да вѣдь ты жъ большой дѣнтай.

(Смотрить на озеро).

Ахъ, смотри, въ сяньи солнца,
На лучѣ его продольномъ,
Изъ воды глядитъ Гоплана,
Словно аира листокъ.
Въ блескѣ вешняго червонца,
Колыхаясь въ вѣтрѣ вольномъ,
Улыбаясь такъ румяно,

Покидаетъ влажный токъ.
Словно лебедь, стройно, гибко,
Проплываетъ, оснѣженный,
И колеблется, безмолвный,
И качаяся плыветъ.
Глянь же! глянй! легка, какъ рыбка,
Къ незабудкѣ благовонной,
Вмигъ скочила, кинувъ волны,
Ручкой бѣлою къ ней льнетъ.
Все жь воды не покидаетъ,
Серебристой вьется рыбкой,
И алмазный дождь кружится
Подъ ногою въ огонькахъ.
Кто колдунью разгадаетъ?
Струй ли держать обручъ зыбкій?
Или въ воздухъ ложится?
Иль повисла на цвѣткахъ?

Хохликъ.

Голова въ вѣикъ, но черномъ,
Затѣненнымъ смотреть ликъ.
Что въ сплетеніи узорномъ?
То цвѣты, или тростникъ?

Искорка.

Нѣтъ, то ласточки прильнули
Къ волосамъ ворожей:
Утромъ, въ осень, такъ уснули,
Ножки лентой свивъ свои,
И въ рѣку, пройдя туманы,

Пали такъ на зимній срокъ,
И златымъ кудрямъ Гопланы
Черный глубъ дала вѣнокъ.

Хохликъ.

О, Искорка, совѣтую, бѣжимъ,
Сейчасъ задасть намъ вѣдьма дѣло дѣлать,
Работы новой у нея найдется.
Тамъ поглядѣть, чтобъ мельница вертѣлась,
Откуда убѣжала вся вода,—
Ишь, бѣдный мельникъ,—тамъ еще прикажетъ,
Чтобъ неповѣданъ былъ лѣнивый шершень,
Предъ тѣмъ какъ въ адъ пойдетъ за кражу меда...
Или еще расписывать павлиновъ.

Искорка.

Такъ что жъ, убѣгай поскорѣе...
Миѣ весело, весело! Вотъ,
У ласточекъ перья, свѣтлѣя,
Просохли, и ихъ хороводъ
Весь ожилъ, и крылья колышетъ,
Вспорхнули. Летѣть, такъ лети!
А наша царица чуть дышитъ,
Развившихся косъ заплести
Не смѣетъ, дивится, не знаетъ,
Какъ ожилъ увядшій вѣнокъ,
И какъ это онъ улетаеть,
И какъ это онъ такъ далекъ.
Гоплана! Гоплана! Гоплана!

(Входитъ Гоплана).

ГОПЛАНА.

Парви миѣ, Хохликъ, розъ! вѣнокъ мой улетѣть!

ХОХЛИКЪ.

Ну, началось. Пошла.

(Хохликъ уходитъ, ворча).

ГОПЛАНА.

Что, еще рано?

ИСКОРКА.

Да, первый часъ весны.

ГОПЛАНА.

Ахъ, гдѣ жъ любимый мой?

ИСКОРКА.

Что велишь миѣ, королева?
Дай красивую работку:
Все исполню я, въ охотку;
Свить ли радугу налѣво,
Свить ли радугу направо,
Разноцвѣтную, какъ слава,
Или кровлю унизать
Словно жемчугомъ, цвѣтами,
Павилкой завязать,
Или выстроить рядами
Многокомнатный покой,
Мальвы выбравши столбами,
И занескривъ предъ тобой
Колокольчикъ голубой?

ГОПЛАНА (задумавшись).

Нѣтъ.

ИСКОРКА.

Ну, что жь ты, хочешь троновъ,
Не изъ дуба, не изъ кленовъ,
А изъ выплаканныхъ слезъ,
Что, промчавшись, дождь принесть?
Иль шуурокъ принесть жемчужинъ,
Тѣхъ, что клей даютъ для птицъ,
Съ осіяностью зарницъ,
Какъ воздушнаго намета
Лучъ смѣющийся лучу.
Хочешь? ринусь я въ болото,
Полечу, и ухвачу
Огонекъ тотъ, блѣдный, синій,
Что блуждаетъ по трясинѣ,
И въ лилейный бѣлоцвѣтъ
Помѣщу тотъ синій свѣтъ,
И подсвѣчникъ такъ построю,
Колокольчикомъ прикрою,
Чтобъ свѣтилъ тебѣ... Все нѣтъ?
Все такъ мало? Ну такъ, пани,
Повели, и все заразь,
Что подъ солнцемъ, что въ туманѣ,
Принесу тебѣ сейчасъ.
Свѣтъ, росу, цвѣты, деревья,
Что въ землѣ, что надъ землей,
Звуковъ зыбкія кочевья,
Эхо, краски, цѣлый рой
Нѣжныхъ запаховъ съ весной,

Всѣ дыханья аромата,
Все, о чемъ когда-нибудь
Ты мечтала,—какъ когда-то
Буря, мчась въ далекій путь,
Волны била, чтобъ кружились,
И чтобъ сны Гопплаиґ снились.

ГОППЛАИҢ.

Ахъ, Искорка, влюбилась я.

ИСКОРКА.

Во что?

Иль въ розу безъ шиповъ? или въ калину?
Въ четырехлиственный клеверъ? а не то
Въ цвѣтъ мачехи, чье имя *Жизнь свѣтлая*,
Что мачеха сажаетъ средь долины,
Когда схоронить мужнинныхъ дѣтей?
Или быть можетъ въ нитку Магдалины,
Что и безъ вѣтра въ воздухѣ летитъ?
Или еще быть можетъ въ цвѣтъ крушины?
Иль въ маргаритку бѣлую, что спитъ,
И, *Не люблю* сказавъ листочкомъ пятымъ,
Пастушку умертвила въ утрѣ дней?
Какимъ унитъся хочешь ароматомъ?
Лишь Искоркѣ скажи, пошли скорѣй,
И принесетъ тебѣ онъ чрезъ мгновенье
Любимаго, и въ твой вѣнокъ вилететь,
И вѣчно будешь съ нимъ безъ разлученья,
И поцѣлуямъ ты утратишь счетъ,
И до другого травяного вѣка,

До будущей весны его любя,
Его ты не отпустишь отъ себя.

Гоплана.

Ахъ, я люблю, влюбилась—въ человѣка.

Искорка.

Людскія это чары.

Гоплана.

Той зимой

Заснула я на ложѣ изъ кристалловъ,
Вдругъ свѣтъ меня какой-то пробудилъ
Насильственно, мой сонъ глухой разрушивъ.
Раскрыла я глаза, смотрю... червонный
Какой-то пламень бьется черезъ ледъ.
И слышенъ стукъ глухой. Для бѣдныхъ рыбокъ
То рыбаки вырубивали прорубь
Предательскую... Вдругъ ужасный крикъ.
Въ ту прорубь человѣкъ упалъ, и прямо
Ко мнѣ на ложе. И свѣтилъ ли это
Подобный розамъ свѣтъ въ моемъ чертогѣ
Стекланномъ, или были это розы
Его лица, что смертью уже мгло,
Но онъ мнѣ показался такъ красивымъ,
Ахъ, такъ красивымъ, что его хотѣла
Павѣки удержать я во дворцѣ
Зимы, не размыкая рукъ сомкнутыхъ,
И цѣбую поцѣлуевъ приковавъ.
Тутъ началъ умирать онъ... И пришлось мнѣ,
Ахъ, да, пришлось мнѣ выпустить его.
О, если бъ я могла, по крайней мѣрѣ,

Его въ рукахъ своихъ изъ глуби вынести,
Уста съ устами слить, и жизнь мою
Излить въ него, согрѣвши грудь, что льдина!
Но знаешь ты, какая это пытка
Для насъ, когда, подобныя цвѣтамъ,
Должны мы, потерявъ румянецъ нѣжный
И весь расцвѣтъ весны, лежать на днѣ,
Тамъ въ озерѣ, какъ будто бѣлый камень.
Такою въ тѣ минуты я была.
Должна была лежать на днѣ глубокомъ,
Не вѣтренно стремиться къ свѣту дня.
Я вынесла дрожащею рукою
Наполовину-мертваго его,
И выбросила кверху черезъ прорубь,
Сама съ тоскою возвратилась внизъ,
Къ холодному на днѣ, къ пустому ложу.
Крикъ рыбаковъ мнѣ сердце разстерзаль,
Привѣтствовали, въ мигъ какъ я прощалась.
Ждала весны, вотъ наконецъ пришла.
И я проснулась вiovь, съ любовью въ сердцѣ...
О, предъ лицомъ его цвѣты—ничто,
Передъ его глазами звѣзды гаснуть.
Ахъ, я люблю, люблю!

Искорка.

Въ лѣсу есть кто-то.

Гоплана.

То онъ! то онъ, мой милый! мой любимый!

О, Искорка, исчезни, будь незримъ.

(Искорка уходитъ).

(Входить на сцену Грабецъ — румяный — въ деревенской одеждѣ).

ГРАБЕЦЪ.

А что это за панна? Ликъ имѣеть,
И ноги и желудокъ, все честь-честью;
Но будто бы стеклянная она.
Какое это диво изъ желе
И мглы? Инымъ полюбится такая,
Что до меня, есть рыбе что-то въ ней.

ГОПЛАНА.

Какъ, юноша красивый, ты зовешься?

ГРАБЕЦЪ.

Такъ, ничего себѣ.

ГОПЛАНА.

О, милый, милый!

Такъ, ничего себѣ.

ГРАБЕЦЪ.

Ну, и глупа же

Властительная пани, какъ взгляну я.

Такъ, ничего себѣ—лишь только значить,

Что красотѣ моей порухи нѣтъ,

Что я красивъ. А называюсь—Грабецъ.

ГОПЛАНА.

Какой же ангель заблудилъ тебя

Въ лѣсу?

ГРАБЕЦЪ.

Вотъ доложу вамъ, любопытство
Въ красѣ увядшей.

ГОПЛАНА.

О, скажи, панъ Грабецъ.

ГРАБЕЦЪ.

А ты со мной попроще говори.
Я просто Грабецъ, ну и молви—Грабецъ.

ГОПЛАНА.

Кто жь ты?

ГРАБЕЦЪ.

Слуга покорный ясной панны.
Кто я, спросила ты? Разскажь пространный.
У насъ есть храмъ, и въ немъ органъ большой,
Играль мой тятя ловко на волынкѣ,
Играль прекрасно, ежели былъ пьянъ,
А если трезвъ, чудовищно пиликалъ;
До этого цирюльникомъ онъ былъ,
И стригъ и брилъ, стригъ цѣлую деревню,
Онъ стригъ и брилъ, притомъ дудѣлъ въ волынку,
Затѣмъ что стригъ и брилъ въ субботу онъ,
Въ волынку же дудѣлъ онъ въ воскресенье;
А добродѣтель онъ имѣлъ такую,
Что брилъ—не пилъ, а пилъ—когда играль.
Все шло отлично, прямо—какъ по маслу.
Да вдругъ запѣлъ пѣтухъ, и мой отецъ
Супружествомъ съ женой удѣлъ связалъ свой.

У панны молодой—быль усь; отецъ
Тоть усь обрилъ; все шло—ну, какъ по маслу.
Но новья явились чудеса.
Жена играла въ дудку, а отецъ мой
Быль дудкой; такъ на тятѣ и играла,
И до тѣхъ поръ играла и дудѣла,
Пока не схоронила на погостѣ.
Я, значить, послѣ смерти продолжаю
Отцовское: посмертная работа
Игральщика въ волюнку; говорятъ,
Что я отца прямое повторенье,
Люблю я старый медъ, люблю горѣлку,
Отъ матери же тягу я даю.

Гонлана.

Весенній вѣтеръ въ ухо мнѣ приносить
Его слова душистыя. О, милый!
Тебя люблю я.

Грабецъ.

Это что жъ за дѣвка?

Неистово и прямо начинается.
А впрочемъ дива нѣтъ тутъ никакого.
Когда черезъ деревню я иду,
Сердца, какъ сливы, подъ ноги летять мнѣ.
Кричать дѣвчонки: Пане Грабецъ, Грабикъ,
Пусть Грабецъ помнить: завтра грабли въ сѣно,
Гребемъ, такъ помоги же намъ грести.
А это значить—за меня хоть въ воду,
И что на сѣнѣ можно цѣловать.

ГОПЛАНА.

Меня ты любишь, милый мой, скажи?

ГРАБЕЦЪ.

А вотъ отвѣдать нужно... Поцѣлуйка-ка...

ГОПЛАНА.

Стой! Поцѣлуй—дѣвъ чистыхъ обрученъе.
За каждымъ поцѣлуемъ листъ спадаетъ
Съ дѣвичьяго вѣнка. Не разъ дѣвица
Блѣдна, въ смущеньи, оттого, что листикъ
Одинъ уналъ съ цвѣтка, что есть цвѣтъ сердца,
И ужь любить не смѣетъ, мѣръ—прощай,
И въ гробъ уходитъ, нелюбимой вовсе.

ГРАБЕЦЪ.

Ну, ваша милость—словно какъ монашка.

ГОПЛАНА.

Разъ поцѣлуешь—я твоя навѣки,
И ты навѣки мой.

ГРАБЕЦЪ.

Ну, поцѣлуй
Здѣсь близко, а вотъ это мой—далеко.
(Цѣлуеть).

ГОПЛАНА.

О, мой любимый!

ГРАБЕЦЪ.

Это что жь? Ей-Богу,
Поцѣловалъ я пахнущую розу...

Фу... роза стала плоть, и плоть какъ роза...
Невкусно!

Гоплана.

Дорогой мой! Каждый вечеръ
Теперь ко мнѣ ты долженъ приходить,
Въ лѣсную чащу. И бродить мы будемъ,
Когда сіяетъ мѣсяцъ, и когда
Вздыхаютъ сладкогѣвно соловьи
Надъ влагою лѣсныхъ озеръ, хрустальныхъ,
Подъ лиственницей пышной и вѣтвистой.

Грабецъ (про себя).

Не вѣдаю, что отвѣчать мнѣ бабѣ.

Гоплана.

Ты грустенъ? ты молчишь? О, мы другъ съ другомъ
Такъ счастливы здѣсь будемъ.

Грабецъ.

Быть-то будемъ,

Но только не подвечеръ и не здѣсь.

Гоплана.

А почему?

Грабецъ.

Какъ бѣшеный, воды я
Не выношу.

Гоплана.

Любимому я буду
Малину собирать и землянику.

Г р а б е ц ь .

Но я малину вовсе не люблю...
И ежели съ малиною горшокъ
Несеть какая дѣвушка,—бываетъ,
Что сошвырну горшокъ я съ головы,
Но только вѣдь совсѣмъ не для малины.

Г о п л а н а .

Но ты любимый, да, любимый мой,
Любить цвѣты ты долженъ. Приходи же,
Какъ только вечеръ...

Г р а б е ц ь .

Это уже слишкомъ.
Пристала, словно сонъ дурной. Не будетъ,
Я вечеромъ ни разу не приду.

Г о п л а н а .

А почему?

Г р а б е ц ь .

За боромъ есть дѣвчина,
Что каждый вечеръ Грабца ожидаетъ.

Г о п л а н а .

Дѣвчина?

Г р а б е ц ь .

Да,—дѣвчина.

Г о п л а н а .

А пригожа?

Г Р А Б Е Ц Ъ .

А паниѣ что до этого?.. Зовется
Дѣвчина Балладиной.

Г О П Л А Н А .

Дочь вдовы,
Сестра Алины? Сердце въ ней презлое.

Г Р А Б Е Ц Ъ .

Я вижу, ваша милость ошалѣла.
Не вѣрую я въ бабы чудеса,
Ни въ судъ ихъ, пересуды, наговоры.
У всѣхъ дѣвчонокъ, у которыхъ ножка
Мала—красивы губы, нѣжно сердце,
А ножки у нея какъ разъ красивы.

Г О П Л А Н А (воспламеняясь).

Пусть гаснетъ солнце, если у меня
Тебя отниметъ кто-нибудь, любимый.
Ты мой, ты мой, навѣки, только мой.
Возьми хоть мѣсяцъ перстнемъ обручальнымъ,
Хоть мѣсяцъ, разломаю я его,
И мѣсяцъ загашу, коль провожаетъ
Тебя онъ къ поцѣлуямъ, въ домъ коханки.
Ахъ, будь мнѣ вѣренъ! я молю тебя!
Ахъ, заклинаю, и тебя же ради,
Для счастья твоего. Ахъ, заклинаю!
Погибнешь ты, любимый—иѣтъ—погибнемъ
Мы вмѣстѣ, но и ты погибнешь также,
Когда погибну я. Но не хочу я

Погибнуть, чтобъ со мной ты не погибъ.
Велю тебѣ, хотя бы лишь сегодня,
Хотя сегодня, не ходи туда.

ГРАВЕНЬ.

Велишь,—а кто ты?

ГОПЛАНА.

Я царица волинь.

Гоплана я, царица.

ГРАБЕЦЪ.

Э, бѣжать!

Исусе, Богородица, въ бѣдѣ я,
Бѣсовская жена моей быть хочеть.

(Грабецъ убѣгаетъ).

ГОПЛАНА (одна).

Пусть солнце гаснетъ, пусть потонуть звѣзды,
Тамъ въ небѣ бездорожномъ, пусть увянутъ
Всѣ розы. Чтò мнѣ въ солнцѣ и въ цвѣтахъ,
Чтò въ звѣздахъ, я хочу ихъ всѣ утратить,
Лишь милаго бы мнѣ не потерять.
Всю власть, какую только я имѣю,
Всю силу сверхъприродную надъ міромъ
На то я обращаю, чтобъ это сердце
Подбить и завладѣть имъ. Искра! Хохликъ!

(Прибѣгаетъ Искорка).

Что, Искорка, ты слышалъ разговоръ мой
Съ моимъ любимымъ? съ ангеломъ?

Искорка.

Не будь

Ко мнѣ сурова... Знаешь... любопытство...
Раскаянье мое чистосердечно...
Цвѣтъ павилики бѣлой я сорвалъ,
И, кончикъ стебелька вложивши въ ухо,
Я слышалъ... чрезъ цвѣтокъ.

Гоплана.

А гдѣ же Хохликъ?

Искорка.

Лѣнинецъ, онъ все тащится съ вѣнкомъ.

(Входитъ Хохликъ съ вѣнкомъ).

Гоплана.

Стыдись же, Хохликъ, срамъ тебѣ, смотрите,
Крапивы онъ съ репейникомъ нарвалъ,
Полыни гадкой, и смѣшалъ ихъ съ дерномъ.

Искорка.

Позволь мнѣ, пани, высѣку его я,
За то, что онъ принесъ такой вѣнокъ.

Хохликъ.

Эй—эй, смотри, тебя я заколдую.

Гоплана.

Ну, слушайте тихонько, дьяволята.
За милымъ ты моимъ помчишься, Хохликъ,
Иди при немъ, предъ нимъ, за нимъ, какъ въ топи

Блуждающіе бродятъ огоньки,
Води его по муравѣ, чтобъ только
Онъ до утра той хаты не нашель,
Гдѣ двѣ живутъ красивыя дѣвицы,
Два цвѣтика, двѣ дочери вдовы...
Меня ты поняль?... А съ восходомъ солнца
Ко мнѣ сюда ты милаго проводишь.

Хохликъ.

Я буду безъ конца его въ болотѣ
Кружить, чтобъ въ тони вязъ онъ... Ха! ха! ха!
(Хохликъ уходитъ).

Гоплана.

Ты же, Искорка мой милый,
На мостокъ лети скорѣй,
И сокройся близъ могилы,
Гдѣ убилъ себя унылый,
Спрячься въ ивѣ межъ вѣтвей.
Черезъ часъ мосточкомъ этимъ
Будетъ ѣхать пышный панъ,
Весь онъ въ златѣ, весель, свѣтель,
Добрый панъ богатыхъ странъ,
Какъ на свадьбу—безоружень,
И въ каретѣ золотой,
Конь съ конемъ въ упряжкѣ дружень,
Пять коней въ каретѣ той;
Четверня ихъ—воронье,
А передній—бѣлый конь,
Мечетъ искры онъ живыя,

Первый мчится, какъ огонь.
А на мостикѣ есть балка
Что дрожить и прогнила.
Понимаешь?

Искорка.

Чтобъ, какъ палка,
Сразу сломленной была?

Голлана (склоня голову).

Но чтобъ не было ущерба,
И ни людямъ, ни конямъ.

Искорка.

Я иду туда, гдѣ верба.
Что потомъ?

Голлана.

Потомъ вѣтвямъ

Ты велишь шумѣть, и вѣя
Тихимъ вѣтромъ возлѣ водъ,
Пана ты введешь, лелѣя,
Въ хату, гдѣ вдова живетъ.
Сдѣлай такъ, чтобъ панъ богатый
Замужъ дочку взять одну,
И счастливая трикраты
Отбыла въ его страну,
Въ золотой его каретѣ.
Милый Искорка, скорѣй!

Искорка.

Такъ бываетъ здѣсь на свѣтѣ,
Дѣвы—въ жены. Ей-же-ей

Не задремлетъ солнце дважды,
Мѣсяцъ дважды не заснетъ,
Какъ, полна любовной жажды,
Замужь дѣвушка пойдетъ.

(Улетаетъ).

ГОПЛАНА.

Ну, Сильфовъ разослала я; пускай
На счастье мое они хлопочуть.
Идетъ теперь ужъ дѣло не о томъ,
Чтобъ ниву взять цвѣточными войсками,
И не цвѣты теперь ужъ мнѣ стеречь,
Не радугу свивать, не соловьевъ мнѣ
Учить, какъ пѣть, не ласточекъ будить,
Люблю я, гибну. Если онъ не будетъ
Меня любить? Растаю бѣлой мглою.
И упаду, слезами на цвѣтокъ,
И съ полевымъ цвѣточкомъ я увяну.

(Расплывается въ воздухѣ).

СЦЕНА 3-я.

Хата вдовы.—Вдова и дочери ея, Балладина и Алина, входятъ съ серпами.

В Д О В А.

Оконченъ день работы, Балладина,
Отъ солнца ручки у тебя совсѣмъ
Растаяли, какъ маленькія льдинки.
Мы завтра рано, утречкомъ, съ Алинкой

Дождёмъ остатокъ нивы; ты же, дѣтка,
Сиди себѣ и отдыхай здѣсь дома.

А л и н а .

Нѣтъ, нѣтъ, пусть отдыхаетъ завтра мать,
А мы съ сестричкой рано выйдемъ въ поле,
Ужь больно любить солнышко твою
Головушку сѣдую, и сѣшнить къ ней,
Какъ гадкая оса на цвѣтикъ бѣлый,
И отъ волосъ листкомъ не отогнать;
И не навѣетъ Богъ ни малой тучки,
Чтобъ матушку отъ зноя скрыть въ тѣни.

В д о в а .

Вы добренькія дочки, съ вами даже
Мила мнѣ бѣдность скудная моя;
Не потеряетъ—кто для Бога сѣетъ.
Въ умѣ держу я, что заплатитъ Богъ вамъ
Богатымъ мужемъ—а вѣдь кто же знаетъ?
Ужь при дворѣ, быть можетъ, королевскомъ
О васъ слышать. Вотъ, мы себѣ тутъ жнемъ,
А вдругъ изъ бора ѣдетъ королевичъ,
Ну, можетъ быть, придворный поваренокъ,
Или конюшій—вотъ, глядимъ—карета...
Почтенная,—тутъ говорятъ ко мнѣ,—
Дай въ жены мнѣ одну изъ этихъ дочекъ.
Панъ, хорошо, бери же Балладину,
Она красива, словно царскій скипетръ,
Цвѣтокъ пригожій; такъ же и тебѣ,
Алина, добрый мужъ найдется, рыцарь,

По старшей нужно прежде новобрачной
Назваться. Волны въ рѣчкѣ такъ идутъ,
Одна, за ней—другая. Королевичъ,
Послушай и женись на Балладинѣ.

Балладина.

Куда мой гребень дѣла ты, Алина?
Мать бредить, а ты слушаешь ее.

Алина.

А это, Балладина, ей къ лицу,
Какъ бредить вслухъ, или когда смѣется.

Мать (къ Балладинѣ).

Ты вѣрно говоришь. Такая хата
Убогая, а мнѣ не вѣсть что снится.
Но Богу также въ вѣковѣчной славѣ
Должно тамъ что-тониться... а когда бы
Вдругъ Богу пожелалось дать мнѣ зятя,
Да золотого.

Балладина.

Ахъ, у поля тамъ
Какой-то стукъ; большой дорогой ѣдетъ
Дворъ князя... пять коней... и золотая
Карета... Кто же это? Онъ поѣхалъ
Аллеей. Какъ красиво средь деревьевъ
То золото сіяетъ! Ахъ, мой Боже,
Что съ ними приключилось? На мосту
На нашемъ, посредиѣ, кони стали...
Карета съ мѣста стронуться не можетъ...

Вдова.

Должно, поить коней они хотять...

Балладина.

Конечно, пань такъ по-просту въ дорогѣ
Поить коней.

Вдова.

А если пить хотять.

Алина.

Ужь гаснетъ солнце, нужно намъ зажечь
Сосновую лучину.

Балладина, (бѣжить къ окну).

Ахъ, лампу засвѣтить... ахъ, лампу... живо...
О, гдѣ мой гребень?

(Слышенъ стукъ въ дверь).

Вдова.

Что тамъ? Что? Стучать!

Поди же, Балладина, отвори имъ.

Балладина.

Пускай сестра отворить.

Вдова.

Отворите

Скорѣе, кто-то въ хату тамъ стучить.

Алина.

Ахъ, я боюсь...

В до в а.

Пусть всякій божій духъ
Восхвалитъ Бога... отомкну я хату.

(Смотритъ черезъ дверную дырку).

Какой уборъ богатый, золотистый!

(Отворяетъ).

Во имя-ль Бога?

(Входитъ Киркоръ).

К и р к о р ъ.

Такъ, во имя Бога.

Прошу простить, но мостикъ надъ рѣчонкой
Сломался подъ каретою моею,
Прибѣжища ищю.

В до в а.

Прошу къ столу,

Садись, мой королевичъ, да садись же.
Бѣдна вотъ хата... Молвить соизволилъ,
Что у тебя карета... О, несчастье!
Дѣвицы! Это дочери мои,
Мой ясный королевичъ... А давно ужъ
Здѣсь случая такого не запомнятъ,
Вотъ развѣ что весною прошлой мельникъ,
Который лунной ночью ѣхалъ тутъ...

Б ал л а д и н а.

Довольно мать, позволь же пану молвить.

(Входитъ Искорка, невидимый для дѣйствующихъ лицъ).

Киркоръ.

Я звуки лютея слышала передъ хаткой...
Не дочери-ль твои играютъ это?

Вдова.

Прошу прощенья, королевичъ, нѣтъ.

Искорка.

Сочувственный сорваши въ тучкѣ цвѣтъ,
Невидимо въ вѣнокъ его свиваю,
На дѣвушекъ обѣихъ надѣваю,
Дала мнѣ королева свой завѣтъ,
Но не сказала мнѣ, къ кому такъ скоро
Я долженъ сердце склонить Киркора,
Къ которой изъ сестеръ. И нѣжный звонъ
Начнетъ воздушно пѣть со всѣхъ сторонъ.
Цвѣты прольютъ всю сладость аромата,
И все въ немъ будетъ нѣжностью объято,
И такъ внезапно обомлѣетъ онъ,
Что сердцемъ въ два ужъ сердца онъ влюбленъ.
(Кладетъ вѣнки изъ цвѣтовъ на головы дѣвушекъ.—Слышна музыка).

Вдова.

Не отдохнуть ли хочеть королевичъ?

Киркоръ (съ удивленіемъ и без-
покойствомъ).

Какъ, отдохнуть, когда такіе звуки
Волшебные я слышу... Это ваши,

О, дѣвушки, звучать такъ дивно пѣсни,
Я слышу пѣнье...

Алиа.

Можетъ, пану снится?
Здѣсь въ хатѣ... тихо...

Киркоръ.

Ахъ, какъ скучно мнѣ
Вспоминать о томъ, что пусть мой замокъ!

Искорка (въ сторону).
Подѣйствовали чары...

Киркоръ.

Изъ какихъ
Кадиль распространяется тотъ запахъ?
Навѣрно, съ вашихъ онъ идетъ вѣнковъ,
Что оросилъ слезами ясный вечеръ?

Балладина.

Но гдѣ у насъ вѣнковъ.
(Входитъ слуга Киркора, богато одѣтый).

Слуга.

Ужъ колесо
Исправлено въ каретѣ...

Киркоръ.

Распрягите
Коней. Я здѣсь останусь.

Вдова.

Что за чудо?

Здѣсь въ хатѣ королевичъ! На какомъ же
Онъ сѣбѣ будетъ спать, когда ему
И лепесточки розы будутъ въ тягость...

Киркоръ (про себя).

Отшельникъ старый, ворожилъ ты правду,
Тамъ, гдѣ блеснутъ двѣ розы изъ окошекъ,
Гдѣ кровля изъ соломы...

Искорка (про себя).

Чары—вотъ.

Киркоръ (ко вдовѣ).

Послушай, мать, въ свѣтъ бѣлый я поѣхалъ,
Чтобъ добрую и бѣдную супругу
Себѣ найти; я дальше не поѣду,
Чудеснѣйшихъ я здѣсь нашель богинь...
О, если бы имѣлъ я два престола!
Скажу скорѣй, когда бѣ два сердца мнѣ!
Но мнѣ сдается, будто два во мнѣ ихъ...
Отъ двухъ сердець о двухъ прошу невѣстахъ,
Но Богъ одну лишь взять мнѣ позволяетъ,
Чтобы на брачный проводить коверъ;
Такъ нужно выбрать... О, зачѣмъ волна
Судьбы моей—мое разбила сердце
О двѣ скалы! Зачѣмъ мой взоръ не выбралъ
И чувство не повелъ? Теперь же выбрать
Я не умѣю...

Вдова.

Панъ, я не пойму...

Киркоръ.

Прошу руки одной изъ дочерей...
Ты слышала когда-нибудь, быть можетъ,
О графъ, о Киркоръ, что имѣеть
Огромный замокъ, гдѣ четыре башни,
Карету золотую, и коней,
И рыцарей, что на его услугахъ?...
Такъ тотъ Киркоръ есть я... И я прошу
Чтобъ ты одну изъ дочерей дала мнѣ.

Вдова.

Дать дочь? Ихъ двѣ... однако, Балладина...

Киркоръ.

То старшая?

Вдова.

Такъ... младшая Алина

Какъ ангель тоже...

Киркоръ (про себя).

Ахъ, какъ труденъ выборъ!

Какъ снѣгъ бѣла—что старше, а у той—
Такія косы чудныя, какъ будто
Березка, что листками пріодѣлась;
Одна—изъ алебастра, а другая—
Вся розовая; у одной рѣсницы—
Какъ уголь, у другой—глаза фіалки;
Одна—какъ ангель зорькой золотой,

Другая—словно утро ночи бѣлой.
Одной быть мужемъ, а другой любимымъ;
Любить же ихъ обѣихъ, а съ одной
Колечкомъ обмѣняться. Но какую-жъ
Любить влюбленно, а другую просто
Любить?... Пускай же мнѣ, по крайней мѣрѣ,
Повѣдаютъ тѣ розовыя губы,
Которая здѣсь любить.

(Къ дѣвушкамъ).

О, смуглянки,
О, лани, что, вы любите меня?

Балладина.

Ахъ, не скажу тебѣ... Нѣтъ, я не смѣю...
Да, панъ—но ты и самъ вѣдь угадаешь,
Хотя бы я молчала. Угадай.

Киркоръ (къ Алиѣ).

А ты что скажешь, бѣленькая роза?

Алина.

Люблю.

Киркоръ.

Такъ обѣ любятъ.

Вдова.

И еще бы

Имъ не любить... Да видано ли это,
Чтобъ рыцаря не полюбить, который
Могъ, смѣлый, замужъ взять и королевну.

Киркорь.

Какая же, о, дѣвушки, изъ васъ
Вѣнецъ принявъ, любить сильнѣе будетъ?
И какъ любить! любить, что я люблю?
Какъ будетъ озарять мнѣ тучу гнѣва?

Балладина.

О, панъ, коль въ замкѣ пасть, а въ пасти пламя,
И ты велишь вскочить мнѣ, я вскочу.
Коль ксеендзь при отпущеніи грѣховъ
Твой грѣхъ какой-нибудь да не отпустить,
Возьму я на себя твой смертный грѣхъ.
Коль будутъ конья устремлять въ тебя,
Ставь предъ тобой, я за тебя погибну...
Чего жъ еще ты хочешь?..

Вдова.

Балладину

Возьми, возьми. Какъ золото она.

Киркорь (къ Алинѣ).

А ты, о, дѣва, что моложе, что мнѣ
Ты общаешь?

Алина.

Вѣрной быть, любить.

Киркорь.

Кому жъ мнѣ руку лѣвую отдать,
Какъ руку зятя, и кому отдать мнѣ
Другую, съ перстнемъ? Если бѣ увидаль я

Ликъ той звѣзды, что повела волхвовъ
И привела къ младенческимъ тѣмъ яслямъ!
Единымъ сердцемъ—къ нимъ тянусь обѣимъ.
Которую отбросить? и которой
Быть мужемъ? Любить обѣ. Значить, будетъ
Одной обида, разъ возьму другую.
Одна въ обѣихъ нѣжность, простота,
Одна любовь въ обѣихъ, какъ заслуга...
Какъ выбрать?...

Алина.

Если выберешь меня,
Шляхетный панъ, ты долженъ обѣщать мнѣ,
Что въ замокъ свой меня возьмешь ты вмѣстѣ
Съ моей родимой и съ сестрой... Иначе,
Кто жь приготовить матери горшокъ!
Кто разведетъ огонь ей? И не можетъ
Она здѣсь въ хатѣ бѣдной оставаться,
Когда въ палатахъ пышныхъ буду я.
Смотри, она съѣде бѣлой розы.
О, видишь, панъ... Со мной и мать ты долженъ
Взять въ замокъ свой...

Киркоръ.

Какое въ сердцѣ тайно
Роскошное я слышу наслажденье...
О, милая!...

Вдова.

Но то же говорила
И Балладина въ сердцѣ у себя...

Вѣрь, рыцарь, Балладина тоже любитъ
Мать старую свою.

Киркорь.

Совсѣмъ ужь выбралъ,
И вновь два сердца ударяютъ въ щитъ...

Балладина.

Была бы я чудовищемъ, негоднымъ
Твоей руки, и недостойной ада,
Когда бъ я отъ родимой отреклась.
Мать и сестра, лишь это сохраняю,
Все остальное посвящу тебѣ.

Киркорь.

Хоть Рокъ слѣпой бы указалъ жену мнѣ...

Искорка (напѣваетъ на ухо
вдовѣ).

Много, мать, въ лѣсу малины,
Въ лѣсъ пускай идутъ дѣвчины,
Ту, что больше набереть,
Пусть женою панъ возьметъ.

Вдова.

Вотъ матери-старушкѣ что приходитъ
На мысль: Мой королевичъ ясноликій,
Коли слугъ покорной ты позволишь,
То дамъ тебѣ совѣтъ. Пусть раннимъ утромъ
Въ лѣсъ дѣвушки пойдутъ, и чтобъ у каждой
Изъ черной глины былъ пустой кувшинчикъ,

И по лѣсу пускай малины ищутъ;
Кто прежде принесетъ кувшинъ тотъ полный
Малины свѣжей, въ жены ту возьмешь.

Киркорь.

Совѣтъ отмѣнный... Простота золотая...
Дашь мнѣ нетревожимое счастье,
Дни наслажденій, вмѣстѣ съ добротою.
Такъ, мать моя, пускай съ восходомъ солнца
Въ лѣсъ дочери идутъ, неся кувшины.
А въ липовомъ мы сядемъ холодкѣ,
Кто первая вернется, назовется
Графинею Киркорь... Суди самъ, Боже.

Вдова.

Въ избушкѣ этой бѣдной, королевичъ,
Найдешь постель ты, пахнущее сѣно,
Покрытое бѣльемъ,—и вѣрь мнѣ, панъ,
Къ тебѣ на сѣно жабы не вползуть...
Прошу въ альковъ.

Киркорь (хлопаетъ въ ладоши,
входитъ слуга).

Принестъ мнѣ изъ кареты
Хрустальный кубокъ и закуску также,
Кусокъ холодный жаренаго зубра.

(Слуга уходитъ).

Красивыя невѣсты, до свиданья.

(Уходитъ къ алькову, ведомый вдовою).

Алина.

О, милая сестричка, что за диво!
Какое счастье!

Балладина.

Еще не поймала,
Оно, сестра, быть может не тебѣ...

Алина.

Сестра моя, пусть такъ, и все жъ на небѣ,
Коли не солнце, звѣзды надо мной;
Коли не буду пани я Киркова,
Сестрою пани буду я Кирковой.
Тебѣ же завтра нужно будетъ взяться
Потверже за малинки эти: знаешь,
Вѣдь я всегда тебя упеждаю,
И быстро набираю полный жбанъ.
То ль ягоды поласковѣй ко мнѣ,
И сами лѣзутъ... или... твой дружочекъ...

Балладина.

Молчи!..

Алина.

А, знаю, милая сестрица,
Ты почему малины не собираешь...

Балладина.

Тебѣ то что?

Алина.

Да ничего... Вотъ только
Скажу, что не хотѣла бы я бросить

Любимаго, хотя бѣ и былъ тутъ рыцарь,
Для короля не бросила бѣ его...
И если бы взаимно я любила,
Крестьянина, допустимъ, пастуха,
Ужъ никогда Киркоръ какой не могъ бы...

Балладина.

Отъ глупой я совѣтовъ не хочу.

(Слышно хлопанье въ ладоши за хатой.—Балладина зажигаетъ свѣчку, и, прикрывши ее ладонью, выходитъ).

Алина.

Захлопалъ въ борѣ,—и со свѣчкой вышла...
Великій Боже, что на ту измѣну
Панъ Грабекъ скажетъ тамъ? Моя сестра
Хотѣла бѣ за Киркора выйти замужъ,
А видѣла я, какъ тутъ на цвѣтахъ,
И подъ осиною нашею слыхала
Сто поцѣлуевъ... О, Хригосъ, прости мнѣ!
Сужу любовь, которой, ахъ, не знала...

(Становится на колѣни).

Ты видишь, Боже мой, вотъ, сердце чисто,
И, присягая, вышолню присягу...
О, Боже! пташки у твоей державы
О черной вишнѣ могутъ попросить,
И ласточкамъ даешь ты въ клювикъ мушку;
Коль ты захочешь, Боже мой единый,
Гдѣ я ступлю... тамъ красныя малины...

(Садится на лавку и засыпаетъ).

И С К О Р К А (напѣваетъ).

Пусть ей счастье поцѣлуетъ
Входить въ сонъ. Усни, дѣвчина.
Я жь,—къ Гопланѣ полечу я...

(Уходитъ).

А л и н а (сквозь сонъ).

Вездѣ малина! красная малина!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Лѣсъ около озера Гопла.—Восходъ солнца. Хохликъ и Грабецъ, вывалившійся въ красной грязи трясины и сильно навеселѣ.

ГРАБЕЦЪ.

Ни шагу дальше!

ХОХЛИКЪ.

Да вѣдь тутъ ужь близко

До дома твоего.

ГРАБЕЦЪ.

Мой черныи песь,

Тебѣ не вѣрю... ты меня все водишь,

Въ болото веадишь, и хвостомъ виляешь...

Нѣтъ, черныи котъ, хотѣлъ тебя погладить,

А изъ тебя вдругъ выбрызнулъ огонь...

Спать буду.

ХОХЛИКЪ.

Табачку бы ты понюхаль.

ГРАБЕЦЪ (держась за дубъ).

Смотри, какъ обнимаетъ дубъ меня;
И диво ли, — грабинѣ дубъ пріятель...
Повѣрь мнѣ, дубъ, тебя весьма цѣню,
Хоть бы до губъ, хотя бы прямо къ сердцу.

ХОХЛИКЪ.

Идемъ впередъ...

ГРАБЕЦЪ.

Нашелся дубъ-пріятель;
Хотя бы показалъ ты рай, гдѣ Богъ
Стрѣляетъ воробьевъ, не брошу дуба,
Шатается, нужна ему опора.
Смотри, бѣдняжка прямо обомлѣлъ.
Сюда, собака! Фонаремъ свѣти же!
Дубъ загубилъ. Ха! Убѣжалъ! Дубъ скрылся.
Ишь, не узналъ меня... весь въ камышѣ я,
Обросъ, всю ночь валялся я въ грязи...

ХОХЛИКЪ.

Идемъ въ корчму.

ГРАБЕЦЪ.

На это я товарищъ—
На это какъ на лѣто... Нѣтъ, ужъ будетъ...
Мнѣ не пристало... Разъ корчма есть дама,
Такъ ею я любимъ, ее люблю,
Придетъ сама... Ходить къ дѣвчонкамъ глупость...
Откуда получаешь ты табакъ?

ХОХЛИКЪ.

Отъ пана Люцифера.

Гр а б е ц ъ .

Ты мнѣ свѣтишь

Ну прямо въ носъ. Послушай, милый песь,
Сыщи-ка зайца, выстрѣлю.

Х о х л и к ъ .

А чѣмъ?

Гр а б е ц ъ .

А громомъ!.. Такъ какъ мы друзья съ тобою,
Покорѣйше прошу меня простить,
Что въ грязь тебя завелъ; сидѣли въ лужѣ
Мы по уши, какъ добродѣтель, ха,
И хохотали—такъ и хохотали,
Мой носъ хи-хи въ носъ пана-добродѣя.

Х о х л и к ъ .

Ты помнишь, чтó осока говорила?

Гр а б е ц ъ .

Ахъ, милая пришла на помощь мнѣ...

Х о х л и к ъ .

Спасла осока дудку...

Гр а б е ц ъ .

Это въ шутку,

Она всегда мошенницей была...

Х о х л и к ъ .

Идемъ!

ГРАБЕЦЪ.

Спать, спать.

ХОХЛИКЪ.

Ты лучше влѣзь на дубъ.

ГРАБЕЦЪ (поетъ).

На дубочкѣ
Сидятъ голубочки,
На прудочкѣ утки какъ богачки,
А снеси-ка, братъ, штаны мои къ пращкѣ...

ХОХЛИКЪ.

Какъ? Хочешь спать? а гдѣ жь ночной колпакъ?

ГРАБЕЦЪ.

Не хочешь? Ну такъ къ чорту, котъ волшебный.

ХОХЛИКЪ.

Ну, доброй ночи...

ГРАБЕЦЪ.

Доброй, доброй ночи,
Попшелъ бы я еще съ тобой въ корчму,
Да больше нѣту силы. Доброй ночи...
(Засыпаетъ).

ХОХЛИКЪ.

Вотъ люди глуны! Ну и существа!
Напился, красной ржавчиной измазанъ,
И спитъ, пускай теперь идетъ Гоцлана.
(Входитъ Гоцлана съ Искоркой).

Гоплана.

Гдѣ онъ? ахъ, спить... Пусть розовыя зори
На ликъ ему свой первый блескъ прольютъ;
Но росы пусть сольются въ нѣжномъ флерѣ,
Чтобъ солнце вѣкъ не ранило... Вотъ тутъ,
Возьми ты, Хохликъ, даръ, дабы обилью
Подарка, за труды свои, былъ радъ.

Хохликъ (беря даръ).

Орѣхъ-свистунъ, гнилой наполненъ пылью,
Какъ табакомъ,—благодарю трикратно;
Отъ пьянства хлопны выспятся не скоро,
Я поднесу стаканчикъ имъ, и два...

Гоплана (къ Искоркѣ).

Которая же милая Киркора?

Искорка.

Да обѣ.

Гоплана.

Ахъ, сорви ты голова!

Искорка.

Придутъ сюда, нехоть въ лѣсу малины,
Какъ говорилъ...

Гоплана.

Скажи, что дѣлать мнѣ?

Искорка.

На сердце ты надѣйся Балладины,
Черно оно, и зависть тамъ на днѣ,
И болѣе, чѣмъ зависть,—все въ огнѣ...

ГОПЛАНА.

Что жь обѣ ночью дѣлали?

ИСКОРКА.

Алина

Уснула тихо, Богу помолясь.
Малина снилась ей; а Балладина
Зажгла свѣчу и вышла въ тотъ же часъ,
Въ ладоши ей въ лѣсу захопалъ кто-то;
Чтобъ подсмотрѣть, я полетѣлъ за ней...
Какъ призракъ, шла... Кругомъ, вездѣ дремота...
Она, какъ тѣнь, дрожала межъ стеблей;
А свѣтъ свѣчи, чрезъ пальцы, словно роза,
Изъ чащи, то погаснетъ, то опять
Засвѣтится; чу, шелеститъ береза,
Проснулася пташка, чиркъ—и снова спать;
И тихо такъ прошла сквозь воздухъ мгlistый,
И тихо такъ прошла... Изъ мотыльковъ
Вѣнчикъ закрутился золотистый
Вкругъ дѣвушки летитъ, какъ стая сновъ...
Надъ головою закружился... Встала...
Я слушаю... Вдругъ съ шелестомъ вѣтвей
Она словечко тихое смѣшала,
И кто-то отвѣчалъ изъ лѣса ей...

ГОПЛАНА.

Что-жь, можетъ быть, подружка Балладины?

ИСКОРКА.

Нѣтъ, пани.

ГОПЛАНА.

Кто?

ИСКОРКА.

Мнѣ нужно говорить?

ГОПЛАНА (показывая на спящаго
Габка).

Онъ?

ИСКОРКА.

Да.

ГОПЛАНА (къ Хохлику).

Онъ съ ней сошелся у осины?

Велѣла, Хохликъ, я тебѣ слѣдить,
И помѣшать имъ!

ХОХЛИКЪ.

Дьяволъ помѣшаетъ

Любовникамъ.

ГОПЛАНА.

Ну, Искорка, замени

Ты Хохлика въ лягушечьей скорлупкѣ,
И въ озеро пусти, какъ въ малой шлюпкѣ.

ХОХЛИКЪ.

О, пани, лучше ты меня убей!

ГОПЛАНА.

Убить нельзя мнѣ, покарать могу я.

ИСКОРКА.

Иди, панъ Хохликъ, лодку строй себѣ.

(Хохликъ, искривляясь какъ упрямое дитяtko, уходитъ за
Искоркой).

Гоплана (одна).

Такъ ночью видѣлъ, видѣлъ онъ ее;
Проклятье! былъ онъ съ нею, льнулъ къ осинѣ!
Пусть мѣсяцъ, имъ свѣтившій, гибнетъ въ тинѣ!
Пусть звѣзды гасятъ золото свое!
Пусть ангельской дороги всѣ ступени
Разсыпятся, пусть ихъ покроетъ мгла!
Ужасно! Былъ онъ тамъ? Воиъ въ этой тѣни?
О, если-бъ эта дѣва продала
Единый взглядъ мнѣ за алмазы нынѣ!
Какъ покарать его? Вотъ отыщу
Местъ страшную: его я превращу
Въ извившійся вьюнокъ, лазурно-синій,
И на смерть удушю узломъ цвѣтовъ...
Нѣтъ, изъ вѣнка такого онъ, спокойный,
Живъ выйдетъ, а она безъ дальнихъ словъ
Омлѣетъ, сражена любовью знойной.
Какъ покарать его?.. Пусть онъ корою
Одѣнется, плакучей станетъ ивой,
Къ водѣ пусть склонитъ каждый листикъ свой,
И плачетъ такъ, виновный и стыдливый...
Любимый мой, когда я такъ тебя
Увижу въ этой горести тягучей,
Я буду плакать, ахъ, тебя любя,
При видѣ плача вербы той плакучей.

(Искорка возвращается).

Искорка.

Онъ въ раковинѣ замкнутъ, по волнамъ
Онъ скачетъ, и на озеро въѣзжаетъ
Въ повозкѣ упокойницы лягушки.

Гоплана.

Сорви въ лозѣ мнѣ розгу.

(Искорка подаетъ Гопланѣ прутикъ).

Пробудись!

Проснись, любимый! Для чего, скажи мнѣ...?

Грабецъ (сонный).

Сплю... ибо пьянъ.

Гоплана.

Скажи мнѣ, для чего ты,

Какъ пѣсенкой влюбленный соловей...?

Грабецъ (вполуснѣ).

Дай боровикъ замѣсто мнѣ подушки...

Не дашь, такъ въ прудъ, ты, рыба, обезьяна.

Гоплана.

Такъ узнай же власть Гопланы,

Въ землю влажную войди,

Въ листь одѣнься, какъ въ туманы,

Вербой сѣрой выходи,

И покройся весь корою,

И плакучей плачь листвою.

(Грабецъ тонетъ въ землѣ, на томъ мѣстѣ вырастаетъ
верба).

Рости, плакучая, рости,

Пусть каждый листикъ твой застонетъ,

Какъ птишка малая въ пути,

Лета, тебя тихонько тронетъ,
И плачь, когда, журча, ручей
Подростея волной своей,
Иль вѣтерокъ промчится, вѣя,
Листики по лѣсу разнесетъ.
Скорѣе, Искорка, скорѣе,
Пусть соловейчикъ здѣсь поетъ,
Пусть пѣньемъ вербу онъ помучитъ,
И плакать и любить научитъ;
Но ни одинъ вороній клювъ
Пусть здѣсь не каркаетъ, — пусть стая
Воронъ, по небу пролетая,
Летитъ — сюда не заглянувъ:
Она — не мертвая, живая.

И С К О Р К А .

О, какъ листки красиво протянула,
И кланяется небу и цвѣтамъ,
Изъ человѣка пва разрослася,
Красивѣе, чѣмъ былъ тотъ человѣкъ.

Г О П Л А Н А .

Пускай теперь дружочекъ Баллады
Пождетъ ее, пускай вѣтвистымъ окомъ
Изъ-подъ древесныхъ вѣкъ глядитъ на дѣву...

И С К О Р К А .

Сюда идутъ, я вижу, двѣ дѣвчины,
Изъ глины ч рный жбанъ на головѣ
У каждой; за малиной въ лѣсъ приходятъ.

Г о п л а н а .

Укроемся среди густыхъ вѣтвей.

(Гоплана и Искорка укрываются.—Алина входитъ съ кувшиномъ на головѣ).

А л и н а .

Ахъ, сколько здѣсь малины—словно розы!
И хрустальемъ на ягодахъ роса
Жемчужная. Такіе у Киркора
Коралловыя губы—какъ малина...
Фіалочки, вздыхаете напрасно,
Нѣтъ времени фіалки мнѣ срывать,
А то сестричка наберетъ малины
Жбанъ полный, и воротится изъ лѣса,
Чтобъ мужа взять; а я останусь въ дѣвахъ
Съ фіалками... Хотя бы золотыми
Вы розами, фіалочки, здѣсь были,
Хочу малины.

(Поетъ, собирая малину).

Милый, милый, мой любимый,
Золотой великій панъ!
Золотому, дорогому
Я несу малины жбанъ.
Ибо хочетъ мой единый
Полный, полный жбанъ малины,
Ярче всѣхъ полянъ. Охъ!
Ярче всѣхъ полянъ.

(Уходитъ въ лѣсъ.—Входитъ Балладина съ кувшиномъ на головѣ).

Балладина.

Какъ мало здѣсь малины! но какъ кровь,
Красна она.—Какъ мало! Что-жь мнѣ дѣлать?
Куда пойду?.. Не вѣдаю... А небо
Огнемъ все распалилося, какъ кровь...
Зачѣмъ ты, солнце, входишь такъ кроваво?
Ужь лучше-бъ почь и тьма, чѣмъ это утро...
А гдѣ моя сестра?.. должна была
Пойти направо, и кувшинъ малиной
Навѣрно ужъ наполнила она,
А я—какъ бы безумная средь ягодъ
Хожу съ своимъ отчаяньемъ какимъ-то,
И слезы потопаю я въ росѣ.

Алина (изъ глубины лѣса).

Сестричка! а сестричка дорогая!
Гдѣ ты?..

Балладина.

Алина кличетъ, въ зовѣ смѣхъ.
Должно быть, полный жбанъ уже набрала.

(Входить Алина).

Алина.

Ну что-жь, сестричка?

Балладина.

Что?

Алина.

Кувшинъ твой полонъ?

Балладина.

Нѣтъ.

Алина.

Что же здѣсь ты дѣлала, сестрица?

Балладина.

Я? Ничего.

Алина.

Ахъ, цвѣтикъ мой, какъ душно!

А мой ужь полночь, ягоды одной
Лишь не хватаетъ.

Балладина.

У меня возьми.

Алина.

Ахъ, милая! Сестричка, расскажи мнѣ,
Гдѣ-жь ты была? Вѣдь вмѣстѣ вышли мы,
Довольно было времени; сестрица,
Я лѣса не украла у тебя.
А почему съ лицомъ такимъ ты бѣлымъ?
Со сжатыми губами...

Балладина.

Вылѣзаетъ

Изъ жбана у тебя твоя малина,
Какъ змѣи эти ягоды, кусаютъ
Меня своими жалами упрековъ.
Иди, и пани будь; сестра какъ волъ
Въ плугъ запряжется, изъ сѣмянъ колючихъ

И изъ противныхъ маковыхъ головокъ
Давить въ крестьянской хатѣ масло будетъ.

Алина.

Стыдись, сестра! прошу тебя, не надо
Болѣть такъ изъ-за счастья моего.

Балладина.

Ха! Ха!

Алина.

Что значить этотъ смѣхъ ужасный?
Сестра, ты захворала? Если ты
Въ отчаяннѣ больномъ, такъ Расскажи мнѣ...
Но ты Киркора любишь? Очень любишь?
Сестричка, Расскажи мнѣ откровенно.
Есть рыцари иные, знаешь, рыбка,
Какъ буду пани, я тебѣ супруга
Найду...

Балладина.

Ты будешь пани? Ты! ты! ты!
(Достаеъ ножъ).

Алина.

Что значить, Балладина, этотъ ножъ?

Балладина.

Ножъ этотъ? Онъ отъ змѣя, что въ малинѣ.

Алина.

Сестра, ты такъ блѣдна, ты посинѣла,
Моя калинка, что же, что съ тобой,

Что так блѣдна ты? Какъ ужасно это!
Промолви хоть словечко. Сидемъ обѣ,
И искренно поговоримъ другъ съ другомъ,
Такъ напрямки, вѣдь мы же двѣ сестрички.

(Садится на траву).

Киркора я люблю, ахъ, не затѣмъ,
Что онъ богатъ, что онъ великій рыцарь,
Что господинъ онъ знатнаго двора,
Что у него карета золотая,
Одежды золотыя; все-жъ мнѣ мило,
Что въ золотѣ онъ ходитъ, что имѣетъ
Онъ свѣтлый мечъ, и много-много слугъ;
Вѣдь это рыцарь прямо какъ изъ сказки,
Приходитъ королевичъ и находитъ
Заклятую царевну тутъ въ лѣсу...

Балладина (встаетъ въ смятеніи).

Охъ!..

Алина (вставая).

Милая, скажи мнѣ, что съ тобою?

Балладина (съ возрастающимъ
смятеніемъ).

Когда-бъ тебя, сестра, убила я?..

Алина.

Что говоришь ты?..

Балладина.

Дай малину мнѣ.

Алина.

Кто знает, если-бъ ты да попросила
Въ уста поцѣловала бы Алину,
Быть можетъ, я дала бы?.. Балладинка,
Попробуй...

Балладина.

Что? Просить?..

Алина.

А то прощайся

Съ малинкой.

Балладина (подступая).

Что?..

Алина.

Вѣдь видишь что, сестра,
Тотъ жбанчикъ—счастье, мужъ мой, мой любовникъ,
Златые сны и свадебный вѣнокъ,
И все мое...

Балладина (съ бѣшенствомъ на-
ступающая).

Отдай мнѣ этотъ жбанчикъ!

Алина.

Сестра!..

Балладина.

Отдай! Не то...

Алина (дѣтски подраживая).

Не то... Что жъ будетъ?

Малины нѣтъ, такъ жолудей сухихъ
Набрать ты можешь, или листьесвъ ивы?

И такъ... скорѣй я бѣгаю, чѣмъ ты,
И отъ тебя я убѣгу межою...

Балладина.

Ты?

Алина.

Ужь конечно въ летѣ я тебя,
Сестричка, упрежу.

Балладина.

Ты?

Алина.

Какъ ты смотришь!

Сестра, не приближайся, взглядъ твой страшень.
Не знаю, что... но я тебя боюсь.

Балладина (приближается и беретъ ее за руку).

И я боюсь... Лягъ на-земь. Лягъ же! А!

(Убиваетъ).

Алина.

Пусти меня, пусти!.. охъ!.. умираю...

(Падаеть).

Балладина.

О, что рука моя здѣсь совершила?

Голосъ изъ вѣрвы.

Марія, Исусъ!

БАЛЛАДИНА (пораженная).

Кто? Кто-то крикнулъ?..

Не я ль сама молилась за себя?
Змѣя, змѣя, и женщина, сестра,
Нѣтъ, не сестра. Кровь вижу я повсюду,
Пятно вотъ здѣсь, и здѣсь, и здѣсь!

(Показывая на лобъ, пятнаетъ его пальцемъ).

И здѣсь!

За жбанъ малины кто жь убьетъ сестру?
Коли меня изъ бора кто такъ спросить,
Отвѣчу: Я! Солгать мнѣ невозможно,
Отвѣчу: Я!—Какъ я? Еще вчера
Могла бы присягнуть, что нѣтъ... Въ дорогу!
Въ лѣсъ! Въ лѣсъ? Бѣгу! Вчерашнее пусть сердце
Помолится, моляся за тебя.

Ахъ, я вчера вѣдь вовсе не молилась.

Какъ дурно, дурно! А теперь ужь поздно.

Есть въ небѣ Богъ... забуду, что Онъ есть,

И буду жить, какъ будто бы нѣтъ Бога.

(Убѣгаетъ въ лѣсъ.—Входятъ Искорка и Гоплана.—Алиа
лежитъ убитая).

ГОПЛАНА.

Ахъ! ужасы... Вотъ, люди такъ другъ друга
Ножами рѣжутъ. Чтò тутъ, я не знаю,
Должна людская дѣлать расторопность?
Мы, духи, вѣдь не вѣдаемъ тѣхъ зелий,
Которыми врачуютъ пораненья;
А можетъ быть, она еще жива,
Все теплая; отшельникъ собиралъ здѣсь

Въ лѣсу травинки; если бы о ней
Имѣлъ онъ попеченье, ожила бы
Навѣрно... Ахъ, мой Искорка, скорѣ!
Отшельника сюда ты проводи.

(Искорка убѣгаетъ).

Вы, тернии и острые шипы,
Коли падеть убійца на колѣни,
Такъ будьте подъ колѣнами ея.
Пускай летитъ, стегаемая вѣтромъ,
Поражена журчаніемъ ручья,
Который, какъ сестра, тихонько плачетъ...

(Смотритъ въ лѣсъ).

Я вижу пастуха; себя зоветъ онъ
Скитальцемъ, что изъ края счастья изгнанъ,
Напрасно въ мірѣ онъ искалъ любимой...
Теперь уже влюбляется въ цвѣты,
И въ звѣзды ночи, въ солнце, въ золотую
Звѣзду утра... пусть тѣло это зреть.

(Уходитъ въ лѣсъ).

(Входитъ Филонъ, смотря на небо).

Ф и л о н ъ (съ восторженностью).

Зачѣмъ мнѣ свѣтишь ты, жена Титана?
Былъ розовымъ твой ликъ, теперь сталъ бѣлымъ.
Зачѣмъ мнѣ свѣтишь, Фебъ? Ты до утра
Любя Оетиду, у нея на лошѣ
Въ любви кончался; а теперь пускаешь
Коней свирѣпыхъ, и съ одеждъ сребристыхъ,
Счастливымъ, Фебъ, роняешь ты росу...
Тамъ блѣдная Діана, увидавши

Чело твое съ кудрями золотыми,
Скрывается передъ Эндимиономъ
Въ лазури, въ сердце самое твоими
Златистыми лучами пронзена...
Любовь—то свѣтъ, то небо, жизнь сама!
А я—я не любилъ! Бѣда, бѣда мнѣ!

(Замѣчаетъ тѣло Лины).

А это что за божество! Какъ мраморъ,
Она блѣдна. Мертва?.. О, Боже, Боже,
Похожа на безсмертную богиню,
И вотъ мертва.—И верба здѣсь надъ ней
Такъ плачеть. А моя душа, въ которой
Чувствительность такая для мечтаній,
Слезъ не имѣеть? Слезъ моихъ родникъ
Исеякъ въ моихъ скитаніяхъ пустынныхъ!..
Какая стройность дивная! Вчера
Она еще была полна движенья
И чувствъ. И шель къ ней свадебный вѣнокъ.
И какъ могла любить!.. А нынче... нынче,
Обманчивая смерть подкралась къ ней,
И жизнь порвала, а очарованье
Посмертное на пагубу мою
Возникло здѣсь... О, ангель мой! О, смерти
Любовница! Своей рукою бѣлой
Какъ нѣжно чернѣйшій жбанчикъ ухватила...
Оттуда высынается малина,
А изъ груди, нѣжнѣйшій, чѣмъ алебастръ,
Другой ручей румяный вытекаетъ,
Красивѣй въ краскѣ, чѣмъ малины кровь.
Убійца твой двойкою будетъ мучимъ,

Двѣ совѣсти возстануть на него
За эти два кровавые потока...
Нѣтъ, звѣрь лѣсной тебя убилъ, должно быть,
Не могъ бы человѣкъ.—О, Боже, вотъ,
Тутъ ржавый ножъ,—такъ человѣкъ убійца!..
Ахъ, въ небо скрыться отъ людей подобныхъ!
Спи, милая, мой поцѣлуй тебя
Не можетъ разбудить... мнѣ жъ смерть въ немъ
будеть.

(Цѣлуетъ уста умершей, и подноситъ ножъ. — Прибѣгаетъ
отшельникъ).

Отшельникъ.

Стой, стой, убійца!—Въ грудь желѣзомъ мѣтить!

Филонъ.

Взглянь, отче, на нее. Нашель себѣ я
Возлюбленную... только не жива.

Отшельникъ.

О, чей же мечъ цвѣты такіе ранить?
Кто здѣсь пустыню кровію пятнаеть?
Король Понель пришелъ сюда, должно быть,
И лиліи лѣсныя запятналъ?

Филонъ.

Слезами кровь омою...

Отшельникъ.

Слезъ стыдись!

Филонъ.

Ахъ, умерла она... Смотри, смотри здѣсь...
Цвѣтокъ небесный—это смерти знакъ
На бѣломъ лонѣ... Звѣздочка могилы...

Отшельникъ.

Ты молодой и сильный, подними-ка
Умершую и на плечи возьми;
Тебѣ нести я помогу. А въ кельѣ
Есть зелья у меня...

Филонъ.

Крѣпишь надеждой

Ты душу обомлѣваю; ты руку
Дашь душѣ несчастной, что ложилась
Ужъ въ скорбный гробъ... позволь мнѣ, я сломлю
На этой ивѣ вѣтку, подъ которой
Убитая упала... Здѣсь увидѣлъ,
Здѣсь полюбилъ ее—здѣсь потерялъ,
Предъ тѣмъ, какъ полюбилъ... Ахъ, въ прош-
ломъ міра
Утраченное счастье; кладъ нашелъ я,
Богаче же не сталь...

(Ломаетъ вѣтку на ивѣ).

Голосъ изъ ивы.

Не тронь, я пьянъ...

Филонъ.

Тутъ ива говорить...

Отшельникъ.

Въ лѣсу есть бѣсы,
Я знаю ихъ; не разъ они стучали
Мнѣ въ келью...

Филонъ.

Въ лѣсѣ ангелы, но только
Умершіе...

Отшельникъ.

Ну, ангела носи...

(Филонъ беретъ на плечи тѣло Алины, и уходитъ за отшельникомъ.—Гоплана и Искорка выходятъ изъ чащи).

Гоплана (указывая на иву).

О, люди, о, проклятые! Какъ смѣли
Сорвать они на этой ивѣ вѣтку?
Онъ долженъ былъ страдать?

Искорка.

Ахъ, что-то тутъ

Изъ раны льется, горькое на вкусъ...
Должно быть, это та вода, что люди
Огнемъ горючимъ изъ пшеничныхъ зеренъ
Вымучиваютъ, чтобы пить потомъ...

Гоплана.

Слеза, что потерялась... Ахъ, о каждой
Слезинкѣ брилліантовой жалѣю,
Коль пролилась она не для меня.
Ты завтра будешь вольнымъ, мой любимый;
Преступную ты будешь упрекать,

Что отъ утра терзала до другого...
Скорбѣй укройся, Искорка,—смотри,
Безумная, подходитъ Балладина,
Распущенные волосы, лицо же
Такъ блѣдно, блѣдно, синее совсѣмъ.
Лицо закрывши, сяду я подъ ивой;
И стану, какъ сестра, съ ней говорить...
И буду грызть безумную, грызть буду...
(Искорка уходитъ).

БАЛЛАДИНА (вбѣгаетъ на сцену
обезумѣвшая).

За мною вѣтеръ гонится сердито,
Кричитъ: Убита, да, она убита.
Деревья вторятъ: Гдѣ сестра твоя?
Омыть съ руки пятно хотѣла я,
Склонилась къ посинѣвшему ручью...
Гдѣ я? Подъ вербой плачущей стою...
Та самая, гдѣ я... Сестра моя!

ГОПЛАНА.

Сестра!

БАЛЛАДИНА.

Ужасный возгласъ слышу я!
Трунь... трунь... киваетъ мнѣ... рукой манить...
Холодный ужасъ сердце леденить,
Встать дыбомъ волосъ... Ноги какъ въ цѣпяхъ...

ГОПЛАНА.

Не чувствуешь ли въ смутныхъ ты мечтахъ,
Сестра, что совершила ты здѣсь злое?
И если бы сестра жила...

БАЛЛАДИНА.

Жила?

ГОПЛАНА.

Свершила бь вновь убійство роковое?

БАЛЛАДИНА (ища около себя).

Ахъ, гдѣ жь мой ножь? Иль ты его взяла?

ГОПЛАНА.

Коротокъ былъ твой ножь, сестра.

БАЛЛАДИНА.

Причина

Туть не во мнѣ.

ГОПЛАНА.

А ежели Ална

Тебя, сестра, простить, и скажетъ такъ:
Мнѣ сонъ послать какой-то странный знакъ;
Сестричка, снилось мнѣ, что къ намъ до хаты,
Предъ тѣмъ какъ въ лѣсъ со свѣчкою ушла ты,
Пріѣхалъ рыцарь; онъ вампиромъ былъ,
И двухъ сестеръ безумно полюбилъ;
Онъ въ лѣсъ послать обѣихъ за малиной,
Такъ снилось мнѣ, пошла я съ Балладиной,
И тамъ, въ тѣни, она меня ножомъ...
Проснулась я... Къ ворожеѣ пойдемъ!

БАЛЛАДИНА (задумавшись).

То сонъ... ахъ, правда... такъ вѣдь и со мной...
Мнѣ кажется, сестра...

ГОПЛАНА.

Сонъ, сонъ пустой...

БАЛЛАДИНА.

Сонъ...

ГОПЛАНА.

Только мать насъ побранить за то,
Что мы въ лѣсу...

БАЛЛАДИНА.

А рыцарь...

ГОПЛАНА.

Сонъ, ничто...

БАЛЛАДИНА.

Не можетъ быть... Ужасно! Онъ какъ сонъ
Исчезъ, и нѣтъ его!

ГОПЛАНА.

Но я живая...

БАЛЛАДИНА.

Чтобъ умереть тебѣ! Сонъ только онъ?
Ужь въ смерть твою все́мъ разумомъ вошла я.
Отерла бѣ скоро кровь съ руки моей...
Была бѣ счастливой.

ГОПЛАНА (открывая лицо).

Дьяволъ, будь же ей!

Твоя сестра мертва.

БАЛЛАДИНА.

Великій Боже!

Кто ты?

ГОПЛАН.

Смотри, пузырь изъ хрустала,
Который вихри выдувають,
Волной лазурной шевеля,
И красками цвѣтовъ ликъ утра одѣвають.—
Но будь спокойна,—тайнъ твоихъ,—
Не разглашу я міру ихъ.
Будь слитой такъ игрой предназначенья
Съ рукою рыцаря, съ рукою преступленья,
Тебя супругъ твой, рыцарь, ждетъ,
А преступленіе и дальше уведетъ.
Въ сокрытой мукѣ сохни вѣчно,
И въ каждой ягодѣ малины видь врага.
Токъ мысли вьется безконечно
И заливааетъ берега.
Тебя здѣсь видѣли. Чу, верба
Поетъ дрожаніемъ листка.
Жди отъ всего себѣ ущерба.
Страшись деревъ! Страшись цвѣтка!
До обрученья, въ обрученьи
На бѣлыхъ лиліяхъ—пятно,
На бѣлыхъ розахъ, въ ихъ свѣченьи,
Пятно кроваво зажжено.
Иди... возьми тотъ жбанчикъ черный...
Тебя губить не стану я.
Природа вся, за грѣхъ позорный,

Врагиня злѣйшая твоя.

Иди.

(Балладина беретъ изъ рукъ Гойланы кувшинчикъ Алины и молча уходитъ).

Она ушла, и смоевъ кровь съ одежды,
Но красное пятно на лбу ея горить;
Я не сказала ей, смыть это—нѣтъ надежды,
Пятно на лбу своемъ до смерти сохранить.
А я пойду скользить средь волиъ, въ хрустальномъ
плескѣ,
И въ озерную гладь я брошу темной видъ,
Ликъ преступленія... А послѣ, въ лунномъ блескѣ,
Вернусь послушать я, какъ ива та шумить.
(Уходитъ).

СЦЕНА 2-я.

Крыльцо передъ хатой вдовы, отбѣенное линами.—Вдова и
Киркоръ сидятъ на лавкѣ.

Киркоръ.

Не видно ихъ...

Вдова.

Вернутся, панъ, вернутся
Одна воспѣдъ другой, какъ два гусенка,
Два бѣлые гусенка, другъ за другомъ.
Ахъ, слезы у меня изъ старыхъ глазъ
Польются, какъ увижу ихъ, на славу
Христу...

Киркоръ.

Какая жь первая придетъ?
Иль Балладина?

Вдова.

Вѣрно, Балладина.

Она и въ храмѣ первая и всюду...
Съ органомъ, начинается пѣснь свою.
Алина также первая.

Киркоръ.

Такъ можетъ,

Воротится Алина?

Вдова.

Можетъ быть.

То Богу вѣдать.

Киркоръ.

Старая, ты знаешь,

Тревожусь о твоихъ я дочеряхъ.

Вдова.

А собственно и я... Какъ будто призракъ
Какой-то влѣзъ мнѣ въ голову... Хотя
Никто не помнить, чтобъ когда малины
Весной да не случилось... А когда бы
Вдругъ не было малины... я вчера
Такъ думала, какъ будто сонъ мнѣ снился,—
Вдругъ нѣтъ малины въ борѣ?—а потомъ я
Себѣ твержу: Ты глупая—какъ можно,
При ясляхъ конь, и если нѣтъ овса,
Такъ сѣно ѣсть, и ежели дѣвчины
Малины не найдутъ, есть земляника.
Вамъ, королямъ, знать, въ замкахъ не видать,
Что тамъ малина есть, что земляника,

Что сѣно, что солома, что дупло,
А что пчелиный улей. Вамъ вѣдь только
Все золото, да золото, да злато.

Киркоръ.

Не думай такъ—повѣрь, что огорченья
Терзають насъ, и въ замкахъ знаемъ мы
Лихіе дни. Сто разъ я, мать, хотѣлъ бы
Знать тихую твою такую жизнь.
Какъ на такомъ крыльцѣ мнѣ было бь мило
Ждать сельскую любимую жену!
Какъ вѣтеръ утра сердце овѣваетъ,
И ты добра, хоть грубый твой уборъ.

Вдова.

Мой праздничный уборъ—прошу покорно!
Вѣдь выбойка! лишь въ праздникъ и пошу
Такія одѣянья... Балладина
Сюда идетъ.

Киркоръ.

Гдѣ, гдѣ?

Вдова.

Да не видать.

Но матери-то вѣдомо; вотъ, пане,
Смотри,—ты видишь, ласточка, намѣсто
Того, чтобы летѣть, сидитъ тихонько
И подъ соломой кроется... Когда бы
Алина шла изъ лѣса, ты бы, пане мой,
Услышалъ шумъ на балкахъ, щebetанье,

И другъ за другомъ... пррр... летать изъ гнѣздъ,
Къ той дѣвушкѣ, и кружатся надъ нею,
Какъ будто тучка малыхъ черныхъ звѣздокъ
Надъ звѣздочкою бѣлой...

Киркорь.

Почему же
Такъ къ младшей птички ластятся?

Вдова.

Кто знаетъ?
Вонъ видишь, Балладина?

Киркорь.

Какъ идетъ къ ней
Кувшинчикъ черный тотъ на головѣ!

(Балладина входитъ съ опущенной головой).

Дѣвица, дай кувшинчикъ свой, а я
Свой перстенецъ тебѣ отдамъ взамѣну.

Береть кувшинчикъ. Балладина отворачиваетъ голову. Кир-
корь надѣваетъ на ея палецъ перстенецъ).

Вдова.

Какъ свѣтять бриллиантики!

Киркорь.

О, если бѣ
Жизнь сладкимъ раемъ намъ была обонмъ!
По старому обычаю, иди
Въ покой къ себѣ, пусть сватки заплетаютъ
Твою косу, пусть свѣжіе цвѣточки

Въ нее вилетуть, а черезъ часъ, вѣнчанной,
Дрожащей, я, возьму тебя изъ рукъ
Твоей родимой, и женой мнѣ будешь.
Карета ждетъ, за ксендзомъ я поѣду.
(Киркоръ уходитъ).

БАЛЛАДИНА.

Охъ!

ВДОВА.

Что жъ вздыхаешь? Почему сжимаешь
Какъ бы съ печалью блѣдныя уста?

БАЛЛАДИНА.

Какъ рассказать, мать милая, не знаю!

ВДОВА.

Что, милая, что, дочка? Или ты
Какъ серночка, ужъ убѣжать хотѣла бѣ
Отъ самыхъ отъ дверей опочивальни?

БАЛЛАДИНА,

О зломъ тебѣ должна я рассказать...

ВДОВА.

Что? Говори.

БАЛЛАДИНА,

Ахъ, право не повѣришь.
Алина.—Ахъ, та младшая сестра,
Любимая такая!—Ахъ, какъ жалко!

ВДОВА.

Что жъ, дочка?

БАЛЛАДИНА.

Баловала ты ее,

Твоя вина, что вотъ теперь...

ВДОВА.

Скорѣй же,

А то умру.

БАЛЛАДИНА.

Боюсь я говорить.

Любовь слѣпа, и матери любовь.

Но кто бь сказалъ, что молодая лань

Вдругъ убѣжить...

ВДОВА.

Алина... дочь?

БАЛЛАДИНА.

Сбѣжала...

ВДОВА.

Куда? и какъ? и съ кѣмъ? О, Боже, Боже!

Отъ матери родимой отреклась.

БАЛЛАДИНА.

Предвидѣла давно, что такъ случится:

Молокосось оборванный какой-то

Вездѣ ходилъ за этою дѣвчиной,

И на ухо ей что-то все шепталъ.

Я говорила. Знаешь, какъ она

Слова сестры въ серьезъ не принимала.

И нынче убѣжала съ нимъ.

Вдова.

Уродь!

О, выродокъ! Иди же съ нимъ до пекла.
О старыхъ тѣхъ глазахъ не разсудила,
Что будутъ плакать—хорошо, не будутъ,
О, нѣтъ, не будутъ плакать о тебѣ.
Змѣнный плодъ у матери на мѣстѣ
Живого сердца, можно разрѣзать,
Куски змѣи разрѣзанной сплетутся,
Какъ полотна кусокъ... Хотѣла бь я
Ее ругать... И проклипать... И мучить...
Ты знаешь, эти очи—какъ ножи.
Вотъ такъ, влѣпила бь прямо я ей въ сердце;
Да, какъ ножи... но только безъ слезы,
Которая смотрѣть мнѣ возбраниаетъ.
Безумной, можетъ, ты меня видала,
Но чтобы плакать, плакать... Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

(Плачетъ съ рыданіями).

Балладина.

Такъ запечалить! Господи, мой Боже!

Вдова.

Такъ запечалить!

Балладина.

Мать свою, старуху!

Вдова.

О, Боже мой, и старую такую...
Но можетъ быть воротится она.

Кто вѣдаетъ! Неправда? Можетъ быть,
Воротится? Какъ сядетъ такъ одна
При свѣчкѣ ночью, и придетъ на мысль ей:
Гдѣ мать теперь? Вѣдь сердца бѣ не имѣла,
Коль никогда бѣ не думала о ней...

Балладина.

Тамъ дружки...

(Слышна свадебная музыка).

Вдова.

Какъ они играютъ грустно
И весело. Ты весь мой кладъ теперь—
Дай лобъ мнѣ, поцѣлую... Что такое?
Червоное пятно, какъ будто кровь?

Балладина (пораженная).

Кровь?

Вдова.

Это, можетъ, только отъ малины...
Дай... я сотру...

Балладина (стирая).

Мать... я сотру сама.

Вдова.

Есть, есть еще.

Балладина.

Теперь?

Вдова.

Какъ тотъ рубинъ,
Что въ перстенькѣ твоемъ такъ ало свѣтитъ.

БАЛЛАДИНА (снова стараясь стертеть).
На, а теперь?

ВДОВА.

Еще, какъ на сушильнѣ,
Гдѣ сушатъ хмѣль, листокъ червоинный.

БАЛЛАДИНА.

О!

Ужасно это! Какъ это ужасно!

ВДОВА.

Дай только лобъ мнѣ, живо и сотру.
(Привстаетъ на цыпочки).

БАЛЛАДИНА.

Не трогай, мать, пятно.

ВДОВА.

Болить?

БАЛЛАДИНА.

Нѣтъ, нѣтъ,

Не больно.

ВДОВА.

Принесу-ка я воды
Цѣлебной, изъ-подъ тополя, гдѣ утромъ
Пьютъ воробьи.

(Вдова уходитъ).

БАЛЛАДИНА.

Пятно, пятно, исчезни!

(Входят сваты и дружки, разодѣтые, съ музыкой, приближаются къ Балладинѣ, та отворачиваетъ лицо).

СВАТЫ (поютъ).

Не отвращай чела, стыдливая дѣвчина;
Ждетъ мужъ, ты будь свѣтла, о, юная калина.
Не отвращай чела...

ДѢВУШКИ (поютъ).

Сваты дѣву отнимають,
Пусть цвѣты обороняють
Твоего вѣика...

СВАТЫ (поютъ).

Обороны нѣтъ въ цвѣточкахъ,
Нѣтъ, въ ихъ бѣлыхъ лепесточкахъ,
Отъ дружка.

(Дѣвушки подаютъ Балладинѣ корзину съ цвѣтами).

БАЛЛАДИНА.

Прочь! прочь!—Откуда бѣлыя тѣ розы
Съ пятномъ червоннымъ въ каждой розѣ? Прочь!
Корзину уберите!

(Балладина убѣгаетъ въ хату).

ОДНА ИЗЪ ДѢВУШЕКЪ.

Отъ цвѣтовъ,

Что ей, ея подруга, принесла я,
Такъ отреклась!

Первый изъ юношей.

Смотрите, пыль столбомъ,
И золотая ѣдетъ тамъ карета,
Киркорь въ ней съ ксендзомъ.

Второй изъ юношей.

Передъ той каретой
И солнце даже кажется какъ мѣдь.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА 1-я.

Домъ вдовы, догорающій, предъ погорѣлымъ мѣстомъ кучка
сельскаго люда.

Первая женщина.

Вотъ видите, какъ дьяволы приносятъ,—
Кому замыслить,—счастье. Та вдова
Какъ нищенка жила, а уѣзжая
Съ невѣстою въ каретѣ золотой,
Съ колесъ насъ, бѣдныхъ, грязью забросала.

Вторая женщина.

Да, горько это: что изъ рукъ скользнуло,
Другимъ досталось.

Старикъ.

А вотъ я скажу вамъ,—
Почтенная старушка то была,
Самъ нашъ отецъ Адамъ въ раю—и тотъ бы

Могъ взять ее женой, вѣрнѣй была бы
Она ему, чѣмъ Ева.

Первая женщина.

Безъ зубовъ,
Такъ яблоковъ не ѣла бы.

Старикъ.

А вспомни,
Она лѣчила бѣдныхъ, ты сама,
Что верещишь, любезная, подумай,
Тебя бѣ давно ужъ принялъ Сатана
Въ свой рай, когда бы не старушка эта.

Вторая женщина.

Мой Стасикъ малый тоже ей обязанъ,
Что живъ остался. Я не буду ей
Завидовать, помилуй Богъ, не надо,
Въ возъ—сѣна наложу, и въ замокъ съѣзжу
Старушку навѣстить.

Дѣвушка.

И Балладинѣ
Пріятно будетъ дружку увидеть.
Съ тобой поѣду, мать.

Вторая женщина.

Какъ хочешь, дѣтка.
Розъ полевыхъ нарви и васильковъ,
Силети вѣнокъ для пани той.

Старикъ.

Не ѣзд.

Ты видишь тотъ пожаръ!

Вторая женщина.

Такъ что жъ съ того,

Соломой крыта хата, подпалили,

Такъ что жъ съ того?

Старикъ.

Видать, стыдятся хаты,

Соломы, васильковъ, и насъ самихъ.

Первая женщина.

Конечно, я вѣдь тоже говорила,

Надъ бѣднотой смѣются.

Старикъ.

Пусть имъ будетъ

Святой покой.

Дѣвушка.

А панна молодая

Носъ задирала! Видѣли вчера?

На лобъ надѣла черную вдругъ ленту

Взамѣнъ вѣнка: чтобъ непохожей быть...

Въ корзинахъ же пучокъ не бѣлыхъ розъ,

А золотыхъ. Лицо какъ у вампира,

Кровинки не видать. И гордый смѣхъ;

Когда жъ смѣется, и зубовъ не видно.

Вторая женщина.

Пока не сѣло солнице, что жь, поѣдемъ
Мы, дѣвушка, съ тобой къ Киркору въ замокъ.

Вторая дѣвушка.

Не ѣзди, о, не ѣзди.

Дѣвушка.

Не поѣду.

Вторая женщина.

А я поѣду, только возъ устрою.
Какъ надобно ихъ будетъ величать?

Старикъ.

Пристойно говорить, и все.

Вторая женщина.

Поѣду.

Дѣвушка.

Того и нужно имъ. Они прикажутъ,
Тебѣ кусъ хлѣба вынести на дворъ,
А ты склонись пониже, словно крышка
Надъ сундукомъ; въ окошко пани плюнетъ.—
Графинюшкѣ ячекъ принесла.—
Грабшней быть давно ей полагалось,
Въ мужья взятъ Грабка пьяницу она
Должна была, не знаете? Ей-Богу!
Совсѣмъ не тайна. Снюхались они.

Гдѣ онъ сидѣлъ? Подивоваться надо,
На свадьбѣ-то вѣдь не было его.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА.

Должно, провѣдалъ и пошелъ тошиться.

ДѢВУШКА.

Такому-то легко-ли утонуть?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА.

А вотъ идетъ онъ, Грабець, тамъ изъ лѣса,
И окруженъ, какъ надо, дѣтвoroй,
Какъ будто воробьями черный коршунъ.

(Грабець бросается на сцену, за нимъ толпа дѣтей).

ДѢВУШКА.

Пусть съ вами онъ болтаетъ; если онъ
Еще не знаетъ ничего о свадьбѣ,
Не говорите, я ему нарву
Гороховый вѣнокъ.

(Уходитъ).

ДѢТИ.

Нашъ Грабичъ! Грабичъ!
Давайте танцевать! Танцуй же, Грабець!

ГРАБЕЦЪ.

Прочь, поросята!

СТАРИКЪ.

Гдѣ жъ ты былъ? Чего ты
Такой понурый?

ГРАБЕЦЪ.

Что? Гдѣ былъ?

ДѢВУШКИ.

Что дѣлалъ?

ГРАБЕЦЪ.

Я росъ.

ДѢВУШКИ.

Что говоришь ты тамъ?

ГРАБЕЦЪ.

Я росъ.

Хотя не я, а ива то росла.

ДѢТИ.

Онъ росъ, и превращался тамъ въ осла.

Онъ былъ осломъ.

ГРАБЕЦЪ.

Молчите, рой проклятый,

Сдается мнѣ, я листьями шумлю.

Хоть столько бѣ у меня, по крайней мѣрѣ,

Здѣсь было вѣтокъ, сколько тамъ вчера,

Я по плечамъ бы ими отхлесталъ васъ.

ДѢТИ.

Что тамъ плететь панъ Грабекъ?

ГРАБЕЦЪ (къ старику).

Разскажи мнѣ,

О, старче, развѣ это быть такъ можетъ?

Кора свербитъ еще до сей поры.
Быть вербой?

СТАРИКЪ.

Верба вербою быть можетъ,

Грабина—нѣтъ.

ГРАБЕЦЪ.

А я же вербой былъ.

СТАРИКЪ.

Что говоришь?

ГРАБЕЦЪ.

Что говорилъ,—все то же.

Чтобъ чертъ васъ превратилъ въ лозу, чтобъ
дьяволъ

Васъ дочерями сдѣлалъ вербы той,
И козь изъ некла выпустилъ на васъ бы.
И вербой былъ; въ отчаяніи я.

СТАРИКЪ.

Тутъ что-нибудь да есть. Въ корчмѣ-то былъ ты?

ГРАБЕЦЪ.

Предъ тѣмъ какъ вербой быть, я былъ въ корчмѣ.

СТАРИКЪ.

И ниль?

ГРАБЕЦЪ.

И ниль.

СТАРИКЪ (смѣясь).

Такъ эта верба, Грабецъ,

Лишь сонъ.

ГРАБЕЦЪ (показывая на погорь-
лое мѣсто).

А гдѣ жь та хата?

ДѢВУШКА.

А какая?

ГРАБЕЦЪ.

А та, гдѣ съ дочерью жила вдова!

ДѢВУШКА.

Стоитъ себѣ.

ГРАБЕЦЪ.

Гдѣ? Я не вижу.

ДѢВУШКА.

Пьянъ ты.

ГРАБЕЦЪ.

Гдѣ?

ДѢВУШКА.

Тутъ.

ГРАБЕЦЪ.

Пускай поить васъ дьяволица
Росою, какъ поила тамъ меня,
Коль есть здѣсь хата.

ДѢВУШКА.

Хата превратилась
Въ твой красный носъ, когда ты превращался
Въ плакучую ту иву.

ГРАБЕЦЪ.

Чтобъ тебя

Треска вбичала съ дьяволомъ. А гдѣ же
Она?

ДѢВУШКА.

Кто?

ГРАБЕЦЪ.

Балладина?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА (приходить съ
гороховымъ вѣн-
комъ).

Превратилась

Въ гороховый, въ гороховый вѣнокъ.

(Бросаетъ на голову Грабку вѣнокъ).

ДѢТИ.

Ха! Ха! Горохъ на вербѣ вмѣсто грушъ.

Ха! Ха! Панъ Грабецъ, Грабецъ, гдѣ гулялъ?

У миленькой твоей явился мужъ,

Тутъ соловейчикъ свадьбу выпѣваль.

ДѢВУШКИ.

А Грабецъ вербой былъ.

ДѢТИ.

Онъ въ лѣсѣ росъ.

ДѢВУШКИ.

А женушка въ каретѣ золотистой

Шмыгъ, шмыгъ! Ха! Ха! Грязь брызжетъ отъ
колесъ.

ДѢТИ.

Женися, Грабець, на метлѣ метлистой!
Ха! Ха! Ха! Ха!

СТАРИКЪ (беря Грабка за руку).

Пойдемъ-ка до корчмы,
За склянкой меду все скажу подробно.
(Вышроваживаетъ Грабка).

ДѢТИ (детяť за Грабкомъ).

Какъ пѣли вмѣстѣ синигрь, воробей,
И балабанъ въ грабинѣ межъ вѣтвей.
Я верба, верба, началъ онъ твердить,
Ну дудки изъ него тогда крутить.
И ушмыгнула милая дѣвчина.
Ха! Ха! Ха! Ха! Ахъ, верба! Ахъ, вербина!
(Дѣти и пѣлая толпа уходятъ за Грабкомъ).

СЦЕНА 2-я.

Пышная зала въ замкѣ Киркора.—Балладина входитъ, задумавшись, въ богатомъ убранствѣ, съ черной лентой на лбу.

БАЛЛАДИНА (одна).

Все у меня ужъ есть... Все, все... Тещерь
Мнѣ нужно наслаждаться... и учиться
Господскимъ смѣхамъ, быть во всемъ какъ люди,
Которымъ съ неба счастье упало
Огромное... Вѣдь столько есть людей,
Что бѣльшіе грѣхи здѣсь совершили
И вотъ живутъ. Съ утра меня томить

Зовъ совѣсти, и вечерами мучить,
И ужасаетъ; ночью просыпаюсь
Отъ страшныхъ сновъ... О, если бы не это?
Какъ тихо! Только стѣны повторяютъ:
О, если бы не это...

(Входитъ Киркоръ, вооруженный, съ рыцарствомъ).

Киркоръ.

Молодая

Моя жена, какъ чувствуешь себя ты
Здѣсь въ замкѣ?

Балладина.

Я? Спокойно.

(Входитъ фонъ Костринъ).

Костринъ.

Предъ вратами

Ждутъ рыцари въ вооруженьи полномъ.

Балладина.

Графъ, что такъ рано? Почему въ бронѣ ты?

Киркоръ.

Любимая моя, я уѣзжаю...

Балладина.

Куда?

Киркоръ.

Жена, я свято присягнулъ
Цѣль дѣла сохранить въ полнѣйшей тайнѣ.

Балладина.

Какая я несчастная! Ужели
Ты уѣзжаешь?

Киркоръ.

Милая моя,

Не плачь, во имя Бога... А иначе
Не рыцарское эхо ты услышишь,
Слезливый голосъ будетъ отвѣчать.
И не держи любезною усмѣшкой,
А то глаза мои, залиты солнцемъ,
Дороги не найдуть... Пусть грудь твоя,
Подъята вздохомъ, чары не бросаетъ,
И руки пусть какъ плющъ висять увидшій.

Балладина (бросаясь къ нему
на шею).

Куда ты ѣдешь? Мужъ?.. Не отпущу!
Зачѣмъ ты ѣдешь? Иль кому далъ слово?

Киркоръ.

Себѣ далъ слово.

Балладина.

Если бъ бросилъ Богъ
Огонь громовый предъ коня подковой;
Твой конь, перуномъ, можетъ, пораженный,
Перуномъ бы примчался въ замокъ вновь.
Надолго отъ жены своей отрекся?

Киркоръ.

Вернусь черезъ три дня...

Балладина.

А ты считала ли,
Какъ много въ днѣ часовъ, минутокъ въ часѣ?

Киркорь.

Пусть знаетъ человѣкъ, что Богъ ему
Жизнь лишь даетъ взаймы на срокъ короткій;
Что долженъ Богу, пусть отдастъ въ дѣлахъ.

Балладина.

Но долженъ ты женѣ—съ женой остаться...

Киркорь.

Ничто меня не можетъ удержать,
Убхать долженъ—дай мнѣ лобъ свой бѣлый.

(Цѣлуетъ ее въ лобъ).

Предъ взорами людей, ты знаешь, вправду
Цѣлуются одними лишь глазами,
А бѣдныя уста, какъ бы касатки
Пугливыя, въ полетѣ торопливомъ,
На бѣленькомъ цвѣткѣ хватаютъ мушку
Медовую, чье имя—поцѣлуй.
Здорова будь, жена... Гдѣ наша мать?
Быть можетъ, спать, привѣтствуй же старушку,
Ждать не могу.

(Отводя ее въ сторону).

Въ казнѣ найдешь ты деньги,
Бери и забавляйся... дай еще мнѣ
Твой бѣлый лобъ... той ленты не люблю я,

Жена, весь лобъ споина принадлежитъ мнѣ,
Тутенту развяжи...

Балладина.

Дала обѣтъ я,

Супругъ.

Киркоръ.

Изъ-за сестры обѣтъ... Такъ, такъ...
Но какъ вернусь, ужь вѣдайся ты съ Богомъ,
А тотъ обѣтъ ты для меня нарушь.

Балладина.

Да...

Киркоръ.

А не то поссорюсь я съ тобою,
Любимая... и это не на шутку.
Здорова будь... Всѣ живо на коней!
Пусть стража въ замкѣ будетъ на дозорѣ.

(Къ Балладинѣ).

Припоминай меня.

(Киркоръ уходитъ, и всѣ, кромѣ Балладины).

Балладина (одна).

Мужъ! Онъ уѣхалъ...

Зачѣмъ? Змѣй угризенья говоритъ мнѣ:
Искать Алину мужъ поѣхалъ твой...
Она въ гробу... въ гробу? Коль гробъ найдется?
А если нѣтъ? Онъ усмѣхнулся такъ,
Какъ будто говоря: Вотъ привезу я
Ее тебѣ, и ленту снимешь ты,
Какъ привезу я.

(Входитъ Фонъ Кострий).

Костринъ.

Пани, молитъ графъ,

Чтобъ чрезъ окно улыбку ты послала...

(Балладина встаетъ около окна и усмѣхается).

Мужья, усмѣшку женъ неся съ собой,

Слезами обливаются.

Балладина (отходя отъ окна).

Поѣхаль.

(Къ Кострину).

Кто, рыцарь, ты?

Костринъ.

Начальникъ стражи замка.

Балладина.

За вѣрность награжу тебя я щедро.

Костринъ.

Не нужно поощренія тому,

Кто рыцарски тебѣ, графиня, служить...

Мы замокъ будемъ тайно охранять,

Другъ другу оба будемъ мы защитой,

Я—ангелу и свѣтлый ангелъ—миѣ.

Балладина.

Зовешься какъ?

Костринъ.

Фонъ Костринъ.

Балладина.

Не изъ Лиховъ?

Костринъ.

Нѣтъ, изъ князей Нѣмецкихъ родомъ я.

Балладина.

Изгнанникъ?

Костринъ.

Полетѣлъ какъ бѣдный птенчикъ
Изъ подъ горящихъ кровель... нынѣ здѣсь я
Чужой, своей отчизнѣ—неизвѣстный,
Слуга въ чужомъ краю; но да не будетъ
Мнѣ это осужденіемъ, ты тоже
Чужая...

Балладина.

Что?

Костринъ.

Изъ Рая ты пришла.

(Уходить).

Балладина (одна).

Какъ быстро я спозналась черезъ взглядъ
Съ тѣмъ чужеземцемъ. Нѣтъ моей вины тутъ—
Смущеннымъ окомъ я въ толпѣ искала
Кого-нибудь. Я вѣрила, что тутъ
Должна душа быть братская... должна же
Душа съ моею... начать... ну, посмотрѣть...
Пойметъ, такъ перемолвится со мною.
Какъ дивно, что другъ другу люди страшны,
Людей боятся болѣе, чѣмъ Бога.
Съ людьми отважной буду я всегда...
(Входитъ вдова, одѣтая, какъ во второмъ дѣйствіи, въ празднич-
ный нарядъ).

Вдова.

Дочь милая, да что же это сталося?
Уѣхалъ королевичъ?

Балладина.

Что съ того?

Вдова.

На утро послѣ свадьбы отъ любимой
Своей жены-супружки отказался...
Чѣмъ, можетъ, ты разгнѣвала его?
То было бѣ дурно! Какъ же ты спала здѣсь,
Мой голубокъ, сегодня? Говорять вѣдь,
Что нужно помнить сонъ на новомъ ложѣ.
Вотъ мнѣ приенилось, будто бы Алина
Пришла ко мнѣ съ небесъ, какъ будто въ морѣ
Плыва по облакамъ... и мнѣ сказала...

Балладина.

Ты лучше, мать, по четкамъ помолись.

Вдова.

Что жь, матери ты хочешь на уста
Намордникъ наложить?

Балладина.

Мать, ты старуха,
А замокъ-то не хата, затрудненій
Тутъ множество,—такъ не о снахъ мнѣ слушать...
(Входитъ слуга).

Слуга.

Какая-то тамъ голь стоитъ предъ замкомъ,
И выкликаетъ нагло, чтобъ пустили
Въ ворота ихъ. А стража, алебарды
Сложивъ крестъ-накрестъ, не пускаетъ ихъ.
Та старая мужичка съ своего
Рѣшетчатого воза неумолчно
Кричитъ солдатамъ: Милый мой, скажи
Ты матери самой жены Киркора,
Что, моль, сюда приѣхала Варвара,
Ея кума, подругу навѣстить.

Вдова.

Моя кума... чтò новенькаго скажеть?

Балладина.

Возъ отослать.

Вдова.

Какъ, Балладина?

Балладина.

Мать,

Тебѣ, быть можетъ, замокъ ужь противень?
Такъ скатертью дорога, можешь ѣхать
Съ той старой.

Вдова.

Чтò? Въ той клѣткѣ? Въ этомъ возѣ
Рѣшетчатомъ? Чтò говоришь ты, Боже?
Дочь?

Балладина.

Это шутки... шутки... Мать, вели
Тотъ возъ отправить.

Вдова (со вздохомъ).

Что жь теперь, отправьте.—

Скажите имъ, что спить.

Балладина (къ слугѣ).

А коли будутъ

Упрямиться, такъ стража... понимаешь...

Вдова (къ слугѣ).

Тамъ старая,—чтобъ не было бѣды!

(Слуга уходитъ).

А правда, дочь моя, коль принимать,

Такъ хлопство тутъ посылетъ, какъ изъ роя.

Пусть любятъ издалека насъ—неправда?

Ты не глупа, у дочерей есть разумъ;

Какъ говорить начнешь, такъ и у князя

Закружится, пожалуй, голова.

Дочурка, прикажи-ка ты мнѣ сдѣлать

Платьишко, а на ситцевомъ-то этомъ

Цвѣты ужь поблѣднѣли,—какъ бы тутъ

Въ мѣха убраться заячьи? Дочурка!

Балладина.

Напомни завтра мнѣ объ этомъ, мать,—

А лучше бы на старости тебѣ

Не выходить совсѣмъ изъ теплыхъ комнатъ...

Вдова.

Ахъ, словно въ гробъ—такъ одной сидѣть...

Предъ матерью ты забираешь замокъ?

БАЛЛАДИНА.

Нѣтъ, нѣтъ!

ВДОВА.

Меня вѣдь любить Балладина?
Дочь, правда? А малина какъ скажи,
На лбу твоємъ? Пятно... Ну, покажи мнѣ...
Болить? Ты никогда вѣдь не кудахчешь,
Хоть и болить у курки... а болить?

БАЛЛАДИНА.

Довольно, мать!

ВДОВА.

Водою не могла
Обмыть я изъ-подъ тополя... о, дочка...
Какая-то ужасная то рана,
Блѣднѣешь, какъ припомнишь ты о ней...

БАЛЛАДИНА.

Зачѣмъ же, мать, ты мнѣ напоминаешь?..

ВДОВА.

Отъ добраго... отъ добраго я сердца.

БАЛЛАДИНА.

Я вѣрю, вѣрю, вѣрю. Мать, теперь
Иди къ себѣ на башню.

ВДОВА.

Въ ту норѹ-то?

БАЛЛАДИНА.

Бѣтъ принесутъ тебѣ... пить принесутъ.

Вдова.

Какъ щенчику, и пить?

Балладина.

Иди же, мать.

Вдова.

Ну, позабавлюсь я съ своей сѣдою
Косой... А только ты слугѣ скажи,
Чтобъ мнѣ принесъ поѣсть... Не позабудь же...

(Уходитъ).

Балладина (одна).

Адъ! я мѣшаюсь, трепещу, блѣднѣю...
Когда-нибудь себя предъ мужемъ я
И матерью такъ выдамъ... На погибель
Мою все сговорилось. Какъ скворцы
Ученые, чрезъ силу правосудья
Ужаснаго, не думая о томъ,
Что говорятъ,—такъ говорятъ, какъ будто
Тропинками сокрытыми стремятся
Въ глубь сердца моего. Вопросъ суровый,
Вопросъ судьи, они мнѣ предлагаютъ:
Виновна?.. Мать, и мужъ, сплетеньемъ словъ
Таинственныхъ,—и мать, и мужъ, да, оба.
Мать, мать моя, простолюдинка, нужно
Ее любить.

(На сцену входитъ Костринъ).

Костринъ.

Покои приказалъ я
Богатою парчею все укрыть.

Сегодня въ замкѣ праздникъ послѣ свадьбы...
Во дворъ прїѣдутъ рыцари, пани,
Твои вассалы...

Балладина.

Нужно будетъ башню...
Тамъ запереть... гдѣ мать моя... больная,
Ей нуженъ отдыхъ.

Костринъ.

Какъ? Уродъ подобный
Поилъ когда-то молокомъ твой
Красивыя уста? Ахъ, нѣтъ... Быть можетъ,
Небесная богиня, что въ лазури
Путь млечный пролила, потокомъ, такъ что
Звѣзда изъ каждой капли бѣлой груди
Явилася,—и нынѣ людямъ свѣтитъ,
Она быть можетъ на снѣжистомъ лонѣ
Баюкала тебя.

Балладина.

Мой рыцарь свѣтлый,
Златыя у тебя уста.

Костринъ.

Ты—сердце
Алмазное скриваешь... Приказаль я
На побережьѣ Гола запалить
Столбы огня и бочки смоляныя;
На свадебный огонь слетятся гости.
Такъ, пани, хорошо я поступилъ?

Балладина.

Какъ надлежить, такъ дѣлай.

Костринъ.

Башни будутъ

Освѣщены, и избранные только
Здѣсь въ замкѣ будутъ приняты. Сегодня
Какъ разъ простакъ, безъ памяти, какой-то
Хотѣлъ сюда вломиться, такъ его
Собаками швырнулъ я за ворота.
Смѣльчакъ надъ смѣльчаками, онъ собакамъ
Отлаивался, говоря, что знаетъ
Тебя; въ такихъ устахъ—кощунство это.

Балладина.

Кто бь это былъ?

Костринъ.

Одинъ изъ тѣхъ, что вѣчно

За хлѣбомъ за господскимъ волочатся,
И штопаютъ свой нищенскій уборъ
Тѣмъ, что они повыщиплютъ изъ пышныхъ
Плащей господскихъ, если панъ какой
Къ себѣ подпуститъ близко проходимцевъ...
Пасть лающая... Ты его не знаешь...
Въ твоихъ устахъ отвѣта быть не можетъ
На имя грубіянское,—то Грабець.

Балладина.

Что? Грабець? Хлопства этого повсюду—
Какъ саранчи.

Костринъ.

Прости, графиня, имъ.
Цвѣтовъ царица—обвинять не будетъ
Мужичекъ улья, что жужжать надъ ней.
Иль радугой незримою одѣнься
Предъ взорами людей; иль терпѣливо
Сноси, что вотъ мы смотримъ на тебя.

Балладина.

Сынъ княжескій, напрасно говоришь ты
Съ простыми, что на нивѣ деревенской
Взросли... Изъ тысячъ можешь быть ты первымъ,
Умѣй лишь тайну крѣпко сохранить.
(Костринъ преклоняетъ колѣно и цѣлуетъ край ея одежды).
Пойдемъ теперь съ тобою въ кладовую
И золота немного зачерпнемъ,
Чтобы гостей принять намъ хорошенько.

Костринъ.

Иди за мной, я факель понесу.
(Костринъ идетъ впередъ съ факеломъ, Балладина за нимъ—
выходятъ).

СЦЕНА 3-я.

Лѣсъ передъ хатой отшельника.—Киркоръ вооруженный—
Отшельникъ съ короной въ рукѣ.

Отшельникъ.

Киркоръ, вотъ золотистая корона.
Съ твоей, быть можетъ, помощью она

Когда-нибудь и возвратится въ Гнѣзно,
Засвѣтится народу не кроваво.

Киркоръ.

Какъ золотить ее сянье солнца,
Ты видишь; это, вѣрно, добрый знакъ.

Отшельникъ.

О, Боже, дѣло наше озари ты!..
Одинъ совѣтъ тебѣ я дамъ, Киркоръ.
Жену ты молодую взялъ?

Киркоръ.

Спокойный

Уѣду, простоты она полна.

Отшельникъ.

Сейчасъ довѣрье въ женщину влагаю,
Коль нѣтъ въ ней недостатковъ древней Евы,
Провѣрь ее. Пошли своей женѣ
Вотъ этотъ сундучокъ, съ своей печатью,
И строго накажи, чтобы печать
Нетронутой была, иначе гнѣвъ твой.

(Выносить желѣзный сундучекъ).

Киркоръ.

Отлично, такъ да будетъ. Это вотъ
Моя печать: два жолудя златые
Въ кабаньей пасти. Вѣрный мой слуга,
Иди одинъ.

(Входитъ слуга).

Женѣ вотъ отнеси-ка,
И какъ бы долго ни былъ я въ отлучкѣ,
Не открываетъ пусть, такъ я велю.

(Слуга уходитъ).

Она чистосердечная такая.
Ахъ, ты мнѣ счастья показалъ дорогу,
Могу благодарить дѣлами только,
Прощай, мой старче... Королю привѣтъ мой!

Отшельникъ.

На лбу твоёмъ читаю ужъ побѣду.

Киркоръ.

Въ путь, рыцари, скорѣе на коней!
(Киркоръ уходитъ, слышенъ топотъ удаляющихся коней).

Отшельникъ.

Зачѣмъ тотъ рыцарь не родился раньше,
Тому лѣтъ двадцать! Былъ я на престолѣ,
И цѣлый край плодилъ однихъ уродовъ:
Какъ скульпторъ неудачный, что въ камняхъ
Отыскиваетъ лицъ людскихъ, и камни
Похожи на людей, но безъ души...
Иль естество, предъ тѣмъ какъ сотворить,
Мечтаетъ долго—долго о твореньи,
И пробуетъ, и пни творить сначала,
Потомъ людей подобныхъ, какъ Киркоръ.
(Входитъ Филонъ—фантастично одѣтый).

Филонъ.

Гдѣ милая моя, скажи мнѣ, старче?

Отшельникъ.

Не ожила.

Филонъ.

Ахъ, покажи тогда мнѣ,
Гдѣ та могила сердца моего?
Пусть вижу я, какой цвѣтокъ возросъ тамъ
Изъ чаянья посѣяннаго. Вѣрно,
Цвѣтокъ тотъ блѣденъ.

Отшельникъ.

Плакальщица ты!
Чего безъ дѣла по лѣсамъ ты бродишь?
Бѣги вослѣдъ Киркора, и одѣнь
Свои златые волосы желѣзнымъ
Уборомъ бранно-рыцарскимъ, и смѣло
На чашу, гдѣ лежатъ людскія судьбы,
Брось маковое зернышко своей
Ненужной жизни,—можетъ, перевѣситъ
Судьбу.

Филонъ.

Скажи мнѣ, гдѣ ея могила?

Отшельникъ

Грудь выѣдена глиною суровой,
По бѣлому лицу вползають черви.

Филонъ.

О, нѣтъ, она въ землѣ какъ Нимфа рѣкъ,
Ладонью на кувшинчикъ опершися,
Малиновыя звѣзды проливаетъ,
И бѣлая, но въ розовомъ вѣнкѣ,

Надъ ручейкомъ малинъ она заклята...
Не можетъ пробудиться; глазки будутъ
Взростать какъ лепесточки незабудокъ,
Въ могильныя рубиновыя зори
Они глядятъ лазурными звѣздами.
Сіяеть въ гробѣ.

Отшельникъ.

Въ гробѣ столько жъ свѣта,
Какъ и надъ люлькой грезъ.

Филонъ.

А эта тѣнь,
Тѣнь блѣдная перѣдко тамъ блуждаетъ,
Гдѣ словно лютни, смутныя березы
Повисли надъ гробами, и когда
Ихъ тронуть соловьи, они тоскуютъ,
И струны ихъ листовъ шумятъ, шумятъ.
Сребристая полянь о ней поплачетъ,
Раскрывшійся задержитъ василекъ;
Какъ дитяtko такъ встанетъ... и вздыхаетъ,
И пухъ отъ одуванчика летитъ.
Заснуло тѣло подъ холоднымъ камнемъ,
А духъ плыветъ на мѣсячныхъ лучахъ,
И лепестки порою обрываетъ
На тѣхъ цвѣтахъ, въ которыхъ счастьемъ счетъ.
Скажи мнѣ, старче, люди вѣдь мечтаютъ
О счастьи въ могилахъ?..

Отшельникъ.

А умри,
Тогда узнаешь. Ежели вернешься

Изъ гроба, такъ о тѣхъ мечтахъ расскажешь
Всѣмъ совѣстямъ преступнымъ; а быть можетъ,
На ложѣ будутъ тихо-тихо спать...

Филовъ.

Пойду, въ лѣсу на перекресткѣ стану.
Коль ящерка зеленая какая
Направо побѣжить, такъ въ гробѣ грезять...
А ежели налѣво... человѣкъ—
Ничто; умереть—и ничего не снится...

(Филовъ уходитъ).

Отшельникъ.

О, сколько же различныхъ тоскованій
На этомъ бѣдномъ свѣтѣ—да, земля
Шальная мать шальныхъ—еще кто?

(Быстро вбѣгаетъ Балладина).

Кто ты?

Балладина.

Я пани замка ближняго.

Отшельникъ.

Что хочешь?

Балладина.

Ты знаешь свойства травъ и ихъ цѣлебность,
Я вѣдаю, что раны лѣчишь ты.

Отшельникъ.

Здоровый видъ имѣешь. Покажи мнѣ,
Гдѣ рана.

Балладина.

Старче!

Отшельникъ.

Лѣкаръ долженъ видѣть...

Балладина.

Ты общаешь вылѣчить?

Отшельникъ.

Ты рану

Мнѣ покажи.

Балладина.

Вотъ здѣсь, на лбу. Смотри...

А! что?

Отшельникъ.

Какъ будто мѣсяцъ въ мглистомъ кругѣ
Кровавомъ. Рана изсиня-красна.
Скажи, скажи, какое преступленье
Причиною? Здѣсь страшная вина.

Балладина.

Нѣтъ никакой.

Отшельникъ.

Врачъ долженъ знать предъ тѣмъ
какъ

Онъ вылѣчить.

Балладина.

Лишь красная малина
Лобъ занятила.

Отшельникъ.

Ты должна сказать мнѣ,
Когда то было?

Балладина.

Я скажу: вчера.

Отшельникъ

И утромъ?

Балладина.

Да.

Отшельникъ.

Дай мнѣ рукой послушать
Биеня сердца.—Подъ плакучей ивой
Росла малина? Говори же смѣло;
Я исповѣди отъ тебя хочу.
Была малина эта раньше бѣлой?
Быть можетъ, ты ее зачервенила?
Малину ту, что ранила тебя,
Ты къ сердцу приложи...

(Съ силою отталкиваетъ ее).

Бѣда тебѣ!

Твое же сердце выдало...

Балладина.

Стой, старче!

Отшельникъ.

Сестру свою убила ты.

Балладина.

Нѣтъ—нѣтъ!

Вотъ золото возьми—еще дамъ втрое...

Отшельникъ.

За что ты платишь? Отвѣчай!

Балладина.

Не знаю.

Отшельникъ.

Та рана адскимъ заревомъ тебя
Палить?

Балладина.

Палить...

Отшельникъ.

И ты спала сегодня?

Балладина.

Спала.

Отшельникъ.

Съ той раной?

Балладина

Старче, я ни въ чемъ,
Тебѣ не признавалась.

Отшельникъ.

Да, ни въ чемъ,
Проклятая, за что же ты платила?

Балладина.

За врачеванье.

Отшельникъ.

Чтобы гниль твоей лобъ!

Чтобъ тѣни смерти на лицо упали!

Мои же зелья воровать не стануть

У Ада — болей...

Балладина.

Берегись, старикъ!

Отшельникъ (съ прошею).

Что? Ты грозшишь, когда твоей болѣзни

Лѣкарства измышляю я? Когда

Тружу я чары адекия, чтобъ рану

На лбу они затерли? Хочешь ты,

Твоя сестра умершая проснется?

Балладина.

Проснется?

Отшельникъ.

Пусть сестра сестрѣ покличеть,

Умершая возстанетъ, и ту рану

Сотретъ. Ты хочешь?

Балладина.

Если бъ я имѣла

Три блѣдныя лица, и три, страшнѣе,

Пятна на каждомъ, ихъ бы я скорѣе

До Божьяго суда носить хотѣла,

Но только бы...

Отшельникъ.

Преступница, молчи!

До глубины сердца мы другъ друга знаемъ...

Пусть съ этой язвы черви въ мозгъ ползуть,
И змѣи въ совѣтъ; пусть кусаютъ вѣчно,
Покуда изнутри ты не умрешь,
И знаками гнилыми вся покрыта
Ты будешь проходить, какъ трупъ живой.
Прочь! Прочь! Прочь! Ждать ты будешь неиз-
бѣжно,

Что сдѣлаетъ съ тобою Божій судъ...
А что-нибудь ужасное уже
Назначилъ Богъ, свершить, быть можетъ, завтра.
Быть можетъ, въ пропитаніи откажетъ,
Иль волосы облѣнитъ колтуномъ,
Потомъ убьетъ безъ исповѣди сразу
Огнемъ небеснымъ... Горе! Завтра утромъ
Персть Божій узришь въ замкѣ на стѣнахъ.
Ты какъ змѣя, ты словно мѣдьяница,
А въ сердцѣ скрыто злѣйшее пятно,
Чѣмъ тутъ на лбу. Что?... Ты мертва?... Прос-
нися...
Слышь, женщина, проснись!

Балладина (какъ бы просыпа-
ясь ото сна).

Что? А, сказалъ ты,
Сестра моя проснется?... Умереть
Хочу я.—Что взбѣислся ты такъ, старче?
Бѣда тебѣ! Бѣда! (Убѣгаетъ).

Отшельникъ (одинъ).

Въ тиши лѣсной,
Въ тиши печальной, бродить преступленье,

И словно дятель въ стволъ стучить сухой;
А стукъ ножа глухой рождаетъ отзвукъ,
Какъ бы топоръ тяжелый палача,
Когда онъ рубить голову на плахъ.
Богъ слышитъ это все, и замыкаетъ
Въ ту громкую ужасную трубу,
Что позоветъ людей на судъ когда-то.

(Въ лѣсу слышенъ смѣхъ).

Духъ, бодретвуй! Въ лѣсѣ дьяволы смѣются!
Колдунья Гонла съ роемъ дьяволятъ
Смѣшитъ дубы понурые, и дразнитъ
Плакучія березы.

(Слышенъ отзвукъ охотничьихъ возгласовъ и лай собакъ).

То умершій

Охотникъ мгlistыхъ туровъ гонитъ въ чащѣ
И свора мгlistыхъ псовъ бѣжитъ за ними,
И молнійный ихъ ослѣвляетъ вихрь.
Пойду... и отпущу охоту эту,
На вѣки пусть вѣковъ они исчезнутъ...
Но это безразсудство—измѣнить
Въ рой недруговъ бѣсовское сосѣдство.

(Слышны подземные звоны).

Что тамъ?... Водой залитые, вѣка ужъ,
Изъ глуби Гонла кличутъ города
О милосердїи къ Богу плачемъ башенъ...
Какой-нибудь, быть можетъ, крестоносецъ
Содомской башни виденъ на волнѣ
Межъ лилій?... Я пойду—нѣтъ больше силы—
Благословлю потопшій городъ я;
Спокойно, можетъ, подъ молитвой старца

Заснетъ сномъ тихимъ онъ въ волнѣ могильной,
Какъ человѣкъ погибшій, о которомъ
Помолится невинное дитя.

СЦЕНА 4-я.

Лѣсъ какъ передъ этимъ.—Искорка и Хохликъ.

Хохликъ.

Помчался... словно глупая ворона!

Искорка (береть брошенную на
камень корону).

Смотри, корона старца.
На волосахъ Гопланы
Пусть блещетъ въ свѣтѣ лунныхъ
Лучей вѣнкомъ огня,
Вся въ перевязи тонкой
Волосъ ея воздушныхъ,
Межъ косъ ея златистыхъ.

Хохликъ.

Смотри, она идетъ.

(Грабецъ и Гоплана входятъ на сцену).

Грабецъ.

О, вѣдьмочка моя, ты, паниа дождевая,
Вода тебѣ постель, а туча твой уборъ,
Какъ по лѣсу идешь, такъ слышенъ цѣлый хоръ
Деревьевъ и цвѣтовъ: Къ намъ дѣва проливая!
Вотъ пахарю бѣ тебя надъ нивою своей,

А будь я самъ цвѣткомъ, горчицей или крапивою,
Я бѣ вѣрность обѣщаль до окончанья дней,
Ромашкой бы съ тобой я въ бракъ вступилъ счаст-
ливый.

Но не травинка я, къ несчастью, не цвѣтокъ,
Изъ мяса человѣкъ, папенка; и ножами
Разрѣжутъ кожу мнѣ костяшки рукъ и ногъ,
Коль буду ихъ поить и мглами и звѣздами.
Смирено кланяюсь.

Гонима.

О, горе, горе мнѣ!

Сегодня на пенькѣ осыпалася роза,
И корюшка моя скончалася въ глубинѣ,
Рыбакъ ей яду далъ, свершилася угроза;
А птичку милую, что ночью мнѣ и днемъ
Надъ свѣтлымъ озеромъ въ березѣ распѣвала,
Убилъ какой-то хлопъ тяжелымъ топоромъ,
И дерево срубилъ, и дерево упало...

Грабецъ.

Въ день нынѣшній досталось и мнѣ,
Подъ замкомъ подъ Киркоровымъ такъ вздули,
Что было прямо жарко, какъ въ июль,
Свербятъ все плечи, и горятъ въ огнѣ.
Но ежели бьютъ знатно въ замкѣ этомъ,
А кормятъ вдвое знатно, и течетъ
Въ канавы водка и зимой и лѣтомъ,
Такъ эти мнѣ побои невзачетъ,
И судебъ повинуюсь приговору,
На кухню я пойду служить Киркору.

ГОПЛАН.

Что? Къ ней! Все къ ней! Всего лишь день на-
задъ

Ея ты сердце видѣль. Милый, милый,
Скажи, что хочешь? Хочешь быть богатъ,
Ликъ измѣнить? Ты хочешь власти, силы?
Хоть захотѣль бы камешка того,
Что чудо невидимки совершаетъ,
И чловѣкъ предъ всѣми исчезаетъ,
Какъ бы во снѣ,—не хочешь ли его?
Какъ больно покупать твое мнѣ сердце
Моими волшебствами!—Хочешь ты,
Раскроется таинственная дверца,
И на коврѣ, превыше высоты,
И на коврѣ крылатомъ будешь ты?
О, милый, молви... Или, въ блескъ бури,
Ты хочешь быть какъ рыцарь, что возникъ,
Войскамъ Лехитовъ свой являя ликъ,
Съ главы до ногъ весь въ златѣ и лазури?

ГРАБЕЦЪ.

Такъ вотъ, съ главы до ногъ, я быть хочу
Бубновымъ королемъ, чтобъ скинетръ — въ пра-
вой,
Въ коронѣ, и чтобъ — въ лѣвой быть съ державой.

(Въ сторону).

Какъ выкрутитея вѣдьма? Подшучу!

(Велухъ).

Чтобъ скинетръ мнѣ имѣть, и плащъ, корону,
Златыя туфли, и дотоль

Быть мощнымъ, чтобъ плевать въ глаза закону,
Какъ панъ король...

Гонлана.

Мои бѣсенята,
Летите, просите,
Багрянца у заката,
Жемчуговъ тамъ возьмите,
Сафировъ у тучъ,
Съ Восточныхъ кручь,
У зорь попросите вы злата;
А ежели гдѣ у склона
Радуги свѣтитса нить,
Взять ее на веретена,
И витъ и витъ и витъ.

(Искорка и Хохликъ убѣгаютъ).

(Къ Грабку).

Въ кругъ очерченный вступаю,
Что захочешь, молви ты:
Власть Гонланы дастъ черты
И судьбу, коль есть какая,
О которой гредишь ты...

Грабець.

Все въ мысляхъ вижу королей бубновыхъ,
Вертятся.

Гонлана (очерчивая кругъ).

Тихо въ кругъ стой.
Ты слышишь шумъ вѣтвей сосновыхъ,
Веселый этотъ гулъ лѣсной.

И птички пѣвчія слетаютъ,
Вонъ иволга и соловей,
Лучи отъ солища ниспадаютъ,
Плывутъ межъ трепетныхъ вѣтвей.
Но затемнится небо векорѣ,
Златыя луны пролетятъ,
И звѣзды въ блѣдномъ дымномъ хорѣ,
И молнійный зажжется взглядъ.
(Искорка и Хохликъ несутъ одежды и корону).

И С К О Р К А .

Готово все.

Г Р А Б Е Ц Ъ (позѣвываетъ).

А! Спать хочу я...

Г О П Л А Н А .

Свою ты голову склони.
Проснешься скоро. Такъ, засни.
Въ дремотѣ, ничего не чуя,
Ты будешь духами одѣтъ
Въ такой, какой загрезишь, цвѣтъ,
Ты ими будешь облеченъ
Во все, о чемъ твой будетъ сонъ.

Г Р А Б Е Ц Ъ (укладываясь).

Ну, чудеса... Спокойной ночи, Грабецъ...
Прощай, братъ... До свиданія на тронѣ...
Спокойной ночи, органиста сынъ,
Я въ память ухожу...

(Позѣвываетъ).

А! а! а! чудо...

(Засыпаетъ).

ГОПЛАНА.

Блюдите за соннымъ,
Адскія чары заворожу.

(Темнѣть—проходятъ алыя тучи, и привидѣнія окружають
отвернувшуюся Гоплану).

ИСКОРКА.

Покрыть его плащомъ, лучами осѣненнымъ,
Златую обувь дать, служить какъ я служу.

(Совершенно темнѣть.—На головѣ Гопланы показывается
полумѣсяцъ).

Жемчужинки росы серебристой
Летять съ плаща;
Сбери ихъ, по травѣ ища,
И снова, лентою сибжистой,
Не разсыпая по травѣ,
Ихъ все пришей на рукавѣ.

ХОХЛИКЪ.

Ужь на другой онъ бокъ ложится,
Хранить король, презнатный сонъ.

ИСКОРКА.

Пусть свѣтъ, Гоплана, возвратится,
Уже твой милый превращень.

(Гоплана даетъ знакъ—мѣсяцъ съ ея чела исчезаетъ—и
свѣтъ возвращается).

ГОПЛАНА (смотря на связцаго).

Какой себѣ измыслить видъ онъ дивный?

(Грабецъ встаетъ съ земли какъ бубновый король).

Г Р А Б Е Ц Ъ (позъывая).

А-а-а-а! День добрый. И погода
Прекрасная. А это что такое?
Чортъ! Волосы на бородѣ. Съдые.
Что это значить? И во что опять
Меня переметнули эти бѣсы?
А плащъ каковъ! Узоры расписные.
Миѣ снилось... Дай Богъ памяти, не помню,
Что снилось миѣ... Похоже, что корчма,
Изъ полныхъ бочекъ пиво выливалось,
И былъ потопъ, въ потопѣ плылъ какъ рыба,
И сталъ я глыба, сталъ я прямо кить.
Дьявольскимъ искусствомъ, въ золотистомъ
Плащѣ левіафанъ съдобородый.
Поди-ка, вѣдма ты моя, ко миѣ,
Стеклянное ты диво, Расскажи-ка,
Кто бородой и золотомъ меня
Такъ разукрасилъ,—что со мною стало?

Г о п л а н а.

Вотъ, сталъ король.

Г Р А Б Е Ц Ъ (хватается за голову,
находить корону).

Что́ стало, пусть стоитъ.

Рукою хватъ, и ухватилъ корону.

Ну, чудеса...

Г о п л а н а.

Правдивую корону

Попеловъ носишь ты...

ГРАБЕЦЪ.

Я вижу, людямъ
Для тѣхъ же цѣлей служить, что и шапка:
Скрываетъ уши. Это?

(Показываетъ на деревянный скипетръ).

ГОПЛАНА.

Скипетръ твой.

ГРАБЕЦЪ.

Какъ хочешь, милый угорь, я увѣрю
Себя, что это скипетръ; пусть такъ глядеть
Взоръ разума, и скажетъ—это скипетръ.
Откуда эту палку взяли вы,
Бѣсенки?

ХОХЛИКЪ.

Тамъ, гдѣ Грабцемъ называли
Тебя.

ГРАБЕЦЪ (съ презрѣніемъ).

Не говорите мнѣ о Грабцѣ!

ХОХЛИКЪ.

Гдѣ былъ вчера ты жителемъ лѣсовъ,
Былъ вербою, и съ древа-короля
Филовъ взять вѣтку.

ГРАБЕЦЪ.

Лѣвою рукою
Держу теперь ту самую кору,
Которой обросталъ я, словно шкурой,

И та кора есть скипетръ... Ха, такъ буду
Тѣмъ скипетромъ по спинамъ шастать я.
Ахъ, горе мнѣ, отецъ мой, брадобрѣй,
Ужъ въ небѣ, а не то бы эти кудри
На бородѣ онъ живо опросталь.
Скажи-ка, вѣдьма, ты, что, какъ святая,
Все ходишь по водѣ, не можешь ты
Отъ этой бороды меня избавить?
Нѣтъ?.. Баста... Будетъ тамъ какой-нибудь
Цирюльникъ, что себѣ составитъ славу
На этой королевской бородѣ.
Ха! въ руку надо мнѣ еще державу,
Дать яблоко, и съ картою бубиновой,
Какъ съ зеркаломъ, по свѣту я пойду.

Искорка.

Для державы королевской
Я въ селѣ сосѣднемъ банку
Изъ-подъ мыла, у мальчишекъ,
Скралъ, и солнце такъ пекло,
Что въ тотъ катышекъ хрустальный
Сѣвъ съ руками и ногами,
Весь я въ банкѣ помѣстился,
И лечу сюда, лечу...
Золотая эта банка
На лазурной сѣла рѣчкѣ,
И кузнечикъ—вотъ негодный!
Въ часъ, какъ въ радужномъ стеклѣ
Я уснулъ спокойно въ лодкѣ,
Сбилъ ее крыломъ прозрачнымъ

И бѣжалъ... а я проснулся,—
Незабудка подо мной.

Г Р А Б Е Ц Ъ .

Мой дьявольчикъ, ты, значить, ваша милость,
Глупъ какъ сапогъ; вѣдь яблоко, держава,
Есть яблоко, а не миндаля небесный.

(Хохликъ даетъ ему яблоко).

Покорнѣйше спасибо... не съ виномъ ли?

(Пробуетъ).

Такъ; что король имѣеть, все имѣю.
А гдѣ же свиньи, подданные эти,
Надъ конми царить здѣсь буду я?

Г О П Л А Н А .

Что власти здѣсь моею подчинено,
Деревья, птички, росы, каждый цвѣтикъ,
Всѣ радуги, твое, сполна твое.

Г Р А Б Е Ц Ъ .

Такъ подати сейчасъ же наложить.
Послушайте... а сводъ законовъ будетъ
Пусть вырѣзанъ на ивѣ на гнилой.
Брать въ рекруты лосей и сѣрыхъ зайцевъ,
И зубровъ съ кабанамъ. Если только
Цвѣты хотять въ росѣ купать листочки,
Пусть платять, я росу на откупъ дамъ
Жиду; а мнѣ пусть водкой онъ заплатитъ.
Скворцы пускай не мыслятъ въ ту минуту,
Какъ говорить. Чтобъ ласточки сбிரались

На сеймъ на вербѣ,—это запретить;
Чтобъ не было у нихъ тамъ кривотолковъ
О разныхъ политическихъ дѣлахъ.
Сеймъ воробьиный разогнать немедля;
Самъ буду вѣшать, самъ и награждать.
Какъ ласточки въ дорогу соберутся,
Давать имъ паспортъ, съ точнымъ означеньемъ
Ногъ, клюва, крыльевъ, хвостика, а также
Родимыхъ пятенъ. Птицы пусть отнынѣ
Дѣтей не посылаютъ къ этимъ Нѣмцамъ,
Учиться тамъ, гдѣ учатъ попуганъ;
Одно лишь послабленіе—сорокамъ,
Что развиваютъ такъ родную рѣчь.
Изъ странъ чужихъ особы... канарейки...
Слѣдить. На всѣ товары на чужіе
Пусть пошлина... съ аршина всякихъ радугъ,
Что въ краѣ солнца дѣлаютъ, или въ краѣ
Луны отъ радугъ бѣлыхъ или красныхъ,
Иль синихъ, или шелковыхъ какихъ,
Три золотыхъ монеты... а отъ штуки
Холста изъ паутинь...

Гоплана.

О чемъ, мой милый,
Ты говоришь?

Грабецъ.

Что? Царствую... Царю...
И штопаю казну, что вся въ заплацахъ.
Пусть роза платитъ отъ своихъ бутоновъ,
Калина отъ калинь, орѣшникъ платитъ

Орѣхами,—пустой тамъ или полный;
Макъ зернами, не маковками платить.
Вѣдь голова на мнѣ не просто знакъ...

Г о п л а н а.

Останется здѣсь съ Искоркою Хохликъ,
Пусть служатъ, рвутъ цвѣты тебѣ, а если
Заснешь, пусть съ розы сыплютъ лепестки.
До вечера, прощай. Я буду ждать
Надъ озеромъ тебя, и буду плакать,
Той пѣсенкой плѣняя соловья.

(Гоплана уходитъ).

Г р а б е ц ъ.

Какъ этотъ рыбій студень исчезаетъ,
Мнѣ легче...

Эй вы, подданные!

(Къ Хохлику).

Ты

Министромъ будешь, ибо глупъ, а ты
Бѣсенокъ быстроглазый, шутъ мнѣ будешь;
Смѣши меня, мошенникъ, до тѣхъ поръ,
Покуда я отъ радости не лопну.
Министръ, карета гдѣ?

Х о х л и к ъ.

Уже четыре

Красивыхъ вороныхъ коня сверкаютъ
Копытами, подкованными лунно;
Карета Мефистофельская ждетъ,
Но ничего не говори Гопланѣ.

ГРАБЕЦЪ.
Что такъ?
ХОХЛИКЪ.
Имѣть не хочеть съ Адомъ дѣла.

ГРАБЕЦЪ.
Безумная! Безумная! Коль Дьяволъ
Даетъ займы, бери себѣ спокойно,
Карета есть, такъ дѣлы сапоги...
(Къ Искоркѣ).

На козлахъ будешь ты, а изъ министра—
Форейторъ мой... Ну, ѣхать намъ пора.

ИСКОРКА.
Куда король поѣдетъ?

ГРАБЕЦЪ.
Прямо въ замокъ
Къ Киркору, будетъ свадебный тамъ пиръ.
(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА 5-я.

Зала въ замкѣ Киркора.—Костричь одинъ.

КОСТРИЧЬ.
За кельею отшельника укрывшись
Среди деревьевъ, неповѣдь я слышала
Той женщины. О, счастье! Теперь я
Властитель этой тайны золотой.
Могу о ней кричать съ дворцовой башни,

Иль господину вѣрно рассказать,
Иль повѣсть ту ужасную по-малу
Могу цѣдить, какъ изъ часовъ песокъ,
Въ тревожный слухъ той пани, и увижу
Въ концѣ-концовъ сокровищницу замка
Голѣй и чище выси Арарата...
Идетъ назадъ... Какой счастливый часъ!
Могу имѣть ее съ ея богатствомъ.

(Становится къ сторонѣ).

БАЛЛАДИНА.

Все знаетъ этотъ старый человѣкъ.
Расскажетъ онъ деревьямъ, а деревья
Другъ съ другомъ ночью будутъ говорить,
И страшная та повѣсть разростется.
О, бѣдныя вы мысли! Словно дѣти,
Боятся вы тѣней. Слова мои
Тотъ старецъ сочetaетъ, составляетъ,
И говорить себѣ: Не можетъ быть...
Та молодая женщина—убійства
Не совершала. А коль нѣтъ? Коль онъ
Увѣренъ? Кто жь въ такую вещь повѣритъ,
Какъ въ святы... Если жь онъ въ нее повѣрилъ,
И путнику, который заблудится,
Расскажетъ ужасъ преступленья пани,
Предъ тѣмъ какъ сможетъ имя онъ назвать,
Смутится онъ и побойся пана
Могучаго и мщениа его.
А можетъ быть, коль доброе въ немъ сердце,
Найдетъ въ концѣ совѣтъ онъ милосердный:

Зачѣмъ вредить другимъ! А можетъ, онъ
Уже забылъ, а я тутъ, безъ разсудка,
О томъ стою и думаю, о чемъ
Онъ думать пересталъ. Что я такое,
Чтобъ люди размышляли обо мнѣ,
Слѣдили бы, губить меня хотѣли?
Адъ! Тысячами словъ я не могу
Убить тѣхъ двухъ: *Онъ знаетъ*. Для чего же
Къ нему пошла я? Я сама себѣ
Погибели некала: заблудилась,
Сюда ведома дьявольской рукой.
Подумать только, если бы не этотъ
Приходъ мой, этотъ старецъ былъ бы такъ же,
Какъ милліоны тѣхъ людей, которыхъ
Ни разу я не встрѣтила на свѣтѣ.
Подумать, что вотъ этотъ самый часъ,
Тревожныхъ полный мыслей, былъ бы такъ же
Спокоенъ, какъ вчерашніе часы,
И можетъ быть, спокойнѣе гораздо;
Вѣдь много бѣ страха,—тайною и тишью,—
За день одинъ въ себѣ я усмирила.
Теперь же все рождается опять
Съ лицомъ еще ужаснѣйшимъ, чѣмъ прежде.
Завидно мнѣ на ту, что нынче утромъ
Здѣсь мной была.

(Приближается Костринъ).

Костринъ.

Гонецъ отъ Графа, пани,
Съ дарами—приказаній ожидаетъ.

БАЛЛАДИНА.

Дары отъ мужа? Позови гонца,
Пуекай ихъ здѣсь положить. Стой... Извѣстенъ
Тебѣ тотъ нищій, что живетъ въ лѣсу здѣсь?

КОСТРИНЪ.

Отшельникъ?

БАЛЛАДИНА.

Я не знаю, почему
На мысль пришелъ онъ мнѣ... Покличь гонца!
Дары принеся онъ, вѣрно, дорогіе?

КОСТРИНЪ.

Панъ Графъ всегда слылъ щедрымъ... и всегда,
Какъ солнце, разсыпалъ живые блески.

БАЛЛАДИНА.

Хотѣла бъ знать я, въ чемъ та будетъ ласка,
Покличь гонца—покличь его скорѣй!

(Костринъ уходитъ).

Когда бы тѣ дары, когда бъ не мысли
Смущенныя!—Зачѣмъ Кострина было
О старцѣ этомъ спрашивать?

(Входитъ Костринъ и Гралонъ).

ГРАЛОНЪ.

Киркоръ,

Черезъ меня, Гралона, поздравляетъ.

БАЛЛАДИНА.

Здоровъ онъ?

Гралонъ.

Какъ малина, онъ здоровъ.

Балладина.

Мужъ приказаль такой отвѣтъ дать сладкій?

Гралонъ.

Графъ далъ мнѣ порученье, чтобы этотъ
Я сундучокъ съ печатію червонной
Донесъ до замка, и сказалъ женѣ,
Тебѣ, Графиня, чтобы его печати
Не трогала, и ни замка у крышки,
Пока онъ въ замокъ не вернется самъ.

Балладина.

Пусть я помру, коль только понимаю
Я голосъ человѣка, что пришелъ.
Скажи опять.

Гралонъ.

Сказаль мнѣ графъ Киркоръ...

Балладина.

Я знаю, по окованный сундукъ тотъ,
Что присланъ въ даръ, зачѣмъ онъ мнѣ велѣлъ,
До дня суда велѣлъ хранить замкнутымъ?

Гралонъ.

Панъ молвилъ: Такъ приказываю я...
И больше ничего...

Балладина.

Глупецъ, ты носишь

На шеѣ тѣсно голову свою
Въ желѣзной скорлупѣ, и воробы въ ней
Должны бы гнѣзда вить себѣ, какъ будто
Въ горшкѣ дырявомъ. Кованый сундукъ тотъ
Не трогать? Ха! ха! ха! Въ такомъ подаркѣ
Киркора недовѣрье вижу я,
Не вѣркую любовь. Холопъ, ты подлый!

(Къ Гразону).

Хоть крѣикою ты связью связанъ съ паномъ,
Раскрыть сундукъ тотъ ты бы не посмѣлъ?
Хлысть на спинѣ ты чувствуешь, удары...
А я, супруга, если захочу...
Когда бы только муха мнѣ шепнула...
Когда бы голосъ жаворонка тихій
Мнѣ подшепнулъ: Открой, а Сатана
Огнестыми бѣ отталкивалъ крылами,
Такъ знаешь ты, служитель мерзкій, подлый,
Что воля естъ моя?..

Костринъ.

Графиня...

Балладина.

Ты,

Напомнить мнѣ, быть можетъ, пожелаешь,
Что мужъ имѣеть право? Ну, такъ пусть,
Испробуетъ. Мнѣ что жь... Мой Богъ, когда бы,
Была я, какъ другіе, любопытна,

Тогда... Но присягну, что вы меня
Не знаете. Пуглива я настолько,
Что яблоко, которое въ саду,
Падеть, его съ земли не подниму я.
Коли захочетъ мужъ, такъ буду я
На хлѣбѣ жить и на водѣ, и буду
Всегда веселой, какъ ворона, сидя
Днемъ на чужомъ заборѣ. Но теперь я
Въ какой-то злости. Старый, вотъ тебѣ.

(Къ Гралону).

Возьми червонецъ, и его ты можешь
Пропить, иль проиграть, играя въ кости,
И велѣдъ за паномъ; разскажи ему,
Что съ нетерпѣньемъ жду его, что слезы
По немъ роняю; что златистымъ шелкомъ
Шарфъ для него я вышиваю. Гдѣ же,
Гралонъ, оставилъ пана ты?

Гралонъ.

Надъ Гошломъ,

Въ лѣсу.

Балладина.

Не останавливался онъ
Нигдѣ въ дорогѣ?

Гралонъ.

Въ кельѣ только былъ онъ

Отшельника.

Балладина.

Отшельника... О, Боже!

Скажи... За слово каждое тебѣ я

Горсть золота даю; но знать хочу я
Все... понимаешь? Будешь награжденъ ты
Роскошно, лишь открыто говори.
Хотя-бъ и что ужасное тамъ было,
Все говори.

Гралонъ.

Въ лѣсу, черезъ тропинку
Заросшую, панъ ѣхалъ на конѣ,
А мы гуськомъ всѣ ѣхали за паномъ.
Вдругъ конь подъ паномъ прямо на дыбы,
Какъ бы съ огнетымъ встрѣтясь Сатанюю.
Панъ Графъ съ коня; сказалъ: Въ лѣсу трупъ чую.

Балладина (пораженная).

И слѣзь съ коня... и...

Гралонъ.

Крикнулъ: Всѣ за мною,
И мечъ поднявъ подъ вербу подскочилъ.
На мху тамъ трупъ лежалъ, вѣнокъ изъ гадинъ
Желѣзныхъ на груди его крутился.

Балладина.

О!..

Гралонъ.

Графъ сказалъ: То ворожба для дѣла,
Зачѣмъ мы ѣдемъ... Передъ нами былъ
Убитый туръ.

Балладина (переводя духъ).

Ахъ!

Гралонъ.

Добрая примѣта

Для рыцарей, промовилъ графъ Киркоръ.
Мы крикнули: Ура, и дальше ѣдемъ...

Костринъ.

Трупъ былъ подъ вербой, ты сказала Гралонъ?
И гадины желѣзныя лежали
На бѣломъ лонѣ?

Гралонъ.

Это трупъ былъ тура.

Костринъ.

Лань бѣдненькая!

Гралонъ.

Это былъ самецъ.

Костринъ.

Гдѣ верба наклоняется надъ рѣчкой?
И гдѣ растетъ малина? Такъ?

Гралонъ.

Такъ, пане.

Костринъ.

Недалеко отъ хаты старца?

Гралонъ.

Да...

Костринъ.

И говоришь, что туръ лежалъ рогатый
Подъ вербой надъ ручьемъ?

Грало́нь.

Да.

Костри́нь.

Присягни!

Грало́нь.

Зачѣмъ?

Костри́нь.

Затѣмъ, что, Сатаной клянуся,
Что былъ не туръ тамъ... Защищай желѣзомъ
Обманъ!

(Къ Балладинѣ, вынимая мечъ).

Его убить необходимо.

Необходимо. Балла́дина (въ замѣшательствѣ).

Костри́нь (нападая).

Защищайся!

Грало́нь (защищаясь).

Что—

Что́ это значить?

(Бьются.—Балладина снимаетъ мечъ со стѣны и, заходя
сзади, убиваетъ Гралона).

Балла́дина.

Вотъ тебѣ!

Грало́нь.

О, небо!

Злодѣйство!

(Умираетъ).

Костринъ.

Пани, мы напали разомъ
На старца: знаешь ты, что это значитъ?

Балладина.

О, Боже! Знаю.

Костринъ.

На себя беру я
Всѣхъ тайнъ твоихъ и страховъ половину.

Балладина.

Костринъ, что дѣлать?

Костринъ.

Голову имѣть.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Киркора.—Пирь.—Черезъ окна видно молніи.—Грабецъ, разодѣтый какъ король, сидитъ на первомъ мѣстѣ.—Балладина, Костринъ, шляхта, замковые слуги, Хохликъ и Искорка стоятъ за кресломъ Грабка.

Одинъ изъ шляхты.

Здоровье короля!

ГРАБЕЦЪ (къ Хохлику).

Благодари,

Министръ.

ХОХЛИКЪ (со смѣшнымъ жестомъ).

Король изволилъ

Благодарить...

ГРАБЕЦЪ.

Мой шуть, пусть печемейстеръ

Приноситъ дани новья...

ИСКОРКА.

Ужъ въ замкѣ

У поваренка даже и съ полмиски

Нѣтъ ничего, лишь голова осталась
Телячья, недожаренная, здѣсь
На королевской шеѣ.

Грабецъ.

Тамъ на мызѣ
Я видѣлъ, проходили два павлина,
Изжарить и подать сюда на столъ,
Я подожду.

Костринъ.

Предъ яснымъ королемъ
Поставьте, слуги, въ видѣ лучшей дани,
Червонцами наполненный подносъ.

Грабецъ (беря съ подноса червонцы, раздастъ Хохлику, Искоркѣ, и потомъ самъ наполняетъ свой карманъ).

Министръ, за годъ услугъ впередъ плачу,
Не трепещи такъ подданныхъ; шутъ милый,
Тебѣ за сотню шутокъ золотой;
Устрой намъ баню смѣха. И себѣ я
За царствованье трудное плачу.
А то—назавтра спрячьте мнѣ на завтракъ.

Балладина.

Честь для меня, что гость такой достойный
Мой замокъ навѣститъ благоволилъ.
Вина, паны.

(Къ Кострину, который сжимаетъ ея руку, говорить тихо).

Сиди спокойно, хлопче.

Молю. Глядеть, увидять, пропадемъ.

(Къ другимъ).

Прошу васъ, пейте. Пане Хрущъ съ Омелы,
Прошу.— Чего панъ Графъ сидить нѣмой?
Прошу найти веселую бесѣду.

Первый изъ шляхты.

Мы о гербахъ.

Грабецъ.

Въ моемъ сидитъ король,
Златыя туфли, голова, корона.

Первый изъ шляхты.

Въ моемъ двѣ хворостины.

Второй изъ шляхты.

А въ моемъ

Поль-уля.

Первый изъ шляхты.

А въ твоємъ, графиня?

Балладина.

Я?

Костринъ.

Вѣдь ты-жь была княжною Трапезонда,
О, пани!

Голосъ вдовы за сценой.
О, пустите!

БАЛЛАДИНА.
Спрятаться куда мнѣ?

ВДОВА (врывается, пробиваясь
черезъ слугъ, и стано-
вится посреди залы,—
клапаясь съ присѣдань-
емъ, въ замѣшательствѣ).

Вамъ кланяюся, рыцари мои.
Ахъ, дочка, обо мнѣ ты позабыла!
Нехорошо.

БАЛЛАДИНА.
Что бабѣ этой сниться?
Откуда эта старая?

ВДОВА.
Вы всѣ,
Что молоды, гуляете? Отлично.
Но нужно и о матери подумать...
А то, какъ въ клѣтку заперли меня...
Старуха ждетъ и ждетъ и ждетъ. Хотя бы
Кусочекъ хлѣба мнѣ прислала ты.
А то вѣдь, дочка, голодно! Хоть каплю
Мнѣ дайте молочка, вѣдь маниа съ неба
Не свалится на землю для старушки.

БАЛЛАДИНА.
Что это значить? Помѣшалась въ мысляхъ.

Вдова.

А дай-ка, дочка, золотую кружку,
Пить хочет мать.

Балладина.

Зачѣмъ сюда впустили

Ту старую?

Костринъ.

Взять, вывести ее!

Иди же съ Богомъ!—Мой король, лишилась
Она разсудка.

Вдова.

А скажи родимой:

Родная, мать,—а то нельзя же такъ:
Все старая да старая...

Балладина.

Возьмите

Ее отсюда! Выпроводить вонъ!

Грабецъ.

Ха! ха! ха! ха! Вотъ маскарадъ холопскій!
Оставьте вы ее и дайте ѣсть
За столъ.

Вдова.

Вотъ это добрый панъ, онъ добрый.
Дать лавку мнѣ, пусть сяду. Да, такъ нужно,
Мой храбрый рыцарь, нужно мать-старуху
Почтить... А то что? Выпряду я что-ли
Изъ паутины платье? То вина

Хохлаточки, дочурки, Балладины,
Что я въ лохмотьяхъ, пусть и не хочу.
Пусть изъ господъ никто и не дивится,
Что вотъ—

(показывая на платье)

не злато, лоскутки всего,
Со старыхъ плечъ на землю упадаютъ;
Прошу, простите дочери моей...

БАЛЛАДИНА.

Адъ! Какъ впустили бѣшеную эту?
Какъ нищенка вошла сюда въ покои
Златые? Я тебя совѣмъ не знаю...

ВДОВА.

О, ангелы святые! Ты не знаешь?
Ты матери, ты матери не знаешь?

ГРАВЕЦЪ.

Ха! ха! ха! ха! Такая вотъ бесѣда
Какъ разъ для королевскихъ здѣсь ушей.

ВДОВА.

Дочь, повтори смѣлѣ, ты не знаешь,
Ты собственную мать свою не знаешь?

БАЛЛАДИНА.

Вы знаете ее, паны? Скажите,
Откуда эта вѣдьма?

ВДОВА.

Ахъ, свѣтите,
Вы, звѣзды неба, вы свѣтите мнѣ!—

Вы, рыцари, свидѣтелями будьте,
Коль кто изъ васъ отецъ... Колдунья ты!
Ужасная! Ты дочь? Тебя не знаю!

БАЛЛАДИНА (къ Кострику).

Пусть за ворота выгонять ее.
Чрезмѣрно громко лаетъ.

ВДОВА.

Породила

Я изъ себя свой гробъ. О, Боже, Боже!
(Служители, по знаку, данному Костриномъ, хватаютъ вдову
за руки).

Пустите! Дочь... Подумай только... дочь...
О, дочь! подумай... на дворъ темно вѣдь,
И дождь идетъ, и молнія подъ тучей
Того лишь ждеть, чтобъ пасть на сѣдину,
Смотри въ окно... громъ не повѣритъ, если
Одну въ грозу меня увидитъ тамъ,
Я не убійца, чтобъ скитаться ночью...

(Ее вытаскиваютъ по гнѣвному знаку Балладины).

Я тучу попрошу, пусть въ замокъ громомъ
Ударить. Не тащите, я пойду
Сама... Теперь мнѣ цѣлый мѣръ пустыня.

БАЛЛАДИНА.

Кусокъ ей хлѣба дайте.

ВДОВА.

О, чтобъ хлѣбъ твой
Сталъ въ горлѣ у тебя, и задавилъ!

Не дергайте, и такъ уже все платье
Разорвано... И рубищемъ моимъ
Свистящій вѣтеръ будетъ забавляться.
О, это чорта дочь! Нѣтъ, не моя!

(Выходить, выпроваживаемая слугами).

БАЛЛАДИНА (послѣ долгаго мол-
чанія).

Что жъ пасмурны вы такъ? Къ концу пирושки
Щебечутъ люди все, что ни придется.
А вы молчите, точно сидя въ замкѣ
У страшнаго злодѣя.

(Слышенъ конскій топотъ).

Что за топотъ?

СЛУГА.

Гонецъ отъ Графа прибылъ.

БАЛЛАДИНА.

Пусть войдетъ.

(Входитъ гонецъ).

Какія вѣсти ты привезъ отъ мужа?

ГОНЕЦЪ.

Панъ Графъ шлетъ поздравленье...

БАЛЛАДИНА.

А когда же

Вернется?

ГОНЕЦЪ.

Буря въ лѣсѣ задержала,
Недалеко отсюда. Испугавшись

Огней и грома, кони увязали
Въ болотахъ; сосны гнулись какъ лоза,
Съ ужаснымъ гуломъ. Было невозможно
Добраться черезъ ту грозу до замка,
И въ кельѣ у отшельника панъ Графъ
Переживаетъ, чтобъ утихла буря.

Балладина.

Что жъ новаго вы съ паномъ увидали?

Гонецъ.

Панъ Графъ исполнилъ то, что онъ задумалъ.
Едва мы въ Гѣзно вѣхали, какъ вдругъ
Мы встрѣтили, вблизи воротъ червонныхъ,
Вооруженныхъ рыцарей отрядъ;
А во главѣ Понель былъ, вѣхалъ конно.
Конь гордый у него не разъ взметнулся,
И въ воздухѣ желѣзные конята
На мигъ надъ головами повисали
Покорно преклоеннаго народа.
Тутъ вдругъ Киркоръ—и кто бъ подумалъ это—
Самъ-третій, руку вытянулъ, хватаетъ
Узду у королевскаго коня,
Крича: Тиранъ, свершивши три убійства,
Дошелъ до трона ты, иди же въ Адъ!
Такъ молвя, онъ разсѣкъ мечемъ поднятымъ
Забрало коронованное, послѣ
Схватилъ его за пышные одежды,
И трупъ встряхнулъ, и показалъ народу.
Весь онѣмъль народъ; потомъ огромнымъ

Онъ вскрикомъ небо самое ударилъ,
И невозможно было увидетьъ,
Его онъ славить или порицаетъ.
Вдругъ весь народъ къ намъ ринулся волной,
Минута, — и какъ малыя букашки,
Мы въ немъ, онъ залилъ насъ и охватилъ.
Киркоръ держалъ одной рукою тѣло,
Другою мечъ окровавленный свой.
Мы, рыцари, его велѣнье помня,
Своихъ не обнажали мы мечей.
Тутъ токъ народа, какъ волна, что вѣтромъ
Подброшена, внезапно ницъ упалъ
Предъ исполинской постатью Киркора,
И крикнулъ: Да живетъ народный мститель!
Киркоръ король нашъ да живетъ во вѣкъ!

Балладина.

Что говоришь? Киркоръ сталъ королемъ?

Гонецъ.

Прослушать соизволь до окончанья.
Когда народъ его провозгласилъ
Своимъ владыкой, мечъ онъ свой лазурный
О королевскій отиралъ уборъ;
И видно было, что глубоко думалъ,
Какъ выразить достойно мысль свою.
И молвилъ наконецъ: О, Ляхи, рыцарь
Безвѣстный я, владѣть народомъ славнымъ
Я не могу; что я свершилъ, свершилъ я
Не для взнесенья головы моей,

Лишь совершилъ для счастья народа.
Я сотворенъ для жизни деревенской,
Для тихой простоты. Мнѣ слишкомъ тяжко
И званье Графа, и его ступенью
Понизилъ я, въ супружество принявши
Не королеви, просто лишь крестьянку:
Съ моимъ гербомъ, взамѣнъ гербовыхъ знаковъ,
Она кувшинъ малины сочетала:
Она на королеву не похожа,
А также и паны не пожелаютъ
Крестьянскимъ дѣтямъ подданными быть.

Балладина.

Какая ложь! Какая ложь! О, ложь!

Гонецъ.

И продолжалъ Киркорь: Безкоролевые
По краю огласить; а кто здѣсь въ замкѣ
Появится увѣчанный короной,
Правдивою короною Попеловъ,
Въ которой брилліантъ Змѣиный глазъ,
На трехъ лежитъ жемчужинахъ межъ двухъ
Рубиновъ, королемъ тотъ вамъ да будетъ.
Народъ согласнымъ крикомъ мысль одобрилъ,
И ждетъ осиротѣлый, чтобъ явился
Король, наследникъ истинной короны.

Грабецъ (на котораго все гля-
дятъ).

Чего они глазбуютъ какъ грачи?

Шляхта.

Предъ тѣмъ укоронованнымъ склоняясь,
Его мы выбираемъ королемъ.

Грабецъ.

Я королемъ? Когда бы пьянъ я не былъ,
Отъ радости напился бъ я сейчасъ.
Судьба глуна какъ дудка. Я бъ изъ шкуры
Своей немедля вырыгнулъ, когда бы
Не шкурой королевскою была.

Шляхта.

Живи на долги годы!

Грабецъ.

Сотню лѣтъ!

Сто лѣтъ жить буду; шкуру я другую
Надѣлъ какъ змѣй—какъ змѣй, паны, имѣю
Изъ брилліанта око. Я сейчасъ бы
Съ графинею пустился въ плясъ лихой,
Когда бъ мое достоинство—неправда ль—
Не приказало смирно мнѣ сидѣть.
Своимъ я воцаренъ, въ тронъ златистый
Такъ врѣжусь, что отъ трона человѣка
Не оторвутъ. Что тамъ еще за диво?

Балладина (къ Кострину).

Ты слышишь, какъ тамъ бѣсится гроза?
Звонять и стонуть трубы дождевыя.
Я плачущіе слышу голоса
Въ той страшной бурѣ...

Костринъ.

Это крикъ дозорныхъ.

Балладина.

Нѣтъ, голоса иные это, стоны
Изъ міра отошедшихъ. Лей вина мнѣ.
Такъ все спелось, что лучше, можетъ быть,
Повѣситься.

Грабецъ.

Теперь, мы, пообѣдавъ,
Веселую должны найти забаву.
Впустите-ка кухонныхъ медвѣдей,
Что дѣйствуютъ рожномъ,—пускай танцуютъ.

Первый изъ слугъ.

Панъ Графъ ихъ подстрѣлилъ; такъ охромѣли.

Грабецъ (къ Хохлику).

Такъ ты, министръ, бери-ка скипетръ мой
Изъ вербы, и играй на немъ, какъ въ дудку,
А дырки быстро затыкай перстами,
Коль мысль какая новая, что клонить
Ко счастью этихъ подданныхъ грядущихъ,
Изъ головы чрезъ глупыя ворота
Вдругъ вырвется. Веѣ слушайте въ молчаньи.
Играй!

Хохликъ.

А что играть мнѣ, пане?

Грабецъ.

Пальцы

На дырочки клади, тотъ скипетръ сдѣланъ

Изъ собственной моеѣ достойной шкуры,
Онъ вѣдаетъ, что я люблю.

Искорка.

Играй!

Я вторить эхо вызову изъ бора,
Что видѣло все дѣло.

(Хохликъ играетъ на флейтѣ грустную деревенскую пѣсню,
и смѣшанные голоса въ вѣтрѣ начинаютъ пѣть).

Папъвъ.

Обѣихъ любить панъ, и обѣ взяли жбанъ:
Больше кто малинъ сберетъ, панъ женою ту
возьметъ.

Ха! Ха!...

(Пѣснь исчезаетъ какъ эхо).

Балладина.

Что это значить? Кто тамъ пѣлъ и кто
Такую пѣснь окончили смѣхомъ?

Костринъ.

Тесь...

То привидѣнье!

Балладина.

Кто-то напѣвалъ...

(Къ Хохлику).

Прошу, играй.

(Къ Кострину).

А ты, Костринъ, всѣмъ въ лица
Смотри, и если ты устережешь,

Кто эту пѣснь поеть, скажи,—обмысли,
Что будетъ съ человѣкомъ тѣмъ.

(Къ Хохлику).

Волынщикъ,

Балладу деревенскую еще
Съиграй мнѣ, разбуди тѣ звуки эха,
Что въ сводахъ залы виснутъ надо мной.
И факелы пускай горять ясиѣ!

(Хохликъ играетъ).

Папъвъ духовъ.

Съ тобой самъ бѣсъ хорошъ, вложилъ онъ въ
руку ножъ;
Сестра твоя малину рветъ. А ты? А ты? Чья
кровь течетъ
Съ тебя червонно? О!...

(Пѣснь кончается эхами стоновъ).

Костринъ.

Графиня чувствъ лишается. Постой.

Балладина.

Нѣтъ, я жива. Еще... мнѣ пойте. Пойте.
И факелы пускай горять свѣтлѣй!

(Хохликъ играетъ).

Папъвъ духовъ.

На твоей на черной брови, словно капли красной
крови.
Отъ какой бы то причины? отъ малины? вѣдь ка-
лины?

Можетъ... Ха!..

(Пѣснь кончается эхомъ).

Балладина (подастъ рукою знак).

Что жь дальше...

Одинъ изъ пановъ.

Почему въ глазахъ графини

Безуміе такое? Иль простая
Та пѣсенка, которую крестьяне
Во время сѣнокоса напѣвають,
Играя на свирѣли, такъ ее
Бѣдняжечку терзаетъ нестерпимо?

Балладина.

Что жь дальше?

Одинъ изъ пановъ.

Эта женщина съ лицомъ,
Въ которомъ нѣтъ кровинки, спитъ съ глазами
Открытыми... Пускай ее разбудятъ...

Костринъ (къ Балладинѣ).

Разбудятъ... Пани!..

Одинъ изъ пановъ.

Прикажи, пускай

Ее въ постель горячую положить,
Какъ дерево, она окостенѣла.

(Ударяетъ раскатъ грома... Балладина пробуждается).

Балладина.

Со мною что-то было... Что случилось?
Ужасные меня терзали сны.

(Къ Кострину).

Послушай, говорила я во снѣ?
Навѣрно, говорила?

КОСТРИНЪ.

Нѣтъ...

БАЛЛАДИНА.

О, слава
Всевышнему! Но вѣрно вы, когда я
Спала, о чемъ-то громко говорили
Ужасномъ?

(Къ гостямъ).

Пить прошу васъ. Вижу, лучше
За краснами сидѣть мнѣ, чѣмъ предъ кубкомъ.

ГРАБЕЦЪ (пробуждаясь).

Прошу, паны, прощенія.

ПИРУЮЩІЕ.

За что?

ГРАБЕЦЪ.

Прошу прощенья и весьма стыжуся,
Что чуть было я вовсе не заснулъ.

(Пьетъ).

Здоровье пана замка!

ПИРУЮЩІЕ.

За здоровье

Киркора!

ГРАБЕЦЪ.

Онъ почтенный! онъ почтенный!
Взамѣнъ того, чтобъ паномъ быть, онъ хочетъ

Малину вѣть. Велите, чтобъ какой
Лѣсникъ или охотникъ, въ боръ сходявши,
Принесъ малины.

Балладина.

Страшное желанье!

Грабецъ.

Въ лѣсу подь замкомъ, вѣрно, есть малина
Такая, что особенно сладка,
Вкусна, крупна,—коль жбанъ такой малины
Киркоръ имѣть возжаждать, больше, чѣмъ
Плащъ королевскій на себя накинуть.
Скажи, чтобъ стольникъ жбанъ малины подаль
Намъ на закуску.

Балладина.

Посмѣлѣй! Что жь можетъ
Горчайшаго случиться? Отзвукъ эхо
Я слышала въ развалинахъ гробовыхъ,—
Посмотримъ, возмущенные гроба
Возмогутъ ли, сверхъ словъ, извергнуть что-то.
Малины! Дайте намъ сюда малины!
(Показывается бѣлая тѣнь Лины съ кувшинчикомъ малины
на головѣ).

Тебя давно я чуяла, весь воздухъ
Тобой былъ полонъ, а теперь я вижу.
Какъ искрятся глаза твой, горять.
О, бѣлая, тебя я не боюсь!
Ты видишь; но ко мнѣ не подходи.

Одинъ изъ шляхты.

О чемъ ея слова?

Балладина.

Коли со мною

Ты хочешь говорить, такъ черезъ столъ.
Пусть кто-нибудь мнѣ руку дастъ, боюсь я.

Одинъ изъ шляхты.

Вы слышите, какъ зубъ у ней о зубъ
Отъ ужаса звенить?

Балладина.

Иди, иди,

Погибшая, и отнеси тотъ жбанчикъ
Туда, откуда вынесла его,
Въ немъ движется—то, что въ гробахъ бываетъ.
Быть можетъ, тѣнь того, кто былъ повѣшенъ
На башнѣ замка, много лѣтъ назадъ,
Упала внизъ и встала въ этой залѣ,
И на ногахъ стоитъ не отдыхая.
Прочь, бѣлое видѣнне убитой!

(Тѣнь исчезаетъ).

Первый изъ шляхты.

Вы слышите, какъ здѣсь малиной пахнетъ?

Второй изъ шляхты.

Весь воздухъ полоиъ запаха малинъ!
Вездѣ кругомъ малина.

БАЛЛАДИНА (падая).

Умираю!

КОСТРИНЬ.

Воды, воды! Я платье разорву ей.
Сюда на грудь! Пускай войдутъ служанки.

(Входятъ женщины).

Взять пани, унести ее отсюда!

(Балладину выносить).

Встать отъ стола, прошу васъ, соизвольте,

Ужь погасаютъ факелы. И столъ

Запятнанный исполненъ отвращенья,

Объѣдками говядины и хлѣба.

Или хотите вы швырять другъ въ друга

Обглоданныя кости! Я прошу васъ

Во внутреннія комнаты. Столы

Всѣ вынести; предъ королемъ идите

И факелы несите передъ нимъ;

Пуховая ему постель готова

Здѣсь въ башнѣ боковой. На утро замокъ

Развеселится, и опять все глянеть—

Какъ было и вчера; на нынче жь будетъ.

Паны, ужь спать пора! Прошу васъ, бросьте

Бокалы!—Ляховъ отогнать отъ яства

И отъ напитковъ очень-очень трудно.

Подъ музыку пьоты, какъ пивки,

Надъ жбаномъ нависаютъ, и сосутъ.

(Во время этой рѣчи выносить столы.—Грабець выходить, сопровождаемый слугами съ факелами, за нимъ всѣ соучастники пиршества, и Костринь выходить послѣднимъ).

СЦЕНА 2-я.

Здѣсь передъ кельей отшельника.—Бура дѣится.—Отшельникъ
и Киркоръ.

КИРКОРЪ.

Укройся въ келью, старче, а не то
Твои сѣдые волосы своруетъ
Гроза. Событья крадутъ какъ и люди...
Воръ плащъ сорветъ, нужда рубаху сниметъ.
На все потребно отвѣчать рукой
Вооруженной. Но грустишь ты рано,
Тебѣ я присягаю, что погибну
Иль отыщу корону, что пропала.
Вотъ, хоть и близко домъ мой, и хоть могъ бы
Я тысячу взять на устахъ жены
Счастливыхъ поцѣлуевъ, и наниться
Какъ иташка, въ чашѣ розовой, клюя
Росинки,—я хочу отъ наслажденья
На время отказаться, и до Гнѣзна
Домчавшись ночью, людъ собрать, и всѣхъ
Оповѣстить, что ты, наслѣдникъ правый,
Отъ кражи отъ безчестной пострадалъ.
Потомъ велю, по городу и краю,
Я огласить, чрезъ голосъ трубачей,
Что, если кто придетъ, увѣнчанъ вѣрной
Короною Попеловъ, притязая
На тронъ законный Лиховъ, я ему
Въ лицо бросаю зовъ, что онъ обманщикъ;
Ему на лбу я выпишу мечомъ
Заслуженное слово: *Воръ*. Молись же,

О, старче, чтобъ въ бою я побѣдилъ,
И жди меня, чтобъ я къ тебѣ вернулся.

Отшельникъ.

Да ниспошлетъ тебѣ благословенье
Господь!

Киркоръ (хлопаетъ въ ладоши,
входитъ солдатъ).

Всѣ на коней! Намъ пужно въ Гибзно,
И спѣшно!

(Рыцарь уходитъ).

Отшельникъ.

Слушай, дамъ тебѣ совѣтъ я,
Вернись въ свой замокъ, отдохни, а послѣ,
Размысливъ, самъ рѣши, что предпринять.

Киркоръ.

Я, старче, знаешь, человекъ лѣнивый,
Всю барщину хочу отбыть сегодня;
А цѣликомъ отбывши, жить счастливымъ
Съ своей женою милой. Всю отчизну
Сложу тебѣ на плечи; а когда
Вещами и людьми ты будешь двигать,
Спокойный въ замкѣ я замкнусь своимъ.
Лишь былъ бы у меня свой садъ плодовой,
Да малаго бѣ мальченку я качалъ,
Родимое дитя, о томъ молюсь я.
А ты съ престола въ хату каждый годъ
Письмо писать мнѣ будешь. Пусть, какъ съ неба,

Ко мнѣ, разъ въ годъ, примчится голубь бѣлый,
Что принесетъ подъ крылышками повѣсть,
Исполненную тѣхъ величій громкихъ,
Что будятъ смѣхъ, и сонъ даютъ спокойный
Подъ линами... Завидовать мнѣ будетъ
Король, затѣмъ что у меня жена,
Ребенокъ, липы, холодокъ привѣтный,
И сны подъ линой, и златистый медь.
Прощай! Прощай! Предъ тѣмъ какъ вспыхнетъ
солнце,

Въ столицѣ буду. На коней! Гопь! гопь!

(Киркоръ уходитъ.—Слышенъ топотъ удаляющихся).

ОТШЕЛЬНИКЪ (одинъ).

О, Боже, Боже! Пусть вернется въ Гнѣзно
Скорѣе, чѣмъ прижать къ своей груди
Кровавую жену свою. О, если бѣ,
Ты никогда не зналъ, Киркоръ, какая
Мать будетъ у дѣтей твоихъ! Когда бы
Какъ первую награду Богъ тебѣ
Послалъ вдовство скорѣе, чѣмъ отцовство!

(Слышенъ голосъ вдовы).

ВДОВА (за сценой).

О, бѣдная я, бѣдная!

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Какой тамъ
Печальный голосъ, полный горькихъ слезъ?

Вдова (за сценой).

О, бѣдная я, бѣдная!

(Вдова входитъ какъ слѣпая, ища дороги рукой).

Отшельникъ.

Идетъ

Какая-то тамъ женщина слѣпая,
Какъ будто бы лоскутъ, и въ лоскутъ;
Совсѣмъ одна.

(Бъ вдовѣ).

Откуда, мать, идешь ты?

Вдова.

Мать говоришь? Нѣтъ, нѣтъ! О, ради Бога,
Дурная дочь, меня такъ не зови.
Собачья мать!

Отшельникъ.

Откуда ты, бѣдняга?

Вдова.

Я не бѣдняга... Я сѣда, сѣда,
Какъ голубочекъ бѣлый, я сѣдая.—
Не знаешь, что случилось? Дочь моя,
Графиня, пани важная, а я
Подъ вѣтромъ, съ головой такою бѣлой,
Перунамъ говорю: Въ меня, въ меня!
И слушать не хотятъ... А въ замкѣ панскомъ
Пьянчужки собрались, и пьютъ себѣ,
Другъ друга поздравляютъ, потому что
Пьетъ дочь моя, что важная есть пани...

Ты разумеешь?... Замокъ тамъ и башни...
Графиня...

Отшельникъ.

Какъ зовется дочь твоя?

Вдова.

Зовется дочь. Но только я не вѣрю,
Чтобъ очи въ головѣ она имѣла,
Что плачутъ, очи.—Въ эту непогоду!
Въ такіе громы-молніи, на дождь,
Родную выгнать мать! Ее кормила,
Надъ ней свои я груди изсушила,
Отъ старости суха, и волосъ бѣлый,
Какъ что-то, что святое!

Отшельникъ.

Заходи

Въ мой малый домикъ, ты совсѣмъ издрогла.

Вдова.

И замокъ цѣлый ей принадлежитъ,
Огромный замокъ, словно бы полміра...
Графиня, видишь...

Отшельникъ.

Ну, иди сюда.

Вдова.

Здѣсь буду ждать,—что, знаетъ дочь моя,
Гдѣ домикъ твой? Кто знаетъ, вѣдь быть можетъ,
Какъ песь залааетъ на какой доскутъ,

Она вотъ тутъ о матери и вспомнить,
Велить меня искать по бѣлу свѣту...
Быть можетъ. Богъ вѣдь знаетъ милосердье?

Отшельникъ.

Иди, ночь бури въ хатѣ переплачешь,
Когда жъ на небѣ заблеститъ зари,
Я къ королю тебя сведу, немедля,
Ему ты въ ноги бросишься, и будешь
О милости просить.

Вдова.

Скажу ему...

Я мать-бѣдняга... Въ ноги тотчасъ брошусь...

(Становится на колѣни).

Король! панъ золотой! скажи ты дочкѣ,
Которая въ обильи золотомъ,
Вели ей, чтобъ она меня любила.

(Встаеъ).

Король съ престола встанетъ и проводить
Меня до сердца дочери. О! о!

(Плачетъ).

Ты знаешь, я наплечникъ свой сняла,
Шнурокъ его вокругъ шеи обмотала,
Повѣсилася на соснѣ скрипящей,
А дерево сломилось...
Глуна, слѣпа, гнилой сучекъ избрала,
Гнилая вѣтка, злая дочь сосны.
О, гадина, надъ матерью-вдовою
Не скалилась! А я бы крошкой хлѣба

Жила въ твоихъ палатахъ. Пусть твоя
Рука, крупной въ травѣ кормя голубокъ,
Не отгоняла бь только и родимой
Отъ зернышекъ. — Въ лѣсъ выгнать! Въ бурю
выгнать!

Мать вытолкать!.. Упала въ лужу я,
И громъ червонный съѣлъ въ рѣсницахъ очи,
Ихъ выгрызъ до конца...

Отшельникъ.

Ослѣпла ты?

Вдова.

Мозгъ въ страхахъ мрака, точить тьма его.
Еще въ послѣдній вечеръ столько свѣта
Имѣла я, что тамъ могла за лѣсомъ
Такъ ясно различить, гдѣ солнце свѣтитъ,
Гдѣ мѣсяць, а теперь...

(Блескъ молніи).

Отшельникъ.

Теперь и свѣтъ
Той молніи не свѣтитъ?

Вдова.

Взоръ людей
Устережетъ ли отъ руки Господней?
И что мнѣ въ томъ, что затемненъ мой взоръ?
А знаешь, знаешь ты, теперь я вѣрю,
Во что я вѣрить раньше не могла,
Что ласточки, что птички, ежегодно,

Предъ тѣмъ какъ улетаютъ за моря,
Своихъ ослабшихъ матокъ удушаютъ.
Такъ, такъ, такъ... Люди правду говорятъ.
Какъ по міру пойду за коркой хлѣба,
Я пѣсенку грошовую сложу,
О ласточкахъ, о черныхъ, о касаткахъ,
Что душатъ матерей... Прошу покорно.
Безжалостность такая въ малыхъ пташкахъ.
Мать старую, голодную, швырнуть
На всѣ четыре вѣтра, пусть терзаютъ
За волосы сѣдые.

Отшельникъ.

Въ этомъ мірѣ

И тысячи почтенныхъ упадаютъ
Какъ жертва злыхъ. Когда бъ тебя я взялъ
Въ свидѣтели несчастій?

Вдова.

Мать и ты?

Ты тоже мать? Такъ не пойду съ тобою,
Не то мы будемъ ссориться и спорить,
Кто лучше называется, моя ли,
Твоя ли дочь... Моя... Ахъ, коль изъ гроба
Меня ты вызывалъ бы, восклицай
Яснѣ: Балладина. Ну, пойду,
Теперь пойду, ручей найду, и буду
Какъ воробей въ немъ пить, все задирая
До пана Бога голову: Спасибо.
Дать мнѣ воды.

(Пацѣваетъ, бормоча).

Была одна у старой
Коровка, хата, садъ,
Двѣ дочери...

(Уходить въ лѣсъ).

Отшельникъ.

По всей странѣ ту мать искать велю я,
И страшный судъ осудить дочь ея.

(Уходить въ келью).

СЦЕНА 3-я.

Ночь. — Блескъ молній. — Зала безъ освѣщенія въ замкѣ
Киркора, Искорка и Хохликъ выходятъ изъ дверей, черезъ
которыя послѣ пира проводили Грабка.

Искорка.

Нашъ панъ уснулъ на башнѣ,
Глубоко спить; лечу я,
Предъ тѣмъ какъ буя стихнетъ,
Купаться въ блескъ молній.

Хохликъ.

А я лечу въ конюшню,
Охотиться въ конюшнѣ,
Гдѣ нѣтъ сороки мертвой,
Прибитой у воротъ.
Ты знаешь, одноглазый
На башнѣ сычъ есть сѣрый,
Просилъ меня на пиръ онъ,
Я долженъ посѣшить,

А то, коль возгнушаюсь
Заклеванною мышью,
Обиженъ будетъ филинъ,
Посмотритъ криво онъ.

Искорка.

Мать анета сѣдую
Лечу я накормить;
Глуха на право ухо,
Притомъ же и слѣпа;
Вчера я снасъ бѣднягу
Отъ хлопскаго цѣпа.
Нельзя мнѣ больше медлить,
А то въ такую ночь,
Быть можетъ, такъ ей страшно,
Что духъ изъ старой прочь.

Хохликъ.

Что тамъ за стукъ?

Искорка.

То бури

Всѣ двери заперла.

Хохликъ.

Тсе... Чу, подходитъ кто-то...

Искорка.

Вся въ бѣломъ... тѣнь пришла...
Лечу черезъ окошко...

(Вылетаетъ черезъ окно).

Хохликъ.

За нимъ. Скорѣй, за нимъ.
Туда, гдѣ кони замка,
Тамъ травлю учинимъ.
(Вылетаетъ).

СЦЕНА 4-я.

Та же самая зала.—Балладина, одна, входитъ въ ночномъ
уборѣ, съ ножомъ въ рукѣ.

Балладина.

Спать не могла, ножъ близъ меня лежалъ,
Взяла. Въ рубахѣ—стыдъ. Какъ увидать бы
Тебя съ ножомъ въ рубахѣ кто-нибудь?
Какъ здѣсь темно!..

(Идетъ къ башнѣ).

Тее!.. Что за шорохъ тутъ?

Ворвался вѣтеръ, и свѣча потухла...
То привидѣнье... ничего не слышно...
Весь замокъ спитъ глубоко... Но коль спитъ онъ,
Тотъ человекъ, съ открытыми глазами,—
То что, то что? Коль ниче не свершу,
Жалеть я буду завтра, мнѣ известно,
Жалеть я буду завтра. Дверь за мною
Отъ вѣтра затворилась, мнѣ жъ казалось,
Что темный духъ дверь замыкалъ за мной;
И въ сторону я ту не посмотрѣла,
Ужасное боясь тамъ увидать.

(Оглядывается).

Вѣдь видишь, ничего нѣтъ, ничего нѣтъ.
Лишь темный воздухъ; никакихъ нѣтъ духовъ.

(Блескъ молній).

Да хвалить Бога всякій духъ. Какая
То молнія червонная была!
Я бѣлыми всѣ стѣны увидала...
Тсс... Ничего не слышно... Поспѣши...
Но ежели то зарево отъ молній
Падеть мнѣ на лицо, когда я буду
Стоять надъ нимъ съ ножомъ,—ну, что жъ тогда?
Огонь покажетъ мѣсто, гдѣ ударить.—
О, молніи, день красный сотворите
На лонѣ ночи; моего дѣянья
Вы будьте солнцемъ искристымъ.—Иду.

(Выходить на башню).

СЦЕНА 5-я.

Та же самая зала.—Костринъ, входитъ вооруженный, съ
обнаженнымъ мечемъ.

Костринъ.

Открыты двери. Проводи жъ, фортуна,
Меня туда, и помоги съ золотого
Тельца руно мнѣ срѣзать, какъ Язонъ,
И присягну, хоть висѣльника сынъ я,
Взойду на тронъ какъ княжичъ; нынче я
Служитель худшихъ, завтра же владыка
Надъ тысячами лучшихъ предо мной...
Тссъ. Это сычъ на башнѣ замка, филинъ.

Готово все. На лѣстницу взойдемъ...
Вотъ пукъ ключей отъ замка, и ворота
Раскрыты будутъ. Обовью подковы
Коню, и съ той короной въ темной ночи
Какъ чернѣйшій духъ исчезну; и съ женою
Прелюбодѣйной—конченъ счетъ навѣкъ.
Веди же, Сатана!

(Хочетъ идти на башню, и въ дверяхъ наталкивается на
возвращающуюся Балладину).

Кто тутъ?

(Отступаетъ въ страхъ).

Балладина.

Я!

Костринъ.

Ты...

Одна и въ темнотѣ... что это значить?
Я слышалъ стоишь какой-то, шелъ спасать.

Балладина.

Пусть свѣтъ увижу; принеси мнѣ свѣта,
Какъ, вѣрно, я чудовищно красна.
Покончила... Кого спасать хотѣлъ ты?
Сдается мнѣ, что кончилась гроза,
Сверкать устала.—Такъ и ты услышалъ
Тотъ стоишь ужасный?.. Было слышно здѣсь?
То дивно. Какъ дышать переставалъ онъ,
Вдругъ разъ вздохнулъ... Костринъ, иди за
Внизъ, внизъ! свѣтомъ,
(Костринъ выходитъ).

Какъ дивно пахну кровью я!..
Свершилось, сталося; и теперь напрасно
Жалѣть о томъ. Свершилося... пройдетъ.
Когда-нибудь все трупами мы будемъ...
Свѣчу... мой замокъ весь за свѣтъ свѣчи!

(Костринъ входитъ безъ свѣта).

Костринъ.

Въ кирпичной нашей крѣпости все спитъ,
Погасли даже факелы, что тлѣли
При входѣ въ замокъ. Разбудить прислугу?

Балладина.

Нѣтъ, не буди... не надо... никого.
По локоть я должно быть загрязнилась.
И пахну страннымъ запахомъ.

Костринъ.

Корону

Взяла?

Балладина.

Нѣтъ... стой. Здѣсь жди. Пойду за нею,
Я не боюсь... Я знаю, гдѣ постель.

(Балладина уходитъ на башню).

Костринъ.

Какая храбрость страшная. Почти я,
Готовъ тебя благодарить, о, Боже,
Что крадетъ у меня она тотъ ужасъ
Дьянія... Хотѣлъ бы лобъ ея
Узрѣть,—какой блѣднѣетъ львица краской.

(Балладина возвращается безъ короны).

БАЛЛАДИНА.

Ощупывала столь во тьмѣ напрасно,
На немъ черты холоднаго лица.
Быть можетъ, то не столь былъ...

КОСТРИНЪ.

А я пойду искать... Стой на стражѣ,

БАЛЛАДИНА.

Стой, не ходи...

Я, впрочемъ, не боюсь... И не жалѣю...

(Костринъ уходитъ на башню).

Я знаю, что у Ляховъ постоянно
За часомъ сожалѣнье наступаетъ,
И голова кружится, сонъ отравленъ.
Сейчасъ, быть можетъ, бродитъ красный трупъ
Передъ очами спящихъ, и въ дремотѣ
Прощаются они съ безгласной тѣнью,
И знаменіе крестное творять.
Спускается по лѣстницѣ... все ближе...
О, какъ скрипятъ тѣ старыя ступени...

(Къ Кострину, который входитъ съ короной).

Нашель?... Ты что-то тамъ въ рукѣ сжимаешь?

КОСТРИНЪ (пасмурно).

Да.

БАЛЛАДИНА.

Дай!... Нѣтъ, нѣтъ, ко мнѣ не приближайся,
Не то я людямъ закричу: Спасите!...
Стой тамъ!...

Костринъ.

Что это значитъ? Говоришь ты
Въ безпамятствѣ.

Балладина.

Стой тамъ! не то я крикну,
Проснется замокъ... Стой вдали, пока
Та мысль въ тебѣ не кончится, не минеть.
Здѣсь въ воздухѣ она... ее я чую...
Костринъ, вѣдь ты меня хотѣлъ убить,
И сердце у тебя такъ громко билось,
Какъ у меня, когда я убиваю.

Костринъ.

Коль мыслилъ такъ, навѣкъ я проклиная
Тотъ уголь мозга, гдѣ сейчасъ родилось
Такое сумасшедшее дитя.

Балладина.

Пойдемъ въ покой; въ горницахъ тихонько
Договоримся, что намъ дѣлать завтра.
(Немного разсвѣтаетъ).

Костринъ.

Киркоръ, какъ донесли мнѣ часовые,
Вернулся въ Гибзно, и грозилъ желѣзомъ
Тому, кто говорить о тронѣ сталъ бы
Съ короной.

Балладина.

Ничего не значитъ это.
Людей имѣть я буду, и мечи;

И за меня вся эта толща встанеть
Людей, которыхъ я кормлю здѣсь въ замкѣ.
Киркорь не обезсилить дождь златой.
Тсс!

Костринъ.

На дворъ—то воробыи щебечуть.

Балладина.

Какъ, уже день? О, Боже! Свѣтъ такъ бѣлъ.
Я млѣю, обмираю, дурно мнѣ.

Костринъ.

Иди, просни тотъ сѣрый часъ разсвѣта,
А солнце встанеть, разбужу тебя.
Средь рыцарей вооруженныхъ встанешь.
Ужь какъ никакъ, а войско мы склеимъ.
Дай ключъ мнѣ отъ сокровищницы, смѣрю
Я гарцемъ злато, кунимъ златомъ все.

Балладина.

Покончи и со старцемъ тѣмъ, что въ кельѣ,
И тайну будемъ знать лишь двое мы.

Костринъ.

Пѣть, трое, вѣдь беременная ты.

Балладина.

Какъ, и ребенокъ, что ношу въ утробѣ,
Онъ тоже будетъ знать? Поди ты. Тайна
Такая—въ нерожденномъ существѣ.

Смѣешься надо мной? Когда бъ такъ было,
Какъ говоришь! Да развѣ я шальная,
Чтобы родить живого? Нѣтъ не будетъ
Ребенокъ жить, и ничего не знаетъ.

Костринъ.

Пусть львица ляжетъ спать, проспится свѣжей
Для дѣлъ грядущихъ въ рыцарскомъ заборѣ.

(Выходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Раннее утро на лѣсной дужайкѣ.—Искорка и Хохликъ.

И С К О Р К А .

Какъ свѣжо за бурей, утромъ.
Былъ у аиста я въ домъ,
Напитался.

Х О Х Л И К Ъ .

Я же въ замкѣ
Былъ на башнѣ у сына.
Гдѣ же пани, гдѣ Гоплана?

И С К О Р К А .

Полечу опять я полемъ,
Полечу я лугомъ, боромъ,
И цвѣточки подниму;
Расчешу на грядкахъ жито,
И надъ озеромъ замедлю,
Покричу: Мой лебедь, лебедь.

Пара бѣлыхъ лебедей,
Два любимчика Гопланы,
Вдоль по скатерти лазурной,
Приплывутъ ко мнѣ качаясь,
Бросивъ аиръ, заскользятъ;
Горсть златыхъ я зеренъ брошу
Этимъ птицамъ, тѣмъ свѣжистымъ,
И въ орѣшину укроюсь,
Тамъ гдѣ лани листья рвутъ,
Мостикъ радуги повѣшу,
Цвѣтикъ розы разутѣшу,
И все дальше я, все дальше
На кузнечикѣ помчусь.
(Приплываетъ туманъ утренней мглы, освѣщенный радугой;
изъ подъ цвѣтныхъ вратъ выходитъ Гоплана).

ГОПЛАНА.

Обнимите меня, ангелочки,
Исчезаетъ Гоплана отъ васъ,
Навсегда. О, фіалки-цвѣточки,
Веселитесь свой часъ.

ИСКОРКА.

Что ты поешь?

ГОПЛАНА.

О, горе мнѣ, о, горе!
Я пѣсенку прощальную пою.

ИСКОРКА.

Еще камышъ растетъ на озерномъ просторѣ,
Отъ ласточекъ не гнетъ тростиночку свою.

ГОПЛАНА.

Я полечу въ ужаеную краину,
Гдѣ боръ сосновый синь и старъ,
Гдѣ солнце свѣтитъ какъ пожаръ,
А мѣсяць, выходя въ небесную долину,
Глядитъ какъ бы одно изъ лицъ,
Что возникаютъ изъ гробницъ.
И ангель каръ за мной помчится,
Крича въ душѣ: *Скажи: что, снится
Край розъ тебѣ? Каины свѣтлый край?*
Здоровы будьте. Искорка, прощай.
Прощай, мой Хохликъ. Я дѣла людскія
Такъ спутала, что метитель-Богъ скорѣй
Взять долженъ громъ, и тучи грозовыя
Обрушить на вину людей.

ИСКОРКА.

Тебя не отпустимъ, Гоплана.
Гоплана! Гоплана! Постои!

ГОПЛАНА.

Я изгнана въ область тумана,
Я въ край ухожу снѣговой.
Когда-нибудь птичка чужая
Вамъ грустно споетъ обо мнѣ,
На Сѣверь снѣшу, улетаю,
Лечу по моей же вниѣ.

ХОХЛИКЪ.

Въ дорогѣ тебѣ посвѣчу я,
Какъ свѣтитъ свѣтящійся жукъ,

Смотри, предъ тобой ужь лечу я,
Съ фонарикомъ твой я гайдукъ.

Гоплана.

Сегодня продольнымъ отрядомъ
На Сѣверъ летять журавли,
Я къ нимъ прицѣплюсь, буду рядомъ,
И съ ними исчезну вдали.
Такъ дѣвушки въ водномъ просторѣ
Свой бѣдненькій топятъ вѣнокъ.

Искорка.

О, горе намъ! Горе намъ! Горе!

Гоплана.

Не плачьте. Напрасенъ упрекъ.

(Показываетъ въ глубь лѣса).

Тамъ шарфъ журавлей ниспадаетъ
На дугъ, что блистаетъ росой;
Когда онъ опять замелькаетъ,
За шарфъ ухватюсъ я рукой,
 въ высь полечу я, блѣднѣя,
Какъ утромъ при солнцѣ луна,
Какъ листъ, что срывается, рѣя,
Какъ листъ, межъ крылатыхъ, одна
Надъ Гнѣзномъ летя, надъ стѣнами,
Я все же замедлю во мглѣ,
И пѣснь запою съ журавлями,
Прощальную пѣсню землѣ.

(Выходитъ, Искорка и Хохликъ летять за ней).

СЦЕНА 2-я.

Валь подь стѣнами Гнѣзна.—Киркорь съ обнаженнымъ мечомъ, съ орлиными крыльями на плечахъ, входитъ, предводительствуя войскомъ,—вѣются хсругви—играють трубы.

КИРКОРЬ (къ рыцарямъ).

Тотъ человекъ, что о коронѣ Ляховъ
Упоминаеть, выйти не хотѣлъ,
Скрывается, какъ гадина какая,
И, золотомъ и лестью обѣщаній
Сторонниковъ себѣ купивши многихъ,
Тотъ подлый... этотъ рыцарь съ невзвѣстнымъ
Девизомъ хочеть тронъ добыть борьбою,
Сраженьемъ, гробъ мой выбравши себѣ
Какъ первую ступень до королевства.
Изъ рыцарей ужъ многіе (пусть Богъ
Насъ сохранить отъ слѣпоты подобной
И безразсудства) многіе къ шатрамъ
Обманщика ушли, но Богъ взираеть
Въ сердца людей съ небесъ; намъ непотребны
Измѣнники продажныя. И скоро
Попель прибудеть, въ лѣсъ за нимъ послалъ я
Трехъ рыцарей, мы съ клекотомъ орлинымъ
На лагерь самозванца золотой
Обрушимся.

(Къ рыцарямъ, стоящимъ на стѣнахъ).

Ворота замыкайте.

Съ оконъ пусть на поле битвы смотреть,
И мѣтко, самострѣлы. Если бъ я

Бой проигралъ, погибъ, такъ еще долго
Валы васъ эти будутъ охранять.
Пусть головы сѣдья вамъ напомнятъ
Въ минуту страха, что стѣна на югѣ
Слабѣе всѣхъ, тамъ надобно поставить
Стѣну людей. Но, если Богъ позволитъ,
Проснется городъ завтра вовсе вольнымъ
Отъ стаи негодяевъ.

Рыцари.

Побѣдишь,

Киркоръ.

Киркоръ.

Коли Господь пошлетъ побѣду...

Когда-то я сложу свое забрало,
Когда я ворочусь къ моей женѣ!
Когда конецъ увижу всѣмъ кровавымъ
Разбоямъ и борьбѣ за королевство!

Одинъ изъ рыцарей.

Гонецъ.

(Входитъ гонецъ, покрытый пылью).

Киркоръ.

Троихъ отправилъ я васъ въ боръ,
И что жъ вы—безъ отшельника Попела?

Гонецъ.

Ужасность!

Киркоръ.

Или въ хатѣ не нашли
Вы старца? говори... Насъ битва ждетъ.

Гонецъ.

Онъ не былъ въ кельѣ, старый человѣкъ тотъ;
Но на скрипящей вѣткѣ передъ хатой
Безгласный, въ петлѣ трупъ его висѣлъ.
Сѣдыми волосами и одеждой
Разорванной лишь вѣтеръ забавлялся,
И словно нянька трупъ баюкалъ тотъ.

Киркоръ.

Трубить по стану къ битвѣ. Такъ хотѣла
Судьба, до смерти горемъ былъ гонимъ,
И былъ убитъ безвѣстною рукою...
Ослабилъ сердце мнѣ разеказомъ этимъ,
Въ бою отважнымъ будь... Такъ говоришь ты,
Висѣлъ онъ?

Гонецъ.

Да, висѣлъ въ своемъ уборѣ
Отшельника, предъ хатой. И ворона
Сидѣла тамъ и каркала на вѣткѣ...

Киркоръ.

Идемте. Пусть хоругви пляшутъ въ вѣтрѣ...
Тѣснѣй ряды. Идемъ. Надежда наша
Въ безстрашии. Пускай начнутъ стрѣлки.

(Выходятъ съ войскомъ).

СЦЕНА 3-я.

Шатеръ Балладыи.—Костринъ и Балладина, въ досиѣхахъ, со шлемами и опущенными забралами, входятъ на сцену.

Костринъ.

Въ шатрѣ останься, и не выходи,
Предчувствую, что вскорѣ все отряды
Киркора бой начнутъ. Внизу стоитъ онъ
Военнымъ станомъ, мы же наверху,
Нашъ лагерь какъ гнѣздо орлицы горной.

Балладина.

Черезъ мигъ предъ Богомъ много встанетъ душъ.

Костринъ.

Гдѣ хлѣбъ молотять, тамъ летитъ мякина
Подъ небо. Стой подальше отъ гумна,
Не расплетай на прялкѣ то, что было
Въ минувшемъ дивно такъ заплетено.

(Входитъ солдатъ).

Солдатъ.

Идутъ на приступъ все ряды Киркора,
Съ ужаснымъ крикомъ.

Костринъ.

Ну, мой королевичъ,
Прощай.

Балладина.

Мы побѣдимъ?

Костричь.

Сиди въ паметѣ,

Не выходи, о, пани, изъ шатра.
И суетность тебя да не выводитъ
Въ златой одеждѣ къ солнечнымъ очамъ
И къ жаламъ стрѣль. Пусть, тихо нагъвая,
Ты будешь королевскій прясть уборъ,
Иль саванъ смерти: то или другое,
Тебѣ къ лицу... Ха! ха! пращой взметнуты,
Свинцовыя сюда летять къ намъ пули.
Взгляни, они кольчаты... Геи, мой вѣрный
Оруженосецъ, гдѣ мое копьё
И щитъ мой?
(Береть щитъ и копьё изъ рукъ оруженосца и выходитъ).

Балладина (одна).

Если ждётъ его побѣда,
Какъ наградить его? Во всей землѣ
Металла столько въ нѣдрахъ не найду я,
Чтобъ горло Нѣмцу этому залить.
А если проиграеть? Проиграеть,
Такъ все минутой кончится ужасной,
Развязкой, словно сказка чаровницы:
Разъ проиграла, въ грудь себя ножомъ
Ударила, а ножъ тотъ былъ отравленъ,
Ядъ гадныи всочился въ остріе.
Гдѣ женщина, которую въ лѣсу я
Увидѣла, похожую на дубъ,
Грозой разбитый... Вѣдьмѣ приказала
Я гнаться вмѣстѣ съ воронами смерти

Вослѣдъ обозу; припрести мнѣ яду,
И этотъ ядъ чтобъ взять былъ у змѣи.

(Входитъ старая женщина въ лохмотьяхъ, поднимая занавѣсъ намета).

Здѣсь?

СТАРАЯ.

Принесла рожокъ я людомора.

БАЛЛАДИНА.

Дай... и бѣги скорѣе въ чашу бора,
Бѣги скорѣе, вѣдьма, говорю;
На комъ-нибудь испробовавши ядъ твой,
Я заплачу тебѣ... Прочь, а иначе
Тебя здѣсь схватятъ рыцари мои,
И славятъ по рѣкѣ.

(Старая женщина убѣгаетъ).

Какая вѣдьма!

Страшилище... На головѣ какъ будто
Висятъ шнурки змѣинаго гнѣзда,
Кровавятся глаза, какъ зубы волчьи,
Обмоченные въ падали лѣсной.
Отравленный тотъ ножъ грудь разорветъ мнѣ,
Коль въ руки мужа попаду живой,
Осинымъ жаломъ онъ меня укуситъ
Здѣсь, въ бьющееся сердце. Вотъ, съ одной
Онъ стороны помазанъ, и ужасно
Вдругъ почернѣлъ, и ржавчиной краснѣетъ,
Позеленѣлъ; а сторона другая,
Слоной змѣи не тронута, чиста,

Какъ лезвіе, что только отточили.
Что слышно?

(Входитъ солдатъ).

Солдатъ.

Пане! все на полѣ битвы,
Какъ въ тучѣ грозовой, и тьма и вихрь.

Балладина.

Теряемъ мы?

Солдатъ.

Гдѣ холмъ и гдѣ окопы,
Ростутъ березы надъ ключомъ, я видѣлъ,
Весь валомъ окруженъ людей убитыхъ,
Упорно бьется графъ Киркоръ, и свѣтлой
Сѣкирою сѣчетъ своихъ враговъ.

Балладина.

А съ чѣмъ же, человекѣ, ты былъ присланъ
Ко мнѣ?

Солдатъ.

Князь, доношу тебѣ, что двѣсти
Людей, что подкупили мы вчера,
На полѣ битвы, изъ рядовъ Киркора,
Къ намъ перешли. И если разметнется
Стрѣльцовъ громада на крылѣ на лѣвомъ,
Подкупленная золотомъ,—день нашъ.

Балладина.

Еще не перешли. Когда въ измѣнѣ
Затяжка, это хуже есть, чѣмъ вѣрность...

Ступай съ желѣзной ложкой въ кашу боя,
И если голова вождя какого
Въ ней будетъ, будешь паномъ... Разумѣешь?
Изъ-за горы легко подкрасться, сзади—
Вскочить на плечи—въ лобъ стальной ударить
Чеканомъ тяжкимъ... Въ бой... чтобъ убивать.

(Входитъ другой гонецъ).

Гонецъ.

Ужъ лѣвое крыло дрожить, рѣдѣя,
И убѣгаетъ въ Гивзно... Вскорѣ битва
Окончена... Побѣда будетъ наша...

Балладина.

Гонецъ счастливой вѣсти, вотъ награда...

(Даетъ ему денегъ).

Что, вождь враговъ взять въ плѣнъ?

Гонецъ.

На маломъ взгорьи

Я видѣлъ, стягъ Киркора воткнуть былъ,
Тамъ, на холмѣ, гдѣ три растутъ березы;
А валь убитыхъ выросъ такъ высоко,
Вокругъ него, что, ужаса полны,
Ни окомъ взять вождя мы не могли,
Ни преступить чрезъ этотъ валь умершій.

Балладина.

Коль мужества ты полонъ и огня,
Коль хочешь серебра кошель, весь полный,
Иди на это взгорье; и по ребрамъ

Убитыхъ, какъ по лѣстницѣ, входи,
Ихъ волосы пускай веревкой будуть.
Иди и убивай...

(Слышны радостные крики).

Что тамъ за вскрики?

(Входитъ Костринъ вооруженный и покрытый кровью).

А что-жь Киркорь?

Костринъ.

Погибъ.

Балладина (пряча ножъ, отра-
вленный съ одной
стороны).

Ужь ножъ готовъ
быть...

Обязана я жизнию тебѣ.

Пусть головы начальниковъ посниметъ

Палачъ. Распоряженія отдай...

(Костринъ выходитъ).

Голоса за наметомъ.

Нашъ вождь, Фонъ Костринъ, да живетъ вѣка!

Балладина.

Нашъ вождь, Фонъ Костринъ, да живетъ вѣка!..

Какъ глупая сорока, повторяю...

На шею къ Пѣмцу брошусь поскорѣе

И петлей поцѣлуевъ задушю.

(Костринъ вводитъ посольство изъ столицы.—Одинъ изъ
обывателей несетъ на золотомъ подносѣ хлѣбъ и соль).

Костринъ.

Посольство изъ столицы подчиненной.

Балладина.

А вѣшать ты велѣлъ?

Костринъ.

Уже столпились
Зачинщики мятежниковъ подъ грушей,
И тѣшится она, что дважды въ этомъ
Году плодами уберется вся.

Балладина (къ посольству го-
рода).

Чего хотите вы?

(Послы преклоняють колѣни).

Посоль города.

О, ангель съ неба!

Къ тебѣ сердца народа-сироты
Возносятся, будь господиномъ края.
Столица, преклонивъ свои колѣна,
Съ раскрытыми вратами ждетъ тебя,
Привѣтъ тебѣ, любезный господинъ нашъ.
Сокровища, сердца, и все, что есть,
Къ твоимъ ногамъ ручьемъ, кипя, польется,
Ужъ заслужилъ признательность народа,
Достойно коноводовъ покарать,
Что соблазнили насъ. Они держали
Насъ въ городѣ мученьемъ, и мечомъ,
И голодомъ; а мы тебя искали.

О, если бы намъ знать, что между нами,
Великій пане, ни одинъ измѣнникъ
Не есть достоинъ гнѣва твоего,
О, если-бъ жилъ ты долго, и сокровищъ
Взялъ полною рукою, и несчастныхъ,
Недолей притѣсненныхъ, предъ тобою
Лежащихъ въ прахѣ, съ ласкою пріяль.
Привѣтствуемъ тебя хлѣбъ-солью, пане.

Балладина (къ Кострину).

Что, ни одинъ изъ этого вотъ сброда
Не поднималъ оружья на меня?

Костринъ.

Здѣсь двое есть, что въ городѣ на битву
Народъ вели своими языками.

Балладина.

Гдѣ?

Костринъ (показывая).

Панъ бурмистръ „Курьеръ“, и тотъ, „Письмо“.

Балладина.

На баниѣ колокольной тѣхъ бурмистровъ
Обоихъ вздернуть.

Первый изъ пословъ.

Пане, иль въ груди

Хранишь изъ камня сердце?

Балладина.

Нѣтъ же, нѣтъ же,

Вы просите,—обоимъ ласка вамъ.

Имъ зубы выбить, челюсти сломать,
Пусть не вступаютъ въ бой.

Первый изъ пословъ.

Такъ невозможно

Тебя ни стономъ тронуть, ни слезою,
Желѣзный панъ нашъ?

Балладина.

Женщина, не панъ я.

(Види, что они отступаютъ съ ужасомъ).

Что-жь? отступили словно отъ заразы,
И снова, какъ подъ вѣтромъ нива бѣтается,
Бьютъ головами?

Первый изъ пословъ.

Ждемъ твоихъ приказовъ,

Владычица, правь съ волею народа.

Балладина.

Не съ волею народа, безъ нея...

Дать хлѣбъ и соль. Послы, я довѣряю

И тѣсту и дрожжамъ, что въ этомъ тѣстѣ.

Иди сюда, Костринъ. Тебѣ такъ много

Обязана я нишѣ, что по праву

Поль-города тебѣ принадлежить,

Добытаго, и половина края,

И хлѣба половина....

(Внимаетъ поля, отравленный съ одной стороны, и раз-
рѣзаетъ хлѣбъ на-двое).

Всѣмъ дѣлюсь я...

А сердце ты получишь цѣликомъ.

Костинъ (преклоня колѣно).

О, королева!

БАЛЛАДИНА (пробуя хлѣбъ, видитъ, что Костинъ ѣсть поданную ему половину).

Поступай какъ я.

Хлѣбъ поданныхъ беру безъ страха и да.
Хотя бы вмѣсто жита, стручья гада
Желѣзнаго они смѣсили, ѣшь
И вкусенъ будетъ хлѣбъ, желѣзомъ взятый...
ѣшь, ѣшь, прошу... Намъ нужно людямъ вѣрить.
Теперь велите въ трубы затрубить
Побѣдныя. Воители, идемте,
Въ столицу, гдѣ открыть желѣзомъ входъ.
(Выходить, опершись на Костина, за него послы и народъ).

СЦЕНА 4-я.

(Королевская зала въ Гитѣи.—Въ глубинѣ тронъ.—У подножя трона канцлеръ.— Паны панства.— Вавель аѣтописецъ.— Пажъ.— Придворные.

КАНЦЛЕРЪ.

Готово все къ принятію владыки.
Теперь на лавкахъ сядьте по порядку,
Вожди и судьи передъ самымъ трономъ,
И ключники, и кравчіе при нихъ.
Король пусть новый разомъ всѣхъ увидитъ.
(Входить гонецъ).

Гонецъ.

Сановники пресвѣтлые, песу я
Вѣсть важную. Король нашъ, господинъ нашъ,
Владыка новый: женщина.

Канцлеръ.

Владыка

Есть женщина?

Всѣ.

Есть женщина король!

Канцлеръ.

Какъ Ванда, пусть отважной будетъ, доброй,
Но пусть счастливѣй будетъ.

(Входитъ другой гонецъ).

Гонецъ.

Возвѣщаю

Сановникамъ пресвѣтлымъ: Королева
Уже вступила во врата столицы.

Канцлеръ.

Велите, пусть звонять въ колокола,
На башнѣ цѣлый день пусть звоны бьются,
Какъ у народа—сердце.

Первый изъ пановъ.

Прорицатель

Не можетъ чудо изъяснить, что нынѣ
Явилося народу. Всѣ въ тревогѣ.

Канцлеръ.

Какое чудо?

Первый изъ пановъ.

Свыше описанья.

Если хотите, вамъ его расскажетъ,
И въ книги вишетъ лѣтописецъ мудрый,
О Гибъзенскихъ гласящій короляхъ.

Канцлеръ.

Вавель премудрый, самъ ли видѣлъ чудо?

Вавель.

Свидѣтельствую то, какъ очевидецъ,
Что многіе увидѣли. Сегодня
Былъ сумракъ утромъ, справа, какъ и слѣва,
Но прояснилось на восходѣ солнца.
И вдругъ увидѣлъ въ точности я самъ...
Изъ глубины небесъ, откуда свѣтитъ
Блестящій Оріонъ, летя явился
Шнуръ бѣлоцвѣтный быстрыхъ журавлей,
На немъ повисли бѣлыми руками,
Летѣла въ небѣ мглистая жена.

Канцлеръ.

Все собственными видѣлъ ты очами,
Вавель премудрый?

Вавель.

И не только я,
Но многіе; свидѣтельствую твердо.

П а ж ъ.

Я видѣлъ самъ изъ лѣса, что надъ Гопломъ,
Дѣвица съ журавлями улетала.
Упавши на послѣдняго изъ стаи,
Вкругъ шеи птицы ручки увязала,
А съ головы разсыпала волною,
Какъ солнце, кольца искристыхъ волосъ,
И на волнѣ волосъ, что развѣвались
Златистые, лежала и плыла.

К а н ц л е р ъ.

Ребенка нужно очи, чтобъ увидѣть
На лоскуткахъ небеснаго холста
Ликъ четкій.

(Темнѣеть какъ передъ грозой).

П е р в ы й и з ъ п а н о в ъ.

Что такое? Мракъ печальный
Упалъ на лица наши и на тронъ,
Какъ будто бы позелѣлость солнца,
Объятаго затмѣиємъ; предъ нами
Мы блѣдными предстанемъ.

Н ѣ к о т о р ы е.

Мракъ ужасный!

(Входитъ стражникъ съ башни).

С т р а ж н и к ъ.

Надъ куполами замковъ королевскихъ,
Откуда золоченая игла

Восходить въ небо, туча, чудо-туча
Вкруг той иглы вѣнкомъ свилася чернымъ,
Все тяжелѣ виснетъ надъ крыльцомъ,
Гдѣ музыка придворная. И небо,
Вся темная небесная равнина,
Какъ бы одною тучею смѣется
И угрожаетъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Бить въ колокола!

СТРАЖНИКЪ.

Огнистый пурпуръ—лоно тучи той...

КАНЦЛЕРЬ.

Дождь нуженъ, пусть идетъ.

СТРАЖНИКЪ.

На черномъ возѣ

Ста журавлями мчима изъ Ада,
Явилась блѣдноликая колдунья,
И стадо журавлей змѣями сѣкла,
И направлялась къ тучѣ, что надъ замкомъ.
Теперь она во мглѣ, но стонъ угрюмый
Тѣхъ адскихъ птицъ исходить изъ тьмы.
Вы слышите?

(Слышеть стонъ съ башни).

КАНЦЛЕРЬ.

Какой-то стонъ безвѣстный.

ПАНЫ (стремясь съ лавокъ).

Ужасно!

КАНЦЛЕРЪ.

Съ лавокъ пусть никто не рвется.
А ты должно быть, стражникъ, просто пьянь,
И выдумаль ту вѣсть о чаровницѣ.

Стражникъ.

Я видѣлъ самъ, народъ окольный видѣлъ,
И Гибзиенскій народъ весь.

Привѣтственные крики (за сценой).

Королева

Да здравствуетъ!

(Входитъ Балладина въ королевскомъ уборѣ, коронѣ.—Корона въ латахъ.—Народъ).

КАНЦЛЕРЪ.

Да освятится голова, о, пани,
Что принесла корону намъ Попеловъ.
Привѣтъ тебѣ, владычеству такъ мудро
И изобильно, чтобъ къ святѣйшимъ цѣлямъ
Ты съ Богомъ проводила свой народъ.
Одежду чистоты надѣнь на бедра,
И къ небу вознеси чело. Виновнымъ
Прощенье даруй, алчущимъ дай хлѣба,
И всѣмъ да управляетъ справедливость.

Балладина (съ трона).

Что жъ дѣлать я должна?

КАНЦЛЕРЪ.

Законовъ нашихъ

Обычная заботливость о благѣ

Народа съ давнихъ лѣтъ установила,
Чтобы король, предъ тѣмъ какъ онъ впервые
За столъ свой сидеть, передъ тѣмъ какъ отдыхъ
Нахмуренному дать челу, что носить
Преславную, но тяжкую корону,
Возсѣлъ на лавку суди, рѣшая,
Какъ преступленій узелъ развязать.

БАЛЛАДИНА.

Какъ вашъ уставъ велить, пусть такъ и будетъ...
(Костринъ шатается и падаетъ).

ПЕРВЫЙ ИЗЪ ПАНОВЪ.

Что это значить? Вождь упалъ, блѣднѣеть!

БАЛЛАДИНА (подступая къ лежа-
щему Кострину).

Что это значить?... слабость?

КОСТРИНЪ.

Умираю.

БАЛЛАДИНА.

Мой господинъ! мой милый!

КОСТРИНЪ.

Прочь, колдунья

Отравная! Ее съ престола сбросьте!

Я первый отворяю рядъ гробовъ

Для тысячъ тѣхъ, что власть ея узнають.

БАЛЛАДИНА.

Въ горячкѣ онъ! Отсюда унесите!
Онъ стынетъ. Лѣкаръ пусть какой-нибудь
Ему вернуть здоровье, я жъ за это
Въ награду половину дамъ страны.

ЛѢКАРЬ.

Ужъ умеръ.

(Выносить тѣло Кострина, лѣкаръ идетъ за нимъ).

КАНЦЛЕРЬ.

Пани, страшную утратой
Смущенная, снеси ее съ терѣбьемъ.
При самомъ вѣходѣ на златой престолъ
Богъ показаль тебѣ, что призракъ смерти
При этихъ ступеняхъ стоитъ—и ждетъ насъ.

БАЛЛАДИНА (къ самой себѣ).

Ужъ прошлое замкнулося въ гробахъ.
И я одна моею владѣю тайной.

(Громко).

Военнолѣбнымъ расковать оковы,
На площадяхъ вездѣ столы разставить,
И нищимъ каждый день давать ѣду.

КАНЦЛЕРЬ.

Тебѣ благодаренія и слава!

БАЛЛАДИНА.

О славѣ не забочусь, и отнынѣ,
Взнесяся надъ сужденіемъ людей,

Я буду тѣмъ, чѣмъ и давно была бы,
Когда бь родилась подъ иной звѣздой
Жизнь полная труда, короной нынѣ
Пресѣчена, двѣ половины въ ней.
Минувшее отпало, какъ отъ стали,
Которую на сторонѣ одной
Слюна змѣи отравой наполнила,—
И половина яблока летить,
Гнилая, почернѣлая отъ яда.
Меня не знали бы такой, какую
Была я; такъ пускай народъ не смотритъ
Въ минувшее мое. Что я сказала,
То знаете вы всѣ. Пусть остальное
На исповѣди знаетъ духовникъ.
А, вотъ еще! Найдите тѣло графа
Киркора въ той громадѣ мертвыхъ тѣлъ,
На взгорьи, гдѣ теперь одни березы
Бѣлѣются, обрублены мечами,
Взнести носилки съ шелковой постелью,
И спящіе снесите такъ останки
Киркора... Предъ носилками пусть плачутъ
Толпы народа, тысячи, жалѣя
О томъ, кто палъ моимъ врагомъ съ оружіемъ...
И мужемъ былъ моимъ; я правду молвлю,
Что Графа я умершаго вдова.
Но пересказовъ пусть въ толги не будетъ;
Что нужно было молвить королевѣ,
Промолвила она. Пусть остальное
На исповѣди знаетъ духовникъ.
Теперь же, канцлеръ, предо мной исчисли

Дьянья злыя—будеть первый судъ мой,
Коль ложный приговоръ произнесу,
Пусть изъ меня гнѣздо червей возникнетъ!
Пусть я сгорю въ огнѣ! Меня не сдержитъ
Ни доброта, ни слабая тревога,
Не заблудятъ—ни бѣсъ, ни челоуѣкъ,
Себѣ я присягаю, въ зрѣньи Бога,
Быть справедливой.

КАНЦЛЕРЬ.

Вѣстникъ!

СУДЕБНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Судъ открыть.

КАНЦЛЕРЬ.

Вотъ здѣсь законовъ книга, вотъ Спаситель
На древѣ на усохшемъ распростертый.
Цѣлуй и крестъ и книгу.

Вѣстникъ.

Обвинитель!

(Предстаетъ лѣкарь замка).

КАНЦЛЕРЬ.

Кто ты?

ЛѢКАРЬ.

Я лѣкарь королевскій.

КАНЦЛЕРЬ.

Дѣло?

ЛѢКАРЬ.

Объ отравленнѣ ядомъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Кто отравленъ?

ЛѢКАРЬ.

Костринъ. Твой вождь, о, ласковая пани,
И мощная, отравленный скончался;
Великій рыцарь ядомъ умерщвленъ,
Который носитъ имя людомора.
На тѣлѣ у него желѣзнымъ цвѣтомъ
Явились пятна, тысяча; онъ мертвъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Кого вишишь?

ЛѢКАРЬ.

Пусть судъ виновныхъ ищетъ.

БАЛЛАДИНА.

Преступникъ неизвѣстенъ? Отложить
До новаго суда то преступленье.
Пусть знаетъ онъ раскаяніа часъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Обычай края, пани королева,
Хотя бъ надъ неизвѣстнымъ, приговоръ
Произносить, и мечъ держать подъятый
Надъ тайнымъ злодѣяніемъ, пока
Уловленный злодѣй не дастъ намъ горло.

Балладина.

Однако есть преступники, что выше
Словъ приговора, святы какъ алтарь,
Педосяжимы...

Канцлеръ.

Богъ такихъ караетъ.

Ты приговоръ земной должна промолвить,
По совѣти.

Балладина.

И что жь гласятъ законы?

Канцлеръ.

Коль кто-нибудь изъ рыцарей и шляхты
Направитъ ядъ на жизнь того, кто равенъ
Ему по сану, и свершитъ дѣянье,
То кара—мечъ. А изъ простолюдиновъ
Коль отравленье кто свершитъ...

Балладина.

Довольно!...

Канцлеръ.

Суди же, королева, пусть не столько
Передъ тобою вѣситъ звукъ закона,
Какъ четкій голосъ совѣти.

Балладина.

Окончимъ!

Заслуживаетъ смерти отравитель.

К а н ц л е р ь .

На замковомъ порогѣ протрубить
Тотъ приговоръ. А коль палачь-отмститель
Не выполнить, мы оставляемъ Богу.

(Слыши трубы).

Теперь другой пусть встанетъ обвинитель.
(Входитъ Филонъ съ ножомъ и съ кувшинчикомъ малины,
убравшій въ цвѣты).

Кто ты?

Ф и л о н ь .

Я тѣбѣ того, чѣмъ былъ я. Горе!
Ты, память муча, память у меня
Похитило навѣкъ. Какъ незабудки,
Всегда волной колышима, находятъ
Въ томъ колыханьи синей влаги радость,
Такъ я, кого всегда бьютъ волны горя,
Въ бессонницѣ отраду нахожу,
И въ плачѣ.

К а н ц л е р ь .

На вѣсахъ закона точныхъ
Не взвѣсить рѣчь его. Толкуй ясиѣ.

Ф и л о н ь .

Кувшинчикъ вотъ, съ малиной, вотъ и ножъ...
Малина та была подѣ головою
Дѣвчины умерщвленной, ножъ въ груди.
Пусть изъ того кувшинчика возникнетъ
Эвротъ рыданій новый, пусть проводитъ
Печальнаго любовника волной
Прозрачною къ возлюбленной умершей,

А я ему скажу: ручей бродящій,
Благодаренье вѣчное тебѣ,
Что въ гробѣ будетъ отдыхъ для обоихъ
И море тишины. Я Аполлона
Молю, прости меня, лучистый богъ,
Что слезы предъ людьми я проливаю,
Я преломляю съ ними грусть, какъ хлѣбъ.
Прощѣть хочу я людямъ гнѣвъ печали,
И какъ Орфей въ Эребѣ просить Плутона
Пришелъ, чтобы жену мнѣ воротилъ.
Послушайте, женой она была мнѣ,
Женой моей души: одна могила
Теперь владѣетъ этимъ бѣлымъ тѣломъ,
Что окровавилъ... гляньте... этотъ ножъ.
На жбанчикѣ ее нашелъ я мертвой,
Въ лѣсу, весной, убитую ножомъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Въ той жалобѣ запутанной есть что-то,
Въ ней запахъ преступленья.

БАЛЛАДИНА.

Канцлеръ, я
Гнушаюсь обвиненьями безумныхъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Владычица, судъ долженъ до остатка
Слѣдить, и не гнушаться даже лаемъ
Собаки на кого-нибудь. Итакъ,
Твоя жена, пастухъ, разсталась съ жизнью?

И тѣло ты нашель ея, ножомъ
Пробитое? Когда случилось это?

Филонъ.

Три раза мѣсяць поблѣдиглъ и звѣзды
Предъ Аполлономъ.

Канцлеръ.

Ты подозрѣваешь
Кого, скажи, въ кровавомъ преступленьи?

Филонъ.

Ахъ! Парки! Парки! Парки жесткосердо
Порвали нить серебряную жизни
Едва начатой; можетъ также, съ неба
Звѣзда золотая завистью дохнула,
Увидѣвъ блескъ въ очахъ моей любимой,
Потухнуть повелѣла тѣмъ очамъ.

Канцлеръ.

Гдѣ жъ ты ее нашель?

Филонъ.

Подъ тѣнью вербы
Заплаканной, въ задумчивомъ лѣску,
Спала она, и сномъ непробудимымъ.

Канцлеръ.

Запутанное дѣло. Королева,
Скажи свой приговоръ о неизвѣстныхъ,
Совѣтъ дать—совѣсть.

БАЛЛАДИНА.

Какъ законы судять?

КАНЦЛЕРЪ.

За смерть желаютъ смерти.

БАЛЛАДИНА.

Съ тѣхъ убитыхъ

И горсточки не будетъ праха намъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Судь совѣсти.

БАЛЛАДИНА.

Заслуживаетъ смерти

Она.

КАНЦЛЕРЪ.

Она... Такъ судишь, что убійца
Есть женщина?

БАЛЛАДИНА.

Сужу, какъ я сужу...

КАНЦЛЕРЪ.

Тотъ приговоръ народу городскому
Съ порога замка голосомъ трубы
Да возгласятъ. Мечь палача... иль Бога.

(Трубы).

Теперь пусть встанетъ третій обвинитель.
(Входитъ слѣпая вдова, мать Балладины).

Кто ты?

ВДОВА

Вдова.

Канцлеръ.

Кого винишь?

Вдова.

Дѣтей...

Мнѣ говорятъ, красива королева,
Какъ ангель, пусть же судить... Двухъ имѣла
Я дочерей, кормила ихъ обѣихъ.
Какъ часто въ заблужденьи чловѣкъ,
Когда утѣхи ищетъ онъ... Та дочь,
Что младшею была, изъ-подъ застрѣхи
Бѣжала материнской, злая дѣтка.
Другая же... О, Боже! Королева,
Какъ ангель ты бѣла, суди жь сама...
Другая въ пышный, къ Графу, домъ вступила,
Пріяла ложе Графа... Пусть умру,
Когда я лгу; Графъ взялъ ее женою.
Богъ далъ тебѣ корону, Королева,
Да сохранить на мудрой онъ головкѣ
Ее навѣкъ... Суди! Въ моей другой
Той дочери ума-то было столько,
Какъ въ маковой головкѣ. Графъ ее
Любилъ весьма, но мать—какъ мать любила.
А тутъ вдругъ въ замкѣ собственные слуги
Ея—меня, старушку, презирають;
Презрѣнны слугъ терплю я до конца,
Могила близко; вдругъ, разъ какъ-то ночью,
Дочь отъ меня на людяхъ отреклась...
А, дочка, говорю, будь милосердна
Для матери-старухи, близокъ гробъ.

Ночь страшная была, дождь и перуны,
Перуны, дождь, и вой грозы, и тьма.
Дочь со двора меня прогнать велѣла,
Меня, старуху-мать, на вихрь и дождь,
Въ ночь, въ молніи, въ грозу, притомъ голодной...
О, пусть простить ей Богъ Создатель нашъ!
Голодной, со двора, прогнали въ лѣсъ...
Меня схватили вѣтры за лохмотья,
И молнія глаза мои сожгла.
О, розовый король мой! Панъ златой мой!
Пошады! Милосердыя!

Канцлеръ.

Ты молчишь,
Владычица? Неправоту такую
Законы наши страшно отомщаютъ.

Балладина.

Не смертью все жь?

Канцлеръ.

Лехитовъ уложеніе
Неблагодарнымъ дѣтямъ смерть велить.
Законовъ нашихъ книга пусть покажетъ
Тебѣ... Читай... и въ совѣсти читай.
А ты, старушка, назови намъ имя
Той дочери, и выродка накажетъ
Палачъ, хотя бы съ первымъ графомъ панства
Судьбой она обвѣчана была...
Помѣстье Графа назови и имя

Той дочери, законъ у ней достанеть
Черезъ стѣны замка—голову и сердце.

Вдова.

Что? дочь казнить?.. Прощай, почтенный пане,
Прощай и королева, въ лѣсъ иду,
Росою буду жить...

Канцлеръ.

Уставъ закона
Гласить, что тотъ, кто жалобу принесъ,
Ужъ отступитъ не можетъ. Такъ скажи намъ...

Вдова.

Нѣтъ! нѣтъ!

Канцлеръ.

На ложе пытокъ взять ее,
Въ желѣзные клещи взять всѣ суставы!
Ну, старая, скажи...

Вдова.

Нѣтъ!

Канцлеръ.

Разъ еще
Злой дочери я имя вопрошаю.

Вдова.

Она невинна!

Канцлеръ.

Взять ее на пытку!

Вдова (вырываясь у стражи).

Я старая, о, королева, скалься!
Я матерью твоею быть могла бы...
О, Боже! Ничего не говоришь?
Ни слова!.. Призракъ страшный здѣсь на тронѣ,
Такъ лягу я пойду на то желѣзо,
Скончаюсь, Богъ вамъ въ небѣ да отпустить!

Канцлеръ.

Въ мученьяхъ скажешь.

Вдова.

Пане, ясный пане,
И у тебя желѣзное, знать, сердце...
(Уходить подъ стражей).

Канцлеръ.

Держусь я строгой сущности закона.
За то пусть обвинить меня Господь,
Иль оправдаетъ... Ты же, королева,
Знай, сердце у меня рыданій полно,
И горечи, и ужаса.

(Слышенъ стонъ).

Что тамъ?

Солдаты.

То старая кричитъ.

Канцлеръ.

И не призналась?

Солдатъ.

Ни въ чемъ...

Канцлеръ.

Помедлимъ.

Балладина.

Вотъ, теперь палачъ,
Для пытки сердца, тѣло рветъ мое...
Растягиваетъ... А! воды!..

(Ей подають пить).

Солдатъ.

Ужь сняли
Съ желѣзной пытки.

Балладина.

Ужь... и что жь въ мученьяхъ
Она сказала?

Солдатъ.

Умерла.

Балладина.

Сказаль ты,
Что умерла?

Солдатъ.

Чуть положилъ палачъ
Ее въ клещи, у ней закрылись очи;
Ее увидя, побожился бѣ всякій
Что костью Христой то былъ безъ духа.
Всѣ косточки изсохли и увяли,

Через хруснувшую кожу прободясь,
О жалости молили...

КАНЦЛЕРЪ.

И ни слова

Не молвила?

СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, тихо умерла.

А на лицѣ изсохшемъ двѣ долинки
Смерть выконала костная, и слезы
Стоять въ обѣихъ.

БАЛЛАДИНА.

Съ самаго утра

Сажу въ судѣ, и ни одинъ изъ нищихъ
Такъ долго не работаетъ, такъ знойно.
Ужь ночь, паны!

КАНЦЛЕРЪ.

Нѣтъ, это только туча

Висить надъ замкомъ, черная. Спроси
У совѣти совѣта потихоньку,
Чего достойна дочь, изъ-за которой
Такою смертью умираетъ мать?

БАЛЛАДИНА.

Вы осудите.

КАНЦЛЕРЪ.

Пусть твоя корона

Блескъ приметъ справедливаго суда.
Воистину, живымъ огнемъ достойна,

Быть въ уголь обращенной, въ адскій уголь.
Суди ее!..

Всѣ.

Суди!

КАНЦЛЕРЪ.

Какъ Богъ безсмертенъ,
Заслуживаетъ точнаго суда.

Всѣ.

Четвертовать ее!

КАНЦЛЕРЪ.

Взглянувши въ совѣсть,
Суди ее!

БАЛЛАДИНА (послѣ долгаго мол-
чанія).

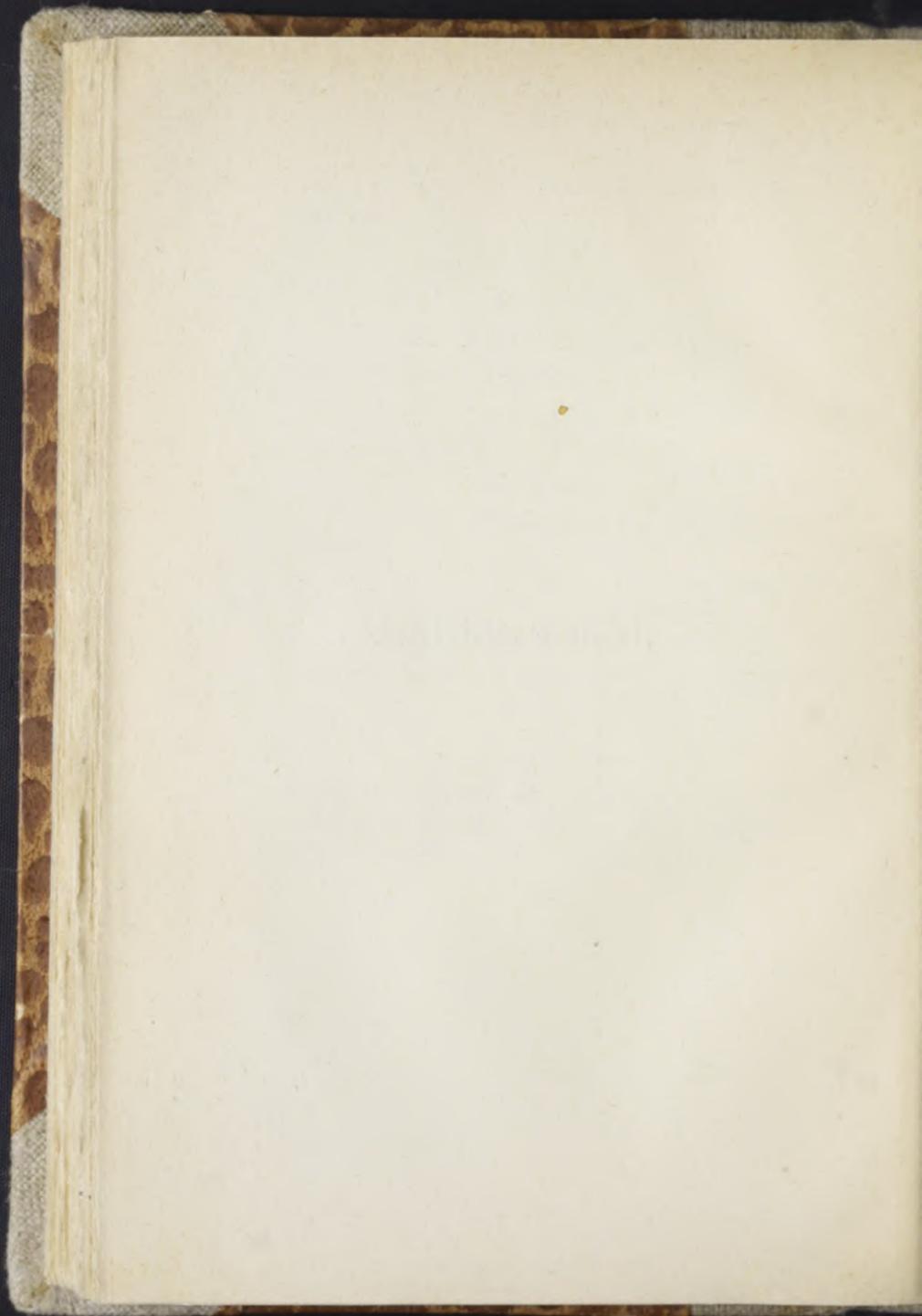
Заслуживаетъ смерти.

(Ниспадаетъ молнія и убиваетъ королеву. — Всѣ поражены
ужасомъ).

КАНЦЛЕРЪ.

Перуномъ Божьимъ женщина-король
Застрѣлена. Взамѣнъ вѣнчальныхъ звоновъ,
Пусть раздадутся звоны похоронъ.

ЛИЛЛЯ ВЕНЕДА.

О „ЛИЛЛЪ ВЕНЕДЪ“.

Польская „романтическая Троица“—Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій—неразрывно слилась воедино, яркими свойствами, въ разной степени, но въ одиноковой неподдѣльности, составляющими отличительность и неотъемлемость трехъ этихъ гениальныхъ поэтовъ. Каждый изъ нихъ—пророкъ своего народа, вѣщая душа, видящая и въ прошломъ и въ будущемъ всѣ судьбы родной страны, каждый изъ нихъ—Сибилла, съ которой говорятъ Демоны, Ангелы, Судьбы, и Созвѣздія, каждый изъ нихъ, всей своей личностью и всѣмъ своимъ творчествомъ, создалъ новый, Славянскій, исполненный шемящей красоты, Апокалипсисъ.

Съ чрезвычайною мѣткостью опредѣлили каждого изъ этихъ трехъ вѣщихъ пѣвцовъ Польскій писатель, Артуръ Гурскій, въ своей книгѣ „Монсальватъ“, (Artur Górski, Monsalwat. Kraków. 1908, стр. 225);—„Мицкевичъ, среди этихъ трехъ, есть ихъ сердце, чело, и громъ.—Красинскій есть рыцарь, овѣянный знаменемъ вѣковъ, заслушав-

пийся въ слово возстанья изъ мертвыхъ, которое ему повѣдалъ Христось, и такъ окаменѣвшій на стражѣ гетманства духа.—Словацкій сынъ степи и душа степи, гдѣ мѣсяць входить чрезъ кресты, а лазурь, какъ око Бога, налитое свѣтомъ по берега, лелѣть, качая, летъ мыслей орлиныхъ и думу—натура ангеллическая, какъ лира въ рукѣ Бога, вся звенящая гудомъ—свѣтолетная и прозрачная какъ эфиръ—гордая и одинокая въ жизни и смерти, какъ умирающій левъ въ пустынѣ—одновременно люциферическая и сыновствомъ Божьимъ наполненная“.

Словацкій писалъ лирическіе стихи, поэмы, драмы, и напѣвную прозою разсказанныя повѣсти души—видѣнія. Наиболѣе замѣчательныя его созданія: драмы, „Лилля Венеда (впервые появляясь на Русскомъ языкѣ была напечатана въ „Русской Мысли“, 1909, № 9), „Балладина“ (появляется нынѣ на Русскомъ языкѣ впервые), „Серебряный сонъ Саломей“ (отрывки изъ этой драмы переведены мною въ приложеніи къ переводу „Саломей“ Оскара Уайльда, изданіе „Пантеона“); видѣніе, „Ангелли“; и поразительной силы видѣніе-молитва, „Происхожденіе изъ Духа“ (см. отрывки и изложеніе въ моемъ очеркѣ „Преображеніе Жертвы“, въ книгѣ „Змѣйные Цвѣты“, изд. „Скорпиона“). Есть и еще цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній Словацкаго, которыя, частью въ отрывкахъ, частью цѣликомъ, будутъ переведены мною на Русскій языкъ.

Посвящая „Лиллю Венеду“ Красицкому, какъ автору драмы „Придіонъ“, Словацкій говоритъ:—
„Возлюбленный Эндиміонъ поэзи, дремлющій въ тѣни лѣсовъ лавровыхъ, — съ легкостью и тишью лѣтней зарницы проскальзываю я черезъ черные листья безсмертныхъ деревьевъ и тремя блесками бужу тебя отъ сновъ беспокойныхъ. Встань! встань, Эндиміонъ мой, любовникъ Музы потаемной, и ступи на шагъ ко мнѣ,—ты встрѣтишь новый лѣсъ фантази, зеленый соснами театръ; ибо вотъ, для тебя единственно, дорогой мой, выстроилъ я новую сцену, привелъ актеровъ-духовъ, и разложилъ на лѣсной муравѣ все малое богатство бѣгающаго по бѣлу свѣту ходещика. Дай уйти мнѣ съ новымъ барышомъ пріязни, со слезой, ежели можно, съ похвалою, ежели можно; и вѣчность я буду спокойный.—Пробудись! пробудись, Римскій воинъ, въ золотыхъ доспѣхахъ, съ панциремъ огнистымъ. Новыя стоятъ предъ тобою видѣнія; вотъ взгорье, покрытое зеленой муравой, на взгорьи стоитъ двѣнадцать друидическихъ камней и тринадцатый—тронъ изъ покрытаго мохомъ гранита; вотъ взгорье, увѣчанное короной двѣнадцати бѣлоголовыхъ бардовъ, отовсюду какъ моремъ червоннаго блеска облитое... то страшное зеркало взгорья есть кровь народа. Нагѣвъ двѣнадцати арфъ распространяется надъ людомъ умершихъ, и, вбѣгая въ пустыя шумящія чащи сосновыя, взываетъ къ новымъ рыцарямъ мести“.

Словацкій видитъ всѣхъ своихъ героевъ какъ тѣни, какъ привидѣнія. Въ магическомъ зеркалѣ предстають они передъ нимъ, и молятъ его тѣневымъ голосомъ: — „Môv o nas prosto i z krzykiem“. Говори о насъ просто и съ крикомъ. Говори о насъ прямо и съ воплемъ. И съ простою утонченной, и съ прямою сердечной, Словацкій говоритъ о нихъ.

Драматическая, или точиѣе—трагическая, поэма „Лилля Венеда“, во всей своей переливчатой радугѣ настроеній, есть поэма историческихъ судебъ великаго Народа, погибшаго въ своемъ установленномъ ликѣ, но навѣки безсмертнаго въ зеркалѣ созерцанія и въ своихъ отображенныхъ вліяніяхъ.

Въ стихотвореніи „Мой завѣтъ“, Словацкій самъ опредѣляетъ себя какъ кормчаго ладьи, наполненной духами. Это именно такъ. Съ духовной высоты взглянувъ на судьбы великаго Народа, онъ создалъ для него незабываемую Перунную Симфонію, всю озаренную голубыми и альми молніями.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛЕХЪ.

ГВИНОНА, жена Леха.

ЛЕХОНЪ, }
КРАКЪ, } сыновья Леха.
АРФОНЪ, }

ДЕРВИДЪ, король Венедовъ.

ЛИЛЯ ВЕНЕДА, }
РУЖА ВЕНЕДА, } дочери Дервида.

ПОЛЕЛЮМЪ, }
ЛЕЛЮМЪ, } сыновья Дервида.

СЫГОНЪ, }
ГРИФЪ, } Лехиты.

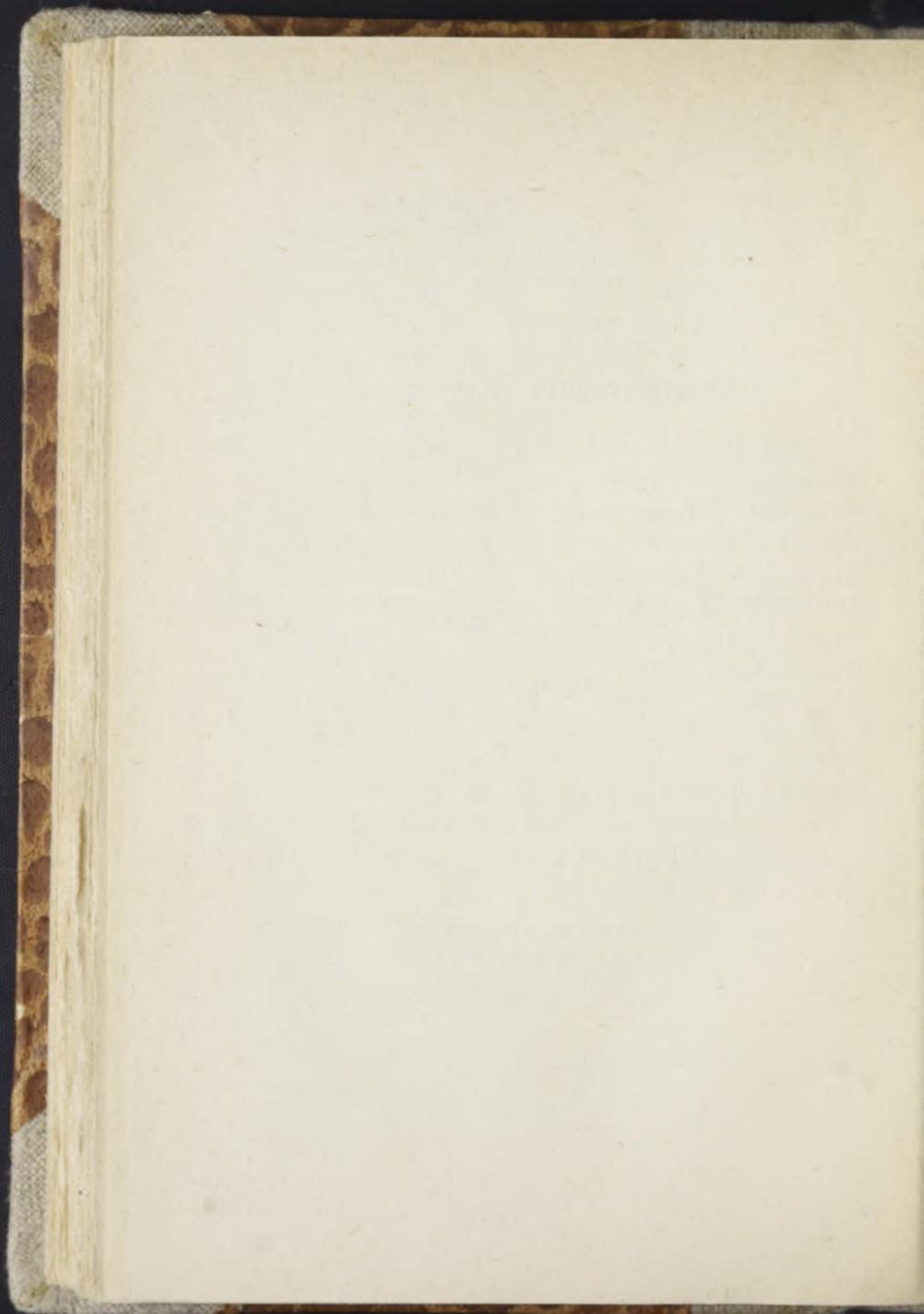
СВЯТОЙ ГВАЛЬБЕРТЪ.

СЛАЗЪ, его слуга.

ДВНАДЦАТЬ БАРДОВЪ, }
ДВНАДЦАТЬ ВОЖДЕЙ, } Венеды.

Свита дѣвушекъ Гвиноны.—Рыцари Лехиты.

Изъ времянъ сказочныхъ.—Близъ Гопла.

ПРОЛОГЪ.

Обширная пещера ворожей, выкопанная въ землѣ; въ стѣнахъ круглыя отверстія, черезъ которыя видны раскинувшіяся поля и далекій край-образъ. Свѣтъ заходящаго солнца.—

Ружа Венета и Лилля Венета.

Лилля Венета.

О, какъ же ты задумчива, сестра!
Взгляни на бой и зачаруй побѣду.

Ружа Венета.

Здѣсь бесполезны чары Сатаны.
Проклятiе! Проклятiе! Проклятiе!
Отчизна наша гибнетъ и навѣки...
Ужъ вижу мертвой...
И мертвая ты тоже... Я закрою
Тебѣ глаза, въ уста песку насыплю
Холоднаго, набью проклятiй въ горло,
Которыя ты понесешь съ собою
Въ далекій край... несчастная... въ тотъ мiръ!

Лилля Венедда.

Ты говоришь, и вихрь, сорвавшись, плачетъ
Надъ бѣдной мной. Такъ умереть мнѣ нужно?
О, Боже мой!

Ружа Венедда.

Молчи. Одна ли ты
У Бога? Что-жь его ты утруждаешь?
Тамъ наша кровь и вражеская кровь,
Ручей образовавъ, окровавила
Прозрачность Гола. Что же, будешь ты,
Какъ плакальщица, выть здѣсь надъ собою,
Когда подходитъ рыцарямъ конецъ?

(Слышенъ звукъ арфы).

Тес! Слышишь? Наши арфы заиграли.
Разстроенный, печалень голосъ ихъ
Рыдающій. Идутъ на гору барды...
Погибло все.

Лилля Венедда.

За бардами придутъ
Воители, и насъ убьютъ, и бардовъ
Съ ихъ арфами златыми истребятъ.

Ружа Венедда.

Какъ? А союзъ нашъ съ тучами? А громы?
А молнія угрюмо-золотая,
Что медлитъ предъ нещерою, какъ стражъ?
А сатанискій голосъ мой, подобный
Холодному кинжалу? А возстанье,
Дарованное мною мертвецамъ?

А скорбь моя? А мой удѣлъ? И въ это
Не вѣришь ты, пригожая, скажи?

Лилля Венедда.

Ты говоришь, но лицо твое,
Какъ мѣсяць печально, хоть ясно,
Какъ мѣсяць, солнце умершихъ.
Гдѣ наши братья? Защита?
Что съ ними стало? Ты знаешь?

Ружа Венедда.

Внутри пещеры застонало—слышишь,
То скалы отвѣчаютъ. Выдь на волю
И бардовъ проводи сюда, а я
Зажгу огонь.

(Входятъ двѣнадцать Бардовъ съ золотыми арфами).

Предъ темною скалою
Поставьте здѣсь, прошу васъ, арфы рядомъ,
И расскажите, что съ народомъ стало
Венедовъ.

Лилля Венедда.

Мой отецъ и братья, чудомъ
Какимъ-нибудь, могли-ль спастись отъ смерти?

Бардъ.

Такъ торопливо, старцы, шли мы въ гору,
Что голосъ пресѣкается въ груди.

Лилля Венедда.

О, вижу, вы отвѣтить не хотите.

Бардъ.

Несчастіе, несчастіе!

Лилля Венедд.

О, братья!

О, мой отецъ возлюбленный, гдѣ ты?

Они молчатъ... Отецъ мой умираетъ.

О! жалости въ васъ нѣтъ.

Бардъ.

Какъ можешь ждать ты,

Чтобъ послѣ этихъ ужасовъ въ себя мы

Уже пришли!

Лилля Венедд.

Старикъ, ты смотришь такъ,

Какъ смотреть на сиротъ.

Бардъ.

Бѣда, бѣда намъ!

Мы прокляты на небѣ и землѣ.

Отецъ твой схваченъ; рыцари громадой

Со всѣхъ сторонъ сошлись и окружили

Его съ златою арфой. Это видя,

Блѣднѣя отъ терзанія, мы рвали

Свои сѣдины... Братья тоже взяты.

Лилля Венедд.

Такъ не убиты, значить?.. Повторите!..

Не умерли?..

Ружа Венедд.

Но прокляты они!

Лилля Венеда.

Не говори, молю, не говори так!
И братьевъ, и отца избавлю я,
Спасу. Благослови, сестра. Веселой,
Ты миѣ была—печальная—какъ мать.
И вы меня благословите, старцы,
Но для меня у Бога не просите
Вы ничего, лишь разума и сердца
Находчиво-лукаваго, чтобъ я
Освободила тѣхъ, кто скованъ цѣнью.
Прощайте, не тревожьтесь обо миѣ,
Со мною всѣ цвѣты, и каждый голубь,
Что бѣлый, какъ и я, меня считаетъ
Своей сестрой; и тотъ со мною также,
Кто въ синемъ небѣ выше голубей;
Когда-жъ меня несчастіе придавить,
У бѣлыхъ голубей возьметъ онъ крылья,
И дастъ миѣ, чтобъ ушла я отъ людей.
Коль не спасу отца, умру въ расцвѣтъ...
А вы надъ бѣдной дѣвушкой поплачьте.

(Уходятъ).

Ружа Венеда.

О розахъ плакать въ часъ, какъ дѣсь горить,
Не время... Что-жъ вы думаете, барды?

Барды.

Погибло все!

Ружа Венеда.

Змѣинымъ этимъ ядомъ,
Что въ чашѣ кормитъ ало-красный пламень,

Клянусь вамъ старцы, что на бранномъ полѣ
Возстанутъ кости и затѣютъ битву
Подъ пѣсни арфь.

БАРДЫ.

И разъ еще возстанутъ,
И вновь погибнуть...

РУЖА ВЕНЕДА.

Въ третій разъ погибнуть,
И плугъ забвенья проскользнетъ надъ ними,
И надъ кровавымъ воинствомъ убитыхъ
Раскроются въ распвѣтъ маргаритки,—
Такъ что-жь!.. рыдать?

БАРДЫ.

Чу, каркаютъ вороны,
И волки начинаютъ грызть, уснувшихъ
На коняхъ, блѣдныхъ рыцарей.

РУЖА ВЕНЕДА.

Въ три дня
Ударитъ сто громовъ молніеносныхъ,
И тысячи поднимутся десницъ;
Возникнетъ страшный бой при свѣтѣ молній.
Съ умершими смѣшаются живые,
И никому ихъ не разъединить.
Узнаете по запаху земли
Умершихъ, по слѣдамъ коней огнистымъ;
Но не узнаютъ тѣ, что поглядятъ—
Глаза въ глаза.

Барды.

О, чудо... Наши арфы
Играють браанный рыцарскій нагбвъ.

Ружа Венеда.

Тѣ арфы почували кровь и дрожать...

Барды.

Пойдемъ и той пѣсней, какъ искрой,
Людей оживимъ по селамъ.

Ружа Венеда.

Чело въ дубовомъ вѣникъ,
Съ золотистою арфой въ рукъ,
У каждаго—сердце янтарное,
Солнечно-чистое сердце и все лучезарное.
На устахъ же—пѣсни суровыя,
Пѣсни для битвы, гробовыя,
Народы тѣмъ звукомъ разбужены, львы,
Барды, то—вы.

Барды.

Ты въ слезы намъ влила огня...

Ружа Венеда.

Огонь, предъ тѣмъ какъ онъ въ слезахъ остынетъ,
Двѣнадцать въ бой племеньъ подвинетъ;
Всему придетъ черта, борьба, конецъ въ три дни.

Барды.

Чу, наши арфы смутно проиграли
Тебѣ въ отвѣтъ.

РУЖА ВЕНЕДА.

Утишите ихъ, чтобъ больше не рыдали,
Чтобъ было такъ, что въ лютняхъ скорби нѣтъ.
Остерегитесь, чтобъ не пробѣжала
Та пѣсня межъ людей,
Чтобы душа людей не увидала
Могилы собственной своей;
Остерегитесь, чтобы надъ собою
Народъ не слышалъ плача; а когда
Услышитъ, гибель васъ возьметъ безъ бою.

БАРДЫ.

Итакъ въ три дня—пожаръ, ночь зарева, бѣда?..

РУЖА ВЕНЕДА.

И мщенье, и неволю ночь придвинетъ,
За страхомъ снова ужасы влача...
Полвоинства отъ грозныхъ молній сгинетъ,
Полвоинства погибнетъ отъ меча.
Вожь двуголовый встанетъ, человѣчь—
Одна, другая—группья голова.
Багряный факель вознесу, какъ мечъ, я,
Послѣднею останусь я жива.
Въ прахъ рыцарей влюблюсь, и эти прахи
Наполнять плодородьемъ чрево мнѣ,
И въ пламениомъ пылающемъ размахѣ
Дубы мнѣ будутъ сватами въ огнѣ.
И рыцарскій костеръ, пылая,
Мнѣ будетъ брачнымъ ложемъ. Кто
Въ меня увѣруетъ, въ бореньи умирая,

Умреть спокойно онъ за то,
Забывъ, что въ мѣрѣ есть тревога.
И отомщу вѣриѣ, чѣмъ война,
Вѣриѣ, чѣмъ враговъ стократная волна,
Вѣриѣ Бога...

БАРДЫ.

Идемъ! безуміе влечетъ ворожею.

(Уходятъ).

РУЖА ВЕНЕДА.

Ворожея хранитъ мечту свою!
Ворожея несчастнаго народа!
Есть сердце у нея... Но ночь ужъ съ небосвода
Глядитъ... уже темно! Идемъ умершихъ жечь...
Со мною, духи, въ пламень съчь!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Поле надъ Голломъ.—Лехъ, Гвиона, Сыгонъ, Грифъ входятъ вооруженные.

Лехъ.

На полѣ битвы разложить огни,
И привести сюда военноплѣнныхъ.

(Входитъ Дервидъ съ золотою арфой въ рукѣ, и Лелюмъ,
и Полелюмъ, въ дѣбняхъ).

Сыгонъ.

Не вырвали изъ рукъ златую арфу;
Король Венедовъ, съ нимъ его два сына.

Лехъ (къ Дервиду).

Какъ, старче, мыслишь о закатныхъ людяхъ?
Вчера ты былъ владыкой той краины,
А нынѣ не твоя и голова,
Которая вчера владѣла ими.
Одежды на себѣ теперъ порви,

И выкупай себя слезы алмазомъ,
Мой молотъ раздробить твой сивый лобъ.

(Къ Лелюму и Полелюму).

Вы что-жь цѣнями лаете, какъ псы?
Покорности, медвѣди, научитесь!
Гдѣ мой палачъ? Тотъ человѣкъ мнѣ плюнулъ
Въ глаза. Ему я низко, ростомъ малъ,
А мечъ мой, знаю, онъ не стронетъ съ мѣста.
Гвинона, глянъ-ка, рослые они.
А я комаръ: кровь изъ него непилъ я;
Его въ рукѣ—я выжалъ, какъ лимонъ.
Узнаетъ Чехъ, такъ прямо не повѣрять.
Пошло ему въ подарокъ старика,
И этихъ королевичей двухъ юныхъ,
Пусть изъ обоихъ сдѣлаетъ исарей.

Гвинона.

Хочу услышать голосъ ихъ. Скажи имъ,
Чтобъ говорили.

Лехъ.

Этѣ псы, и легче
Заставить лаять ихъ.

Гвинона.

А эта арфа,
Должно быть, зачарована.

Лехъ.

Клянусь,
Ты угадала, львица, это правда,

Должно́ быть, зачарована та арфа!
Старикъ, ты такъ заботишься о ней,
Что въ ней, должно быть, спрятался самъ Дьяволъ?
Клянусь, то безъязыкій бормотунъ!
Мы словно воробыи предъ нимъ на ниткѣ,
Какъ воробыи предъ ними, а они,
Какъ на кубарь, глядятъ всё свысока.
Грифъ, проводи-ка ихъ до Римской башни,
Поголодаютъ,—голосъ свой найдутъ.

(Дервидъ, Лелюмъ, Поделюмъ уходятъ подъ стражей).

Гвинона, то народъ глухонѣмыхъ,
Глухонѣмой король ихъ. На коней,
Гей, на коней, и устремимся въ битву,
На трупахъ королевство оснуемъ!

(Уходятъ всѣ).

СЦЕНА 2-я.

Келья отшельника, по формѣ подобная внутренности гигантскаго черепа. Въ глубинѣ образъ Пресвятой Дѣвы на золотомъ фонѣ.—Святой Гвальбертъ и Слязь.

СВЯТОЙ ГВАЛЬБЕРТЪ.

Ты, сударь Слязь, глаза мнѣ загрязнилъ,
Я на сосну, по твоему совѣту,
Взобрался, и себѣ глаза испортилъ
Тѣмъ зрѣлицемъ кровавымъ. Это—Дьяволъ,
Его дѣла. Я прибылъ обращаться,
А прибыли какіе-то здѣсь люди,
Чтобъ истреблять; быстрѣе истребили,
Чѣмъ могъ я обратить; за это нужно

Насъ до крови обоихъ бичевать,
Меня,—какъ господина, и тебя,—
Какъ моего слугу, и насъ обоихъ,—
Какъ Божьихъ слугъ.

Слязь.

Et fit voluntas tua.

Святой Гвальбертъ.

Да, да, и да свершится воли Бога,
Его, что въ небѣ. А однако жалко,
Что истребленъ народъ тотъ, ибо онъ
Народъ былъ добрый, хоть нехристіанскій.

Слязь.

Такъ что-жь, всё въ Адъ пошли они, владыко?

Святой Гвальбертъ.

Земля передъ крестомъ покрылась кровью,
Изъ крови пламень вырвется крестомъ.
Смерть рветъ тѣла, но—вѣчность приближаетъ.
Искушены народы скоро будутъ;
Ты видѣлъ, Слязь, червонныя кометы,
Хвостатыя, что ворожатъ измѣну,
Кометы, что, какъ ветренныя вѣдьмы,
Гнались за мною до Іерусалима,
Грозя бичомъ, крестомъ, или коломъ.
Что-жь сдѣлали? Когда мнѣ будетъ нужно,
Сотру я пальцемъ съ неба эти звѣзды
Ужасныя. Богъ своему слугъ,

За долгій вѣкъ трудовъ, дасть часъ чудесъ
Разительныхъ. Такъ что-жь мнѣ тотъ властитель,
Что лѣсъ кровавитъ, новый Фараонъ?
Съ нимъ въ бой вступлю, и посохомъ огнистымъ
Коснусь его—и будетъ сломанъ онъ;
Затѣмъ одной слезой своей горячей
Жизнь вѣчную куплю я для него.

Слязь.

Откуда тѣ лучи, спрошу, владыка,
Что носишь ты на головѣ своей?

Святой Гвальбертъ.

Изъ внутренняго знанья, изъ меня,
Изъ ангела еще, который тайно
Внутри пылаетъ тѣла моего.

Слязь.

Я думалъ, тѣ лучистые круги
Всѣ изъ волосъ?

Святой Гвальбертъ.

Не изъ души тогда?

Слязь.

А котъ когда надуется, такъ тоже
Вся искрится пушистая спина.

Святой Гвальбертъ.

Глушцы, какъ ты, себя лишь отравляютъ
Сравненьемъ въ мірозданьи двухъ природъ.

Слязь.

Владыка, вѣра есть въ моемъ сомнѣнн.

Святой Гвальбертъ.

Сомнѣнн отъ Дьявола.

Слязь.

Такъ, значить,

Меня онъ ищетъ?

Святой Гвальбертъ.

Посмотри-ка, Слязь,

Стучитъ тамъ кто-то.

(Слязь отворяетъ, входитъ Лилля Венеда).

Лилля Венеда.

Именемъ Маріи.

Святой Гвальбертъ.

Смотрите-ка, да это королева,

Которую я только что крестилъ.

Чего-жь ты такъ заплакана, печальна?

Скажи, чего дрожишь ты, дочь моя?

Лилля Венеда.

Пришла къ тебѣ, мой отче, съ горькимъ плачемъ,

И мой отецъ, и братья взяты въ плѣнъ;

И я хочу спасти ихъ изъ неволи,

Но въ сердцѣ боль—и никакихъ совѣтовъ.

Весь міръ передо мною смутно-блѣденъ,

И за слезами солнца не видать.

Лишь ты совѣтникъ мнѣ и мой защитникъ.
Въ неволѣ несчастливый мой отецъ,
Въ оковахъ братья.

Святой Гвальбертъ.

Что-жь тебѣ скажу я?

Лилля Венедда.

Себя въ послѣдней вижу я недолѣ.
Скажи, тотъ Лехъ, имѣеть ли онъ власть
Чтобъ моего отца убить?

Святой Гвальбертъ.

Суровъ онъ.

Лилля Венедда.

Отвѣть мнѣ, что-жь въ твоихъ Богахъ великихъ,
Коли они помочь не могутъ мнѣ?

Святой Гвальбертъ.

Кощунствуешь, дѣвчика, Богъ одинъ есть.

Лилля Венедда.

О, знаю, знаю я. Меня училъ ты
Такъ долго. Я науки не забыла.
Но научи, какъ мнѣ спасти отца.

Святой Гвальбертъ.

Готова-ль ты къ обѣту чистоты?

Лилля Венедда.

Мой отецъ, если тѣмъ отца избавишь,
Какъ мартовскій я буду снѣгъ чиста,

Какъ ландыши среди болотъ, или же
Какъ тѣ цвѣтки, что въ слѣгѣ встаютъ
И погибаютъ, не увидѣвъ грязи.
Достаточно, коль старецъ сѣдовласый
Благословить меня, обливъ слезами.

Святой Гвальбертъ.

Произнеси обѣтъ вотъ здѣсь, гдѣ образъ,
Гдѣ Матерь Бога, на крестѣ за насъ
Распятаго. Свое дѣвичье сердце
Ей въ жертву принеси.

Лилля Венеда.

Какъ говорить мнѣ?
Отдай отца мнѣ, о, небесъ Царица!
А я саму себя отдамъ тебѣ,
Какъ бѣлую, безъ пятнышка, голубку,
И больше ничего не пожелаю,
И ужь ничто меня не загрязнить.

Святой Гвальбертъ.

Она теперь, дѣвчонка, будетъ съ нами.
Слязь, дай мнѣ посохъ. Гдѣ теперь—ты знаешь?—
Стань Леха?

Лилля Венеда.

Въ Римской башнѣ онъ сейчасъ.

Святой Гвальбертъ.

Для стараго недалеко дорога.

(Святой Гвальбертъ и Лилля Венеда выходятъ).

Слязь (одинъ).

Велить мнѣ Дьяволь быть у человѣка,
Который морить голодомъ меня,
Кореньями меня сухими кормить.
Я исхудаль, какъ щепка... Человѣкъ
Однажды въ мѣръ родится, не забудь же
Объ этомъ, сударь Слязь, родился ты...
И разъ одинъ онъ въ мѣръ умираеть,
Такъ не забудь же, сударь Слязь, объ этомъ,
Разъ умираешь, разъ родишься ты.
Итакъ, ужь если ты здѣсь уродился,
Себѣ найди барышъ въ томъ, сударь Слязь.
Итакъ—за поясъ ноги, и гулять!
Въ широкій мѣръ. А чистоту—въ обътъ...
А для чего? Отецъ твой, что-ль, въ неволѣ,
Панъ Слязь? А вдругъ какая королевна
Да влюбится въ тебя, а между тѣмъ
Ты въ чистотѣ, какъ по уши въ болотѣ?
Хотѣлъ бы что иное я найти,
Ненужное, и это передъ Богомъ
Обѣтно принести, чтобы вначалѣ
Немножко благосклонности имѣть.
Вотъ, напимѣрь, въ обътъ я принесу
Привязанность свою до господина...
И сразу въ сердцѣ легче... Эту келью
Пусть дьяволы возьмутъ, ужь ненужна мнѣ,
Пускай сгорить.

(Подкладываетъ огонь подъ стѣны и выходитъ изъ загорающей кельи).

СЦЕНА 3-я.

Зала въ Римской башнѣ.—Входятъ Лехъ и Гвинона.

Лехъ.

Что жь съ этими желѣзными людьми
Мнѣ дѣлать? Подчиняться не желаютъ.
Что съ ними дѣлать, расскажи, Гвинона?

Гвинона.

Совѣтъ мой, сбить ихъ вовсе съ рукъ своихъ.

Лехъ.

Какъ? умертвить?

Гвинона.

Опять, супругъ, ты вздрогнуть,
Боишься завершенности въ дѣлахъ.
Два раза, черезъ этотъ нравъ твой женскій,
Ты потерялъ края, уже почти
Захваченные доблестнымъ набѣгомъ;
Войтелей осталась только горетка.
Всегда ты вѣришь въ счастье и удачу,
И въ эту распаленность жгучей крови,
Которою въ опасность ввергнуть ты.
А въ голову тебѣ и не приходитъ,
Что я дѣтей имѣю, и они
Пойдутъ съ сумой и вынуждены будутъ
Продать за грошъ отцовскій мечъ, коль мы
На тронѣ ихъ не утвердимъ при жизни.

Лехъ.

Все это правда.

Гвиона.

Ты взгляни хотя бы

На брата Чеха: и ему позволилъ
Ввести себя въ обманъ, и онъ, какъ всѣ,
Съ тобою обошелся, какъ съ ребенкомъ:
Забралъ края, которые вы двое
Завоевали, а тебя послалъ
Къ полночнымъ лдамъ. Ну, что жъ, кубарикъ мой
Изъ стали раскаленной, каждый можетъ
Тобю помывать, обжегши пальцы,
Но все жъ, довольный, потому что, если
Закрутишься, такъ крутишься ужъ долго.

Лехъ.

Обмануть я бываю, это вижу.

Гвиона.

Со стороны смотрѣть, еще яснѣе
Все это видишь.

Лехъ.

Что жъ ты замыслиаешь
Со старикомъ Дервидомъ сдѣлать?

Гвиона.

Что?

Довѣрься мнѣ, а самъ иди спокойно
Охотиться; въ бою и съ соколами
Ты много лучше: если жъ нужно дѣлать
Рѣшительное что, томишься ты,
Колблешься. Правъ—львиный у тебя.
Иль спать... иль кровь дымящуюся пить.

Лехъ.

Я знаю это за собой.

Гвиона.

Такъ что же,

Мой тигръ! Дай на отвѣтственность мою
Тѣхъ плѣнниковъ... коль что дурное будетъ,
Ты хорошенько выбранишь меня.

(Лехъ дѣлаетъ знакъ, что даетъ согласіе, и выходитъ).

Грифъ, приведи ко мнѣ сюда Дервида.

(Дервидъ входитъ, какъ узникъ, съ арфой въ рукѣ).

Изъ рукъ его не вырвали еще
Той арфы. Старца всё боитесь вы.

(Подступаетъ къ Дерvidу и хочетъ вырвать у него арфу.
Дервидъ подноситъ вверхъ арфу, какъ бы хотѣлъ ее
ударить).

Дервидъ.

Прочь!

Гвиона.

Видите? Хотѣлъ меня ударить.

Не убивайте. Я поговорю съ нимъ.

Скажи, меня научишь волшебствамъ?

Я слышала, что въ этой арфѣ—духа

Имѣешь ты, которому доступно

Въ грядущее смотрѣть. Чтò это,—правда?

Дервидъ.

Имѣю въ этой арфѣ духа я,

Которому, то, что въ грядущемъ, видно.

ГВИНОНА.

Пусть выйдет онъ, хочу его увидѣть.

ДЕРВИДЪ.

Пока живу я, духъ тотъ будетъ въ арфѣ.

ГВИНОНА.

А какъ умрешь?

ДЕРВИДЪ.

На небо улетить.

ГВИНОНА.

Могу сегодня жизнь твою покончить,

Хочу того я духа увидать.

Нить принести ему, — пусть оживится.

(Къ Дервиду).

Ты вызовешь изъ арфы духа мнѣ,
Иначе же, клянуса я Гекатой
И тѣми престарѣлыми тремя,
Которыя въ Аду ножомъ кровавымъ
Нить обрѣзають жизни человѣковъ,
Погибнешь.

ДЕРВИДЪ.

Никогда, о, никогда,
Колдунья Ада, не услышишь гѣсени
Невольника, и никогда рука,
Что отъ цѣпей тяжелыхъ посинѣла,
Струнъ не коснется. Никогда не будетъ
Слезъ на глазахъ моихъ, пока тѣ слезы
Могли бы на устахъ кровавыхъ вашихъ

Сердечный вызвать смѣхъ. Изъ короля-
Невольника вамъ никогда не сдѣлать
Раба-пѣвца. Та пѣснь, что торошила
Къ кровавымъ битвамъ рыцарей-бойцовъ,
И въ ихъ мечи безсмертность душъ влагала,
И бѣшенствомъ любви къ родному краю
Мечамъ давала зубъ, чтобъ грызть вамъ кости,
И ваши раны ядомъ отравлять,—
Та пѣснь не загромитъ въ неволѣ тусклой.
Вы можете ту арфу взять и бросить
Въ огонь, и руки ваши грѣть на ней,
И ваши трупы лица разрумянить;
Сжечь можете ее, но не дано вамъ
Ту арфу изнаследовать. Попробуй,
И пальцы положи на эти струны,
Сумѣютъ ли они что больше вызвать,
Какъ звукъ, который размѣшитъ людей?
И мыслишь ты, что, если ты положишь
На сердце мнѣ свои кривые когти,
Я этимъ пальцамъ, дергающимъ жилы,
Поддамся, и изъ стона пѣснь создамъ!
О, злая вѣдьма, я, который видѣлъ
Еще сегодня мой народъ, лежащій
На полѣ битвы, какъ одинъ лежалъ бы
Убитый воинъ, нѣтъ, какъ трупъ одинъ,
Я, думаешь, такимъ ужаснымъ видомъ
Совсѣмъ сраженъ и вовсе сталъ покорнымъ?
Попробуй, что ты выжмешь изъ меня,—
Лишь кровь мою, что будетъ обвиненьемъ
Тебѣ передъ народами моими...

Нѣтъ! у меня народа больше нѣтъ...
Но послѣ убійсннаго народа
Какая-то не умираетъ сила,
Передъ которой ты должна блѣднѣть,
И щеки помертвѣлыя твои
Должна все новой-новой кровью красить;
Возьми же кровь мою въ свои прикрасы,
О, черная, и щеки каждый день
Румянь моею кровью, чтобы мужъ твой
Тебя любилъ, и могъ не увидать,
Что кровь твоя—зеленая.

Гвиона.

Ты кончила?

Дервидъ.

Нѣтъ, нѣтъ еще! Я ощущаю въ сердцѣ
Какую-то убійственную силу,
Которая даетъ мнѣ словамъ
Способность убивать, и ты мнѣ служишь
Невольницей, и трупъ твой, мной сраженный,
Является престоломъ новымъ мнѣ.
Стой тутъ, тебѣ я высушу утробу,
Наполню неплотъ грудь, и внутрь тебя
Насыплю гадинь.—О, когда бъ была ты
Не тѣмъ, что есть, а женщиной,—тогда
Я сдѣлалъ бы и горшее, чѣмъ это:
Глаза твои наполнилъ бы слезами,
Тебѣ мои несчастья разсказавъ.
Но ты вѣдь не изъ тѣхъ, что могутъ плакать.

Тебя убить проклятіями нужно,
Заклятьемъ Адъ направить на тебя,
Чтобъ цѣлый Адъ въ тебѣ свирѣпо бился.

Гвиона.

Тотъ старецъ смерти хочеть. Взять его,
И вырвать у него глаза.

Дервидъ.

Помедли.

Пусть взглянуть на тебя еще однажды
Глаза, что будутъ вырваны.

Гвиона.

Прочь съ нимъ!

Дервидъ.

Чрезъ вырванные тѣ глаза пусть Богъ
Посмотрить на тебя.

(Воины выводятъ Дервида).

Гвиона.

Какъ это дивно!

Его глаза сѣдые, съ серебромъ
Сѣдыхъ рѣсницъ, мигъ въ кровь прогрызли сердце...
Мой Грифъ, покличь мигъ Крака и Арфона,
Пускай придуть, и арфой золотою
Немножко позабавятся. Гвионку-жь,
Который всѣхъ моложе, дать глаза,
Какъ вырвать ихъ,—пусть ими поиграеть.

(Входитъ святой Гвальбертъ.—Лилла Венета).

Святой Гвальбертъ.

Христово имя вѣдомо ли здѣсь?

Гвинона.

Кто это? Почему сюда онъ ввущенъ?

Святой Гвальбертъ.

Спять стража, свѣтлымъ чудомъ сражена.

Гвинона.

На головѣ твоей, какъ у Гекаты,
На сѣдинѣ—червонный мѣсяць.—Кто ты?

Святой Гвальбертъ.

Я съ глазъ людскихъ срываю мраки тучъ,
И въ солнечныя души свѣтъ несу я,
Жизнь вѣчную даю я бѣднымъ людямъ.
Склони главу свою, кто-бъ ни была ты.

Гвинона.

Какой-нибудь волшебникъ.

Лилля Венедя (къ святому Гвальберту).

О, владыка,

Поговори теперь въ мою защиту.

Святой Гвальбертъ.

Пришелъ во имя Бога моего
Просить объ угнетенныхъ. Предъ тобою

Дочь короля страны, что сражена,
Отец и братья—у тебя въ неволь,
Объ участи ихъ молить.

Лилля Венедд.

О, царица,
Пришла просить я за отца и братьевъ.
Зачѣмъ глядишь такъ строго на меня?
Вѣдь я покорна, и пришла слезами
Омыть твои стопы, тебѣ я буду
Служанкой, полотно твое бѣлить,
Твоихъ коровъ доить, твоихъ скворцовъ
Я научу, чтобъ день и ночь хвалили
Они тебя за моего отца
И братьевъ. А въ глаза мои ты будешь
Какъ въ зеркало смотрѣться, будешь видѣть
Себя въ нихъ доброй, кроткой, и веселой,
Красивой,—и, сама себя увидя,
Себя любить ты будешь; я же буду
Тебя любить еще сильнѣй, чѣмъ ты
Сама себя любить способна будешь.

Гвинона.

Пришла ты слишкомъ поздно.

Лилля Венедд.

О, не надо!

Не говори такъ! Я сюда летѣла
Какъ голубь къ голубятѣмъ. И когда бы
Не этотъ старый человекъ, царица,

Ужь я бѣ на шеѣ моего отца
Давно повисла. Гдѣ онъ? Гдѣ отецъ мой?
(Входитъ Дервидъ съ вырванными глазами и возноситъ
руки надъ Лиллей Венедой).

Дервидъ.

Пустите же! Пустите же меня!
Хочу ее своей увидѣть кровью
И мозгомъ. Здѣсь она. Здѣсь, здѣсь, я вижу.
Будь проклята!

Лилля Венедя.

Отецъ, то я, отецъ.

Дервидъ.

Что? Это голосъ дочери моей.
О, небеса! я дочери не вижу.

Лилля Венедя.

Тебѣ, отецъ мой, вырвали глаза.
Совеѣмъ? Скажи, совѣмъ меня не видишь?
Постой, кровь оботру я волосами,
И больше мыть волосъ себѣ не буду,
Но по землѣ дамъ, краснымъ, волочиться,
И, ставши на колѣни въ томъ покровѣ
Чудовищномъ, взывать я буду къ Богу.
Отецъ несчастный! Злые, злые люди,
Преступные! Царица невиновна.
Ты невиновна? Да? Скажи, вѣдь правда?
Свершить такое женщина не можетъ.
Теперь сама страдаешь ты, я вижу.

Отдай мнѣ старца, ради Бога! Все же
Ты можешь видѣть, глазъ онъ не имѣеть,
Лишь двѣ мои зѣницы у него,
Наполненныя горькими слезами.
Отдай мнѣ моего отца слѣпого!

Цервидъ.

Мой соловейчикъ милый, помолчи,
Ты этой вѣдьмы бѣшеной не тронешь.

(Къ Гвинонѣ).

А ты, о, ненавистная, скажи,
Тебя терзаетъ зрѣлице слѣпого
И дочери его, которой видно,
Какъ красно ослѣпленіе отца?
Мученіе ея тебя терзаетъ?
Должно терзать: чтѣ добыла ты, кромѣ
Росинокъ, что изъ глазъ моей дочурки
Исторгла этимъ яростнымъ злодѣйствомъ,
И слезъ еще ужасныхъ, что сочатся
Изъ красныхъ и пустыхъ моихъ глазницъ?
Такъ если ты разстроена своею
Той немощью, безсиліемъ,—попробуй,
Быть можетъ, смерть моя тебя излѣчитъ,
И будешь ты сыта тигринымъ сердцемъ?

Гвинона.

Припомни, я могу тебя убить.

Лилля Венедда.

Жестокая! не можешь, нѣтъ, не можешь!
Нѣтъ власти у тебя такой,—и я

Изъ глубины растерзаннаго сердца
Тебѣ скажу, что ты надъ нимъ безвластна.
Три раза смерть ужасную измысли,
Три раза все окажется напраснымъ.

(Къ святому Гвальберту).

Не правда-ль, старче, что Христова мать
Моей защитой съ ангелами будетъ,
И дастъ побѣду надъ кровавой этой:
Три раза моего отца спасетъ,
И будешь ты красѣть, что такъ бессильна
Передъ моимъ отчаяньемъ послѣднимъ.

Гвинона.

Вотъ дивный вызовъ. Слышали вы всѣ?
Меня дѣвчина эта вызываетъ.
Ужъ я хотѣла ей отца отдать,
Лоскутъ тотъ старый больше мнѣ не нуженъ;
Теперь изъ-за него турниры будутъ.
За сивый волосъ старца, Грифъ, возьми,
Повѣсь его на деревѣ, пусть солнце
Его палить, и вороны клюютъ;
Для большаго мученья пусть земли онъ
Касается концами ногъ своихъ.

Лилля Венеда.

Король гдѣ? Я пойду и королю
Пожалуюсь.

Гвинона.

Иди.

Святой Гвальбертъ.

Проклятье Бога

Да будетъ на кровавомъ этомъ домѣ.

(Выходятъ).

Хоръ двѣнадцати бардовъ.

У старца-короля нѣтъ больше глазъ,
Ихъ вырвали, и дочь его въ терзаньяхъ,
Янтарнымъ сердцемъ плачетъ, а у насъ
Морозъ въ крови, мы въ скорбныхъ трепетаньяхъ.
Но мы—безъ слезъ. Иначе, палачи
Воскликнуть къ людямъ: „Вотъ, они ужъ наши!
Нѣтъ вѣры въ нихъ!“—О, бардъ, терпя, молчи.
А вы, враги, взгляните въ наши чаши.
Въ нихъ кровь. И ждемъ мы молніи изъ тучъ.
Мы ждемъ, что мщенье Божіе заблещетъ.
Коль Богъ молчитъ,—нашъ хоръ гремитъ, пѣвучъ.
Коль хоръ поетъ,—врагъ слышитъ и трепещетъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Поле битвы, ночь. Рука Венера, въ глубинѣ, сжигаетъ кости вонтелей и поетъ.—Слязь входитъ.

Слязь.

Ей-ей, здѣсь труповъ—словно въ полѣ маку.
Глупцы! Когда бы кто ихъ всѣхъ спросилъ:
Вы, дурни, почему не шевелитесь?
Одинъ бы отвѣчалъ: кусочка сердца
Мнѣ не хватаетъ; а другой бы молвилъ:
А у меня въ спинномъ хребтѣ есть стрѣлка,
Малюсенькая стрѣлка; и любой
Имѣлъ бы отговорку, а со мною
Не будетъ такъ. Я буду жить до смерти,
По смерти-жъ будетъ то, что Богъ захочетъ,
И то, что пожелаетъ панъ Гвальбертъ.
Что тамъ за вѣдьма предъ костромъ горячимъ,
Освѣщена пыланьями костей?

Ружа Венета.

Нѣтъ больше царь, здѣсь кто-то есть живой.

Слязь.

Христось, она убить меня готова.

Ружа Венета.

Гадь, кто ты?

Слязь.

Кто со страху умерь.

Ружа Венета.

Путь твой?

Слязь.

Повсюду, гдѣ прикажетъ ваша милость.

Ружа Венета.

Я знаю, кто ты... ты убійцей будешь.

Возьми кинжаль.

Слязь.

Она—изъ сумасшедшихъ.

Ружа Венета.

Передь тобой рѣка болѣзной крови

Изъ этихъ тѣль течеть,

За той водой домъ человѣка,

И человѣкъ тотъ пропадетъ:

Миѣ жизнь его—какъ жизнь собаки,

Его ты долженъ умертвить.

Слязь.

Я?

Ружа Венедд.

Ты убьешь его съ разсвѣтомъ,
Затѣмъ пойдешь и будешь въ этомъ.
Услышь еще. Ты воръ.

Слязь.

Я воръ?

Ружа Венедд.

Ты украдешь,
Ты арфу золотую украдешь,
Которой мой отецъ владѣеть.

Слязь.

Прекрасно!

Ружа Венедд.

Ты ее возьмешь,
И если стонъ въ струнахъ зарѣветъ,
И если арфа возскорбитъ,
Когда у моего отца
Ты украдешь ее,—въ томъ плачѣ
Ее ты, какъ дитя, укрой,
И мой отецъ умретъ, но арфа золотая
Освободитъ народы, разливая
Свой звонъ.
Запомни!

Слязь.

Хорошо.

Ружа Венедд.

Иначе, отягченъ
Тяжелымъ камнемъ, бросься въ воду,
Затѣмъ, что будешь глазъ лишенъ,

И будешь съ сердцемъ разлученъ,—
Ихъ вырву я.

(Отдаляясь, уходитъ въ глубину, къ пламенямъ).

Слязь.

Такъ, значить, долженъ арфу я украсть
И умертвить при этомъ человѣка,
Мнѣ нравится такое приключенье.
Изъ тѣлѣ вдругъ вылѣзаетъ привидѣнье,
Изъ пламенныхъ огней, и говоритъ:
Слязь, ты убійца. Очень благодаренъ,
Что обо мнѣ хорошаго ты мнѣня.
Она жь опять: Почтеннѣйшій мой Слязь,
Ты, ваша милость, воръ. Хотѣлъ за это
Дать тумака ей, а она въ огонь,
Какъ саламандра. Вотъ и говори съ ней.
Хоть бы она, по крайности, сказала,
Повѣсятъ ли меня, какъ буду воромъ?
Ну что жь теперь мнѣ дѣлать?.. Вижу тамъ,
Въ бронѣ златистой, на горѣ, покойникъ,
Пойду-ка, обдеру съ него доспѣхи,
И самъ въ нихъ облекусь: быть можетъ, въ нихъ
Найду себѣ немного я отваги.

(Уходитъ).

Ружа Венеда (напѣваетъ).

Трещить на огнѣ скелеть,
И мозгъ закипѣлъ съ черепами,
Расцвѣтетъ тутъ бѣлый цвѣтъ,
Много лилій, стеблей съ цвѣтами,

О, съ бѣлыми, бѣлыми цвѣтами.
О! о!—о! о!
Труны мои! Труны мои! Труны!
Богъ съ вами!
Труны—въ пламя огней.
Мой милый блисталь здѣсь очами,
Но въ черепъ вползъ къ нему змѣй,
Кровавыми впила устами,
Кровь вышилъ вмѣстѣ онъ съ очами.
О! о!—о! о!
Труны мои! Труны мои! Труны!
Богъ съ вами!

(Отдаляется, пламени гаснутъ).

СЛАЗЪ (входитъ въ доспѣхахъ
одинъ).

Ну вотъ, я нарядился, какъ на праздникъ,
Та вѣдма верещить во всю здѣсь глотку,
А людямъ тутъ желается поспать.
Вотъ, на примѣръ, тотъ гражданинъ, что даль мнѣ
Наряды эти, онъ хотѣлъ поспать,
Покойничка я долженъ былъ прикончить.
Та вѣдма, значить, правду возвѣстила,
Затѣмъ что, разъ добить того, кто жить
Уже не можетъ, значить—умертвить,
Такъ, значить, не добиль его,—убиль я.
Гдѣ-жь заповѣдь такая: Не добей!
Да если-бъ даже заповѣдь такая
Была, такъ я вѣдъ вовсе въ нихъ не вѣрю.
Итакъ... еще могу въ мою защиту

Прибавить, что покойникъ тотъ меня
Просилъ, чтобъ мертвецомъ его я сдѣлалъ...
Онъ такъ сказалъ... ты видишь здѣсь Сальмона,
Изломаны всѣ кости у него,—
Добей же. Ну, и я добилъ, конечно,
И дѣлу тутъ конецъ. Теперь пойду
Въ нарядѣ этомъ къ Леху, и какъ будто
Пришелъ я съ Лехомъ, буду я у Леха
Служить, и будутъ шляхтичъ звать меня.

(Уходитъ).

СЦЕНА 2-я.

Зала въ замкѣ Леха.—Лехъ и Сыгонь.

Лехъ.

Итакъ, ты видѣлъ, какъ Сальмонъ мой сгинулъ?
Какъ смерть къ нему приспѣла, расскажи.

Сыгонь.

Когда враги послѣдніе бѣжали,
И ты на ворономъ своемъ конѣ
Пустился за Венедями, Сальмонъ твой,
Увидѣвъ взгорье, на которомъ встало
Собраніе двѣнадцати Дервидовъ,
И всѣ держали арфы золотыя,
Вѣнчая взгорье ими и собою,
Сальмонъ твой юный, мечъ свой обнаживъ,
И никакого не найдя отпора,
Дервида короли схватилъ десницей

За бороду сѣдую, и совлекъ
Порывомъ рѣзкимъ съ каменнаго трона,—
Какъ вдругъ двѣнадцать золотистыхъ арфъ,
Какъ бы сѣкирь двѣнадцать вознесенныхъ,
На шлемъ Сальмона пало... слышалъ я
Стоишь шлема и двѣнадцатиголосый
Стоишь арфъ... Бѣгу туда... Ужь взгорье пусто,
Лишь трущъ Сальмона тихо тамъ лежить.

Л е х ъ.

Клянусь! Изъ арфъ мнѣ каждая отвѣтитъ
За рыцарскую жизнь своею жизнью.

С ы г о н ъ.

На королѣ отмстила королева.

Л е х ъ.

И какъ?

С ы г о н ъ.

Глаза ему велѣла вырвать.

Л е х ъ.

Клянусь, чрезмѣрно мягко наказанье!
Псы! псы! Воитель, арфами убитый.
Такъ рыцаря убить. Я эту чашу
Хотѣлъ бы кровью всю налить сполна...
Разбитый, какъ горшокъ, и не оружьемъ,
Лишь арфами!.. фу!.. страшно. О, Сыгонь,
Когда бы мнѣ такая смерть грозила,
Срѣжь голову мою, сруби ее.

(Входит Лилля Венеда).

А это что за бѣлая Венедка?

Сыгонь.

Дочь короля.

Лехъ.

Дочь старца-короля,
Который моего убилъ Сальмона?

Сыгонь.

Да, господине.

Лехъ.

Отъ меня чего же

Ей нужно?

Лилля Венеда.

Милосердія.

Лехъ.

Какъ разъ

Теперь во мнѣ замерзло милосердые:
Отецъ твой мнѣ—какъ гадъ какой противный.
Имъ юный рыцарь, рыцарь мой убить.

Лилля Венеда.

Такъ будь не милосерднымъ,—справедливымъ.
Ты тысячи у моего отца
Убилъ—и юныхъ рыцарей, и старыхъ
Друзей, а между тѣмъ твоя жена
Глазъ даже не оставила ему
Поплакать надъ долею своею.
Все у него вы отняли! ахъ, все!

И даже утѣшеніе, которымъ
Рыдающей немножко облегченъ:
Черезъ завѣсу слезъ увидѣть небо,
Или лицо того, кто вмѣстѣ плачетъ,
Иль щеки нѣжной дочери своей,
Которая, желая быть веселой,
Лицо свое надеждой озаряетъ.
Владыка, все вы взяли у него,
Все отняли, осталось только сердце
Его несчастной дочери! Иди,
Иди же, Лехъ... увидь его... и будешь
Ты плакать!.. Ну, иди, иди же, Лехъ!..
Виситъ онъ на дворѣ твоёмъ, привязанъ
За волосы сѣдые... Онъ страдаетъ,
Онъ голоденъ. Иди, и посмотри,
Что сдѣлали они съ моимъ несчастнымъ
Сѣдымъ отцомъ!.. Глаза твои не слѣпы,
Взгляни же, Лехъ, и если этотъ видъ
Въ тебѣ не разогрѣетъ милосердые,
Такъ, можетъ быть, ты, Лехъ, не человѣкъ.

Лехъ.

Сыгонь, моя Гвинона тамъ сбѣсилась
И мѣру перешла.

Лилля Венеда.

О, господине,
Она передъ висящимъ этимъ старцемъ
Твоихъ дѣтей злодѣйству научаетъ,
И называетъ моего отца

„Король“, а эти малые за него
Щебечуть и чирикаютъ: „Король,
Король“,—и, взявши камешки, бросаютъ
Въ его пустые красные глаза.
Иди же, Лехъ, и посмотри на ужасъ,
Иди, и этой женщины скажи,
Что нужно наказать ее, что малыхъ
Твоихъ дѣтей она преступно портить,
Изъ нихъ цареубійцы возрастутъ;
Когда они тебѣ „Король“ промолвятъ,
Бояться будешь,—какъ они сейчасъ тамъ,
Совѣмъ какъ галки, каркая, кричатъ:
„Король, король“. О, Лехъ, поиди, взгляни же...

Лехъ.

Итакъ, Сыгонь, совѣмъ грѣшно не будетъ,
Моей любезной крылья пообстричь...

(Выходить).

Лилля Венедя.

Онъ вызволить отца изъ рукъ ихъ страшныхъ...

(Уходить).

СЦЕНА 3-я.

Дворъ въ замкѣ. На одной изъ боковыхъ стѣнъ видна тѣнь
Дервида, привязаннаго къ вѣткѣ дуба. На передней части
сцены Гвинона, Кракъ и Арфонъ.

Кракъ.

Мать, не хочу я больше камнями
Бить того старца. Онъ ужъ недвиженъ.

ГВИНОНА.

Кракъ, ты, какъ выростешь, бабою будешь.

КРАКЪ.

Нѣтъ, мой братишка, Арфонъ, будетъ бабой,
Я же, какъ батюшка, рыцаремъ буду.

ГВИНОНА.

Хочешь быть рыцаремъ? Чуть я сказала,
Чтобы изъ лука ты выстрѣлилъ въ сердце
Этому старцу, завылъ, какъ щенокъ, ты:
„Нѣтъ, я жалю, старикъ этотъ—добрый“.
Срамъ тебѣ, чижики ты, чижики, не мальчики.

КРАКЪ.

Что-жь тотъ старикъ тебѣ сдѣлалъ, Гвинона?

ГВИНОНА.

Что? А Сальмона ужь, Кракъ, позабылъ ты?
Помнишь Сальмона, который тебя
Вздить верхомъ научилъ, съ гарцованьемъ?
Старецъ Сальмона убилъ, и Сальмонъ
Больше сюда никогда не вернется.

КРАКЪ.

Старецъ вотъ этотъ Сальмона убилъ?

ГВИНОНА.

Видишь? Ужь ручки ты стиснулъ въ кулакъ,
Вотъ ужь ты гнѣвный... Арфонъ, дай братишкѣ

Лукъ твой... отдай ему. Лучше тебя
Выстрѣлить онъ.

Арфонъ.

Ну, и самъ попаду я.

Гвинона.

Съ арфой своей забавляйся, иди,
Лукъ же братишкѣ отдай.

(Давая Краку лукъ).

Мѣтся въ сердце.

Въ сердце. Ты знаешь, гдѣ сердце?

Кракъ.

Я знаю,

Бьется во мнѣ оно громко сейчасъ.

(Цѣлится изъ лука въ ту сторону, гдѣ находится мучимый
Дервидъ. Входятъ Лехъ, Сыгонъ и Лилля Венедъ).

Лилля Венедъ.

Видишь, отца моего убиваютъ.

Лехъ.

Гвинона, пусть онъ лукъ сейчасъ опустить,

Вели ему, не то, клянусь, его,

Какъ макъ, перерублю свою саблей.

Что-жъ это?.. Тутъ отецъ у васъ ничто?

Лукъ опусти! Ты слышишь? Опустить же,

Или тебѣ расколочу я лобъ!

Гвинона.

Кракъ, опусти свой лукъ, отецъ такъ хочеть...
На что же ты такъ гнѣвнень, человекъ мой?

Лехъ.

Не гнѣваются? Не гнѣваться я долженъ?
Когда я вижу собственныхъ дѣтей
Въ ругательствѣ надъ царскою неделей?
Клюютъ живое мясо, какъ орлята.
Что-жь это? или дѣти у меня
Воспитаны, какъ мясникомъ собаки?...
Щенята, прочь отсюда, говорю!

(Дѣти отходятъ).

Ужь будетъ этихъ ужасовъ, Гвинона.
Вели, чтобъ отвязали старика.

Гвинона.

Ты господниъ. Вели, чтобъ отвязали.

Лехъ.

Ужь въ гнѣвѣ?

Гвинона.

О, проклятый день, когда
Я допустила, чтобъ меня умчали
Съ Исландскихъ береговъ, чтобъ здѣсь была я
Невольницею гнѣва твоего
И прихоти твоей непостоянной.
Мнѣ лучше было-бъ съ моремъ обручиться
Или съ огненълающимъ вулканомъ,
Иль быть супругой Никсовъ, Домовыхъ,

О, лучше-бъ, да, въ сто разъ миѣ лучше-бъ
было,

Чѣмъ съ немущимъ рыцаремъ моимъ
Бродить по свѣту, видя поруганья,
И въ днѣ быть неувѣренной въ одномъ,
Что любить мужъ меня. Онъ какъ же любить,
Тотъ левъ рычащій? Иль грызеть миѣ сердце,
Или ласкаетъ дланію желѣзной.

И какъ онъ угождаетъ миѣ? Онъ утромъ
Миѣ угодить, а вечеромъ караетъ.

За вѣрную любовь какъ награждаетъ?
Что утромъ дастъ, то вечеромъ возьметъ.

И я не знаю, что, ему жена я

Или слуга? Мила или горька?

Въ его умѣ достойна иль подла?

О, Лехъ, коль навсегда такъ быть должно,

Ужъ лучше прогони меня,—пойду я

Босая въ темный лѣсъ, къ волкамъ, къ медвѣ-
дямъ,

Имъ угождать, къ нимъ ластиться, ласкаясь,

И ихъ о нѣжной жалости просить.

Стыдишься; ничего не отвѣчаешь?

Да, потому, что благороденъ ты,

И вѣдаешь, что правота за мною.

Сегодня отдалъ миѣ того Дервида,

Впервые я сказала: Онъ миѣ вѣрить!

Все-жъ вѣрить!—Вотъ, и снова—заблужденье.

Идите всѣ, взглянуть, какъ рыцарь Лехъ

Свое передъ женою держитъ слово.

Его святому слову довѣряя,

На это слово я свое дала:
Свое святое слово онъ ломаетъ,
И опозорить я себя должна,
И не свершить того, въ чемъ поклялась я...
Ну, дѣвушка, иди сюда! Сегодня
Ты билась объ закладъ, что твоего
Отца три раза вырвешь ты у смерти,
А я пообѣщалась, что отца
Тебѣ отдамъ, коли его у смерти
Трикратно вырвешь ты. Ну, что-жь, легко
Тебѣ закладъ твой взять у королевы,
Чью честь не защищаетъ мужъ и рыцарь.
Такъ тѣшься.—Ты же, Лехъ, въ честь той юницы,
Въ честь дѣвы той, ты выпьешь кровь мою,
Меня ты знаешь. Такъ смотри, запомни,
Что говоришь съ Исландской королевой!
Я не привыкла знать такой позоръ.

(Хочетъ уйти).

Лехъ.

Стой!

Гвиона.

Ухожу и тотчасъ съ башни сброшусь.

Лехъ.

Стой, женщина!

Гвиона.

А какъ меня не будетъ,
Для арфы золотой своей велишь ты
Струнъ понадѣлать изъ волосъ моихъ,

И этотъ старецъ для тебя сыграетъ
И смерть мою расскажетъ... или вихрь
Исландскій прилетитъ изъ мѣстъ родныхъ
И ротъ прижметъ къ струнамъ, проклятьемъ воя.

Лехъ.

Разжалобилась слишкомъ ты теперь,
Съ тобой не сговоришь.

(Хочетъ уйти).

Лилля Венеда (удерживая его).

О, мой владыка!

Лехъ.

Чего та вѣдьма хочетъ отъ меня?
Всѣ на меня.

Лилля Венеда.

Такъ что-жь, умереть отецъ мой?

Лехъ.

Сто разъ отецъ твой смерти заслужилъ,
Пусть рыцари мои его прикончатъ...
И пусть не слышу больше я о немъ.

Лилля Венеда.

Ахъ, злой! Ахъ, безсердечный! Ну, такъ слушай,
Ты, страшный человѣкъ! И слушай ты,
Кровавая владычица. Найду вамъ,
Чтобъ накормить въ васъ вашу жажду мести,
Такую вещь, такое я измыслю,

Что этот ужасъ въ страхъ васъ вгонить всѣхъ.
Послушайте! послушайте вы только!
Есть сыновья у старца, и они
У васъ въ неволѣ... двое въ плѣнъ попали.
Такъ жребіемъ одинъ пусть выбранъ будетъ,
И въ руки острый пусть возьметъ топоръ,
На сто шаговъ пусть съ топоромъ онъ станетъ,
И бросить имъ въ отца... Хотите вы?

Гвинона.

Пусть плѣнники придутъ.

Лилля Венедд.

Но слушай, слушай,
Король! Коль братъ мой, бросивъ свой топоръ,
Лишь срѣжетъ старцу волосы сѣдые...
Смотри, вонъ тѣ, что свѣтятся прозрачно,
Какъ блѣдно-голубой звѣзды огонь,
Межъ деревомъ и старой головою,
Коль срѣжетъ только волосы ему,
Такъ узниковъ отпустишь ты на волю...
Ты общаешь?

Лехъ.

Кто совершитъ такое,
Тотъ будетъ вольнымъ.

Лилля Венедд.

Оба?

Лехъ.

Оба, такъ...

Лилля Венета.

А мой отецъ?

Гвиона.

Онъ мнѣ принадлежить...

Избавь его три раза такъ, и будетъ

Онъ вольнымъ.

Лилля Венета.

Ахъ, ужели-жь не довольно

Такъ разъ отца избавить, королева!

(Входятъ Лелюмъ и Поделюмъ. Оба соединены плечью такъ,
что правая рука перваго прикована къ лѣвой рукѣ
Поделюма).

Гвиона.

Вотъ узники. Возмутся ли, спроси ихъ,

Сестра, ты въ страшный торгъ идешь за нихъ.

Лилля Венета.

Скажите вы имъ... Вся я трещу.

Лехъ.

Есть вѣсть, что мѣтко мечете топоръ.

Коль кто изъ васъ на сто шаговъ намѣтитъ

Топоръ въ отца и броситъ такъ его,

Что только сръжетъ волосы сѣдые

У старика, висящаго на деревѣ,—

Свободенъ онъ, а также братъ его.

Лилля Венета.

Не захотятъ! они не захотятъ!

Поделюмъ, только въ этомъ есть спасенье,

Единое спасенье для отца;
На деревѣ повѣшенный, умереть онъ,
Ѣсть не дають ему, пить не дають...
Онъ умираеть... Онъ васъ не увидить...
Глаза ему исторгли. Коль топоръ
Ему вонзится въ голову, убивши,
Онъ не увидить сына своего.
Не узреть смерти предъ своею смертью,
Коль онъ умреть... и собственного сына
Въ безжалостности онъ не упрекнетъ...
Возьми топоръ, Полелюмъ... онъ не видить.
Возьми лишь смѣло.

Полелюмъ.

Дай.

Лилли Венедя.

Его не рань.

Полелюмъ.

И что-жь теперь мнѣ дѣлать?

Лехъ.

А, собака!

Ты дѣлишься въ меня.

Полелюмъ.

Ты говоришь,
Что въ моего отца я дѣлить долженъ?

Л е х ъ.

Сгнієшь въ цѣпяхъ, коль слушаться не будєшь.
(Полелюмъ бросаетъ топоръ наземь).

Л е л ю м ъ.

Братъ, ты въ цѣпяхъ,—зачѣмъ же встаєшь?
Полелюмъ, мы невольники. Помысли...
Вѣдь хорошо желѣзомъ ты владѣєшь.
Когда бъ въ тебѣ не сердце, ты попалъ бы;
Такъ сердце на мгновенье отрави,
И думай, что тебѣ ударить нужно
Не въ волосы отца, а въ лоно этихъ,
Вонъ тѣхъ людей, что ощутятъ позоръ
Своей побѣды надъ народомъ нашимъ...
Полелюмъ! вознеси топоръ ужасный;
Прикованный своей рукою лѣвой
Ко мнѣ, невольникъ ты моей десницы,
Ты весь—рука есть правая моя:
Ты бросишь,—твой ударъ, мое страданье...
Иль мы и нашъ отецъ уже навѣкъ
Своею долей сломленными будемъ,
И никогда кровавымъ людямъ тѣмъ,
И никогда имъ показать не сможемъ,
Что можетъ рабъ отчаяньемъ своимъ.
Полелюмъ! мщенья!.. Гасну я въ темницѣ...
Мнѣ нужно солнца... мщенія тебѣ.
Ахъ! будь отважнымъ.

П о л е л ю м ъ.

О, владыки ада!

Братъ, умирая, мучается здѣсь...

А тамъ отецъ... тутъ мнѣ дають топоръ...
Что дѣлать?

Лилля Венеда.

О, мой братъ! О, мой Полелюмъ!
Ты всѣхъ освободишь насъ.

Полелюмъ.

Дай топоръ.

О, Боже! Отвернитесь, чтобы страха
Я не видалъ на вашихъ блѣдныхъ лицахъ.
Такъ волосы вонъ тѣ мнѣ нужно срѣзать...
Тѣ волосы... тѣ волосы сѣдые...
Вы на меня не устремляйте взглядовъ,
Мои глаза затянута слезой.
Ужасно! Вы увѣрены ли въ томъ,
Что мой отецъ не видитъ?.. Лишь скажите,
Увѣрены ли вы?

Лилля Венеда.

Глаза его

Исторгнуты.

Полелюмъ.

Отъ блеска топора
Утратилъ бы глаза онъ, если-бъ люди
Ихъ не исторгли. Ахъ, довольно было
Такую вещь измыслить,—и глаза
Себѣ бы старецъ вырвалъ самъ, чтобъ только
Не видѣть своего убійцу-сына.
О, Боже, до чего-жъ ты человѣка
Доводишь, потерявшаго отчизну!
Глядите же, чтобъ брата мнѣ спасти,

Замучить долженъ своего отца я.
Сестра родная объ убійствѣ просить,
Смѣются люди надъ моимъ терзаньемъ.
Часть мщенья или смерти, о, приди.

Гвинона.

Такъ что же, ты отважиться не можешь?

Полелюмъ.

О, наглая, боюсь своей отваги!..
Ведите же меня туда, откуда
Топоръ я долженъ бросить. Будетъ вамъ
Ударъ Венета страшный долго сниться...
(Окованныхъ братьевъ ведутъ до предѣла метанья топора).

Хоръ двѣнадцати бардовъ.

Гдѣ-жъ справедливость Божья? гдѣ перуны?
Сынъ въ своего отца стремить топоръ.
Все небо въ красномъ заревѣ, тамъ луны
Кровавыя, тамъ молнійный узоръ.
Сверканій дождь ужасный... Миръ трепещетъ!
Что, если въ черепъ стукнетъ лезвее?
Топоръ въ рукѣ дрожить, мигаетъ, блещетъ,
Сынъ, сердце разрывается твое!
Дочь, кровь отца тебя окраситъ въ срамъ!
Бѣда вамъ, о невольники, бѣда!
Вы вашу кровь смѣшали со слезами,
Подстилка вы орлинаго гнѣзда.
Кровь сердца вы даете въ клювъ орлицы,
И снова клювъ ея исторгнетъ кровь.
Раскиньте-жъ вашихъ мщений вереницы!
Пока есть сердце, мести, мести вновь!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Леха. Лехъ и Сыгонь.

Лехъ.

Теперь, Сыгонь, узналъ Венедовъ ты?
Ты знаешь, какъ топоръ метать умѣють?
Въ моихъ ухахъ звенитъ еще желѣзо.
Тревогою удушенъ, застоналъ я,
Надъ головой Дервида увидавъ
Желѣзо, разсыпашее искры.
Боялся я, что въ стонѣ топора
Услышу стонъ зарубленнаго старца,
Но нѣтъ, онъ только руки протянулъ,
И отступилъ отъ древа, какъ видѣнье,
Со срѣзанными ровно волосами,
Кровавыми слезами весь заплаканъ,
Съ лицомъ, въ которомъ божескій былъ смѣхъ...
Такой Венедъ подвиговъ будетъ жить,
Когда исчезнуть и могилы наши...

Ты знаешь что, Сыгонь,—стань тамъ, подь
древомъ,
Какъ цѣль; на волосахъ твоихъ смогу я
Испробовать свой глазъ и вмѣстѣ мечъ!

Сыгонь.

О, Лехъ, я лысъ.

Лехъ.

Ты лысый, это правда,
Вотъ штука въ чемъ; но все-жь у медвѣдей
Хочу я вырвать славу, что спискали;
Сегодня спать не могъ я; а подь утро,
Когда сомкнулъ глаза я, тѣнь Сальмона
Явилась мнѣ, и только говорила
Язвительныя брачныя слова. (Слышенъ рогъ Сальмона).
Что-жь это? слышишь? слышишь рогъ Сальмона?
Передъ вратами замка онъ трубить.
А ты сказалъ мнѣ, что Сальмонъ убить быль?

Сыгонь.

Клянуся Богомъ, видѣлъ трупъ его.

Лехъ.

Но посмотри, Сальмонъ тамъ предъ вратами.

Сыгонь.

Мнѣ кажется, тотъ рыцарь похудѣе.

Лехъ.

А старыми глазами не узналъ ты
Доспѣхи? То Сальмонъ! Идемъ. Сальмонъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА 2-я.

Та же самая зала.

ГВИНОНА (входит).

Что слышу? То Сальмонъ трубить... О, Боже!
Едва нашла ужасныя я муки,
Чтобъ отомщенъ онъ былъ,—онъ тутъ, живетъ.
Такъ значить такъ, что сердце привыкаетъ
Къ тому, что неизбѣжно, хоть бы это
И очень было страшнымъ, и не хочетъ
Вернуться изъ отчаянія въ радость
Минувшую, и снова съ мертвецами,
Которые вернулись, говорить;
И значить такъ, что тѣ мѣста, въ которыхъ
Черезъ умершихъ стало сиротливо,
Разъ опустѣли, и должны быть пусты,
Дабы надежды наши не мѣнялись,
Надежды, что мгновенно паутину
Задѣлываютъ тамъ, гдѣ Рокъ прошелъ,
Чтобы не видѣть въ ней пустыхъ разрывовъ.
Метить за него хотѣла... онъ приходитъ.
Безъ цѣли мечь теперь и безъ причины,
А между тѣмъ она ужъ начата.
Горячій змѣй любви моей нечистой
На прежнее свое приходитъ мѣсто,
Въ остывшее идетъ опять. И нужно
Все снова начинать, и никогда
Увѣренной не быть въ концѣ пришедшемъ!
(Лехъ, Слязь, въ доспѣхахъ, его несутъ на рукахъ рыцари,
Сыгови).

Сыгонь.

Сальмонъ! Сальмонъ! Да здравствуетъ Сальмонъ!

Лехъ.

Привѣтствуй же его и ты, Гвинона!
Несите кубки... Кто не пьетъ сегодня,
Я самъ поговорю съ нимъ! Какъ же ты,
Сальмонъ, отъ смерти спасся?

Слязь.

Тотчасъ я

Все расскажу, лишь на ноги поставьте,
Чтобъ я стоялъ на собственныхъ ногахъ.
Такъ, я Сальмонъ, Сальмонъ я безъ сомнѣнья,
Сальмонъ я зачарованный, и лучшій,
Чѣмъ тотъ Сальмонъ, что не былъ зачарованъ,
Душа Сальмона въ тѣлѣ я другомъ.

Лехъ.

Шлемъ подними, пусть я тебя увижу.

Слязь.

Э-эхъ, и шлемъ мой также зачарованъ,
Какъ въ немъ замкнулся, такъ вотъ и сижу...
Въ проклятой клѣткѣ!

Лехъ.

Что ты говоришь?

Слязь.

Пускай погибну, ежели солгалъ я.
Не я хожу въ томъ шлемѣ,—шлемъ со мною

Повсюду волочится здѣсь по свѣту,
И будетъ такъ держать меня, покуда
Онъ не захочетъ голову мою
Освободить, чтобы она поѣла.
Шлемъ этотъ ѣсть не хочетъ, ротъ закрыль,
И не откроетъ, дьявольская клѣтка,
Проклятая машина,—создана,
Чтобъ голодомъ замучить человѣка.

Гвинона.

То не Сальмонъ, о, рыцари, срубите
Съ плечъ голову ему!

Слязъ.

Сальмонъ, клянусь!

Гвинона.

Сальмонъ вчера убить былъ.

Слязъ.

Быль убить я

Вчера, до самой смерти былъ убить.
Почтенные, мечей не вынимайте,
Затѣмъ что, если вы теперь меня
Убьете, жить я болѣе не буду.
Убийство—это лишь на разъ одинъ;
Разъ удалось, другой же не удастся
Ходить по смерти.

Лехъ.

Что же ты? Ты духъ?

Слязъ.

Мечи вложите въ ножны, я отвѣчу.

Лехъ.

Коль не Сальмонъ ты,—смерть.

Слязъ.

Но я Сальмонъ.

Лехъ.

Такъ говори же какъ Сальмонъ.

Слязъ.

Вотъ штука:

Разъ зачарованъ, это невозможно.

Лехъ.

Кто жь эту чару бросилъ на тебя?

Слязъ.

Кто? А вчера лежалъ я мертвый въ полѣ;
Какая-то вдругъ вѣдьма, что сжигала
Тамъ трупы, подошла ко мнѣ въ упоръ,
И за ноги взяла. Что жь, ничего,
Я мертвый былъ, не говорилъ ни слова;
Но великанша страшная меня
Швырнуть въ огонь хотѣла,—я вѣдь мертвый;
Ну, началъ я кричать... и эта вѣдьма
Мои пустила ноги... ну, я всталъ,
Ну, въ гнѣвъ она пришла, что я не умеръ,
Зачаровала, выпула глаза,

Дала глаза другіе мнѣ на память,
Глаза косые, сѣрые, у кошки
Ихъ вырвала она, и я увидѣлъ
Въ ночи, что измѣнила мнѣ и носъ,
Клювъ аиста взяла, и прилѣпила
Къ лицу мнѣ между глазъ; ну, я стыдясъ
Такого носа, опустили забрало,
Потомъ хотѣлъ поднять,—не тутъ-то было,
Забрало не желаетъ подниматься;
Вотъ, рыцари шляхетные, что было,
И ежели хотите убѣдиться,
Какъ эта вѣдьма страшно измѣнила
Меня своими чарами, тогда
Изъ милосердья шлемъ мой растворите.

Г в и н о н а (открывая шлемъ Сляза).
О, небо!

С л я з ъ.

Какъ находите меня!

Г в и н о н а.

Страшилище худое!

С л я з ъ.

Что худое,—

Худое. Мой владыка надо мною
Завялся анатоміей.

Г в и н о н а.

Владыка?

О комъ ты говоришь?

Слязъ.

О комъ? О Богъ.

Лехъ.

Но эта вѣдьма не зачаровала
Безстрашное твое мужское сердце?

Слязъ.

Что сердце? Для чего на сердце—чары?
Такого носа развѣ не довольно?

Лехъ.

Изъ всѣхъ моихъ вонтелей ты былъ
Красивѣйшимъ, теперь же странно гадкій.

Слязъ.

Увидите, лишь дайте мнѣ поѣсть,
Какъ потолстѣю, буду не противенъ.

Лехъ.

О, если бъ Богъ вернулъ тебѣ твой видъ!
(Уходятъ всѣ, кромѣ Гвиноны).

Гвинона.

Какой-нибудь обманщикъ, что одѣлся
Въ Сальмоновы доспѣхи. Легковѣрны
Всѣ рыцари. Обманомъ самымъ малымъ
Легко ихъ обойти; и хотъ замѣтать,
Что нить мишурна, не хотять распутать
Всего клубка; одни чрезъ лѣнь свою,

Другіе въ этомъ выгоду увидятъ,
Или забаву; черезъ доброту
Даютъ взрости той поросли обмана,
Стыдятся за другихъ, за тѣхъ, которымъ
Стыдиться нужно. О, народъ тупой,
Ихъ руки сильны, головы не мыслятъ,
Хотѣла бъ въ нихъ мою я твердость влить,
Иначе... первый взрывъ грозы... и только,
Ихъ больше нѣтъ. Я покажу имъ мысль,
Что вѣчно смотритъ зорко въ сердце вражьё,
Какъ остріе кинжала; покажу,
Что значитъ воля женщины,—какъ можно
Глухою быть на посторонній стонъ,
Какъ нужно взоръ вонзить до глубины
Того, что разъ въ себѣ рѣшилъ, какъ цѣль.
Коль ничему не научу,—бѣда имъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА 3-я.

Поле около лѣса. Лилля Венеда, Лелюмъ и Поделюмъ въ
цѣпяхъ.

Лилля Венеда.

Вотъ вы свободны. Пусть Ружа Венеда
Вамъ на рукахъ разорветъ эти цѣпи,
Я же къ отцу ворочусь, что въ неволѣ,
Только три дня, и живого верну.
Лелюмъ, была я твоей нареченной,
Нынѣ жъ невѣста я смерти печальной,
Можетъ быть, я не вернусь никогда ужь,

Можеть, не свидимся мы никогда.
Не забывай меня! не забывай меня!
Я какъ сестра тебя нѣжно любила,
Я какъ любовница вѣрно любила,
Нынѣ люблю какъ идущая въ смерть.
Помнишь, какъ дѣти мы малыя были,
Мы на колѣняхъ—предъ арфой стояли,
Съ той и другой стороны черезъ струны
Мы поцѣлуемъ мѣнялись съ тобой;
Черезъ золотыя съ тобой цѣловались,
Стономъ струны поцѣлуи кончались,
Предвозвѣщенье судьбы это было,
Въ арфѣ отцовской нѣвучіи былъ стонъ.

Делюмъ.

Если ты смерть свою раннюю чувствуешь,
Дай цѣлованье послѣднее мнѣ.

Лилля Венеда.

Арфа отцовская въ скорбной неволѣ,
Я же еще не супруга твоя,
Губъ не могу я дозволить коснуться,
Нѣтъ, не могу, хоть пылаютъ уста.

Делюмъ.

О, распусти твои косы златыя,
Спрячься за ними, какъ бы за струнами,
Пусть до коралловыхъ устъ я устами
Нѣжно коснусь черезъ косы твои...

Лилля Венеда.

Нѣтъ, какъ голубка простая, я брошусь
Въ ваши объятя, любимые братья,
Плохо на свѣтъ мнѣ, сумрачно, смутно,
Впрочемъ, обычная повѣсть—моя...
Ну, такъ прощайте. А если какое
Эхо, вздохнувъ, обо мнѣ васъ спросить,
Этому возгласу откликъ вы дайте,
Тихо промолвите въ отвѣтъ: умерла.

(Уходить).

Лелюмъ.

Братъ мой! ты слышалъ? Она умираетъ...

Полелюмъ.

Адекая бездна во мнѣ. И когда я
Противъ отца топоромъ замахнулся,
Въ голову мѣтя, желѣзо крутилъ,
Такъ не страдалъ я, какъ въ это мгновенье,
Слыша ея и твое щебетанье,
Дѣти недоли. Не мучься, три дня лишь,—
Всѣ мы исчезнемъ и будемъ ничѣмъ.

Лелюмъ.

Послѣ меня будешь жить ты, Полелюмъ.

Полелюмъ.

Послѣ тебя?

Лелюмъ.

Потому тебѣ имя
Ворожеею дано. Послѣ смерти
Лелома—будетъ Полелюмъ живой.

ПОЛЕЛЮМЪ.

Ту ворожбу обличу я въ обманѣ...
Буду ль съ гробами жить въ краѣ неволи,
Возлѣ могилъ вашихъ? Солнце, когда ты
Узришь на братскомъ курганѣ меня,
Узришь живымъ, напруги свои очи,
Божьи свѣтильники, чтобъ на безстыдной
Той головѣ, все и всѣхъ пережившей,
Вспыхнули волосы, вспыхнулъ огонь.
Рокъ ворожить, что я буду послѣднимъ,
Тщетно, послѣднею женщина будетъ,
Что-нибудь, можетъ, другое, слабѣе,
Подлое чудо, которому Богъ
Не даль—въ отчаяннѣ власти кончины.
Это чудовище будетъ послѣднимъ,
Солнце исполнится краской позора,
Видя, что можетъ лишь гадамъ свѣтить,
И не посмѣвшимъ скончаться, какъ люди.
Къ ворожеѣ! Смерть укажетъ она!

(Уходить).

СЦЕНА 4-я.

Зала въ замкѣ Леха. Гвиона, Рыцари, Лехъ.

ГВИОНА.

Такъ быть не можетъ, нѣтъ, такъ быть не можетъ.
Съ тѣмъ старцемъ нужно кончить... Приведите
Дервида короля сюда, и арфу
Изъ моего покоя принесите.
Клянусь душой, та дѣва помѣшалась;

Иль помѣшалась, или просто жлива;
О, въ бѣлости ея такъ много красокъ,
Какъ въ голубиной шеѣ... Знаю я.
Игральщица на арфѣ! Предо мною
Чело дерзаетъ, нищенка, возносить!
Вотъ человѣкъ мой.

(Рыцари вводятъ Дервида, ставятъ его передъ королевой,
возлѣ него ставятъ арфу).

Тутъ его поставьте.

Поближе, возлѣ арфы. Человѣкъ!
Съ моей желѣзной волей ты столкнулся...
Такъ слушай. Надъ твоею головою
Блеснулъ топоръ сыновній, но явилъ онъ
Надъ сыномъ и тобою милосердые,
И только малость обрубилъ волосъ,
А голову твою онъ мнѣ оставилъ;
Я, впрочемъ, въ этомъ вижу чародѣйство,
У васъ на лезвяхъ—глаза сыновъ,
А въ арфахъ вашихъ—сердце дочерей;
Вотъ эту арфу я сегодня ночью
Поставила близъ ложа моего,
И каждый часъ ночной она будила
Меня протяжнымъ стономъ, хоть и вѣтеръ
Ея не трогалъ, проносясь въ ночи,
И бабочки ночныя не касались.
Такъ чародѣйству научи меня,
Скажи, какъ неживое ты чаруешь?
И королевной будетъ дочь твоя,
Мой старшій сынъ ея супругомъ будетъ,
Тестъ будешь королевича. Ну, что жъ?

Дервидъ.

Стонала арфа! Говоришь, стонала?
Стояла близь тебя и застонала?

Гвинона.

Ну, что жъ?

Дервидъ.

Тотъ, кто слышалъ арфы стонъ,
Въ три дня умретъ.

Гвинона.

Старикъ умалишенный!
Онъ смертью угрожаетъ мнѣ.

Дервидъ.

Въ три дня
Умрешь.

Гвинона.

А?

Дервидъ.

Слышала.

Гвинона.

Несчастный нищій!

Дервидъ.

Гробница!

Гвинона.

Злополучный!

Дервидъ.

Жертва смерти!

Гвинона.
Невольникъ мой!

Дервидъ.
Царица на три дня!

Гвинона.
Умершій!

Дервидъ.
Ты, крича, какъ песь, охрипла.

Гвинона.
Достаточно еще слюны имѣю...
(Шлуетъ на старца).

Дервидъ.
О, Боги! дайте мнѣ глаза, чтобъ плакать...

Гвинона.
А, заалѣлъ твой ликъ, игральщикъ арфы.

Дервидъ.
Ты олевала кровію меня.

Гвинона.
Воители, глядите, человекъ тотъ
Былъ королемъ!

Дервидъ.
Воители, глядите,
Та гадина вонъ—женщиной была!

ГВИОНА.

Тотъ человекъ почетъ имѣлъ когда-то.

ДЕРВИДЪ.

У женщины у этой былъ отецъ...

ГВИОНА.

Во имя моего отца попросишь,
Тогда прошу.

ДЕРВИДЪ.

Во имя твоего
Отца тебя клянупи проклиная,
И аду отдаю въ трехдневный срокъ.

ГВИОНА.

За то, что я тебя лишила жизни?

ДЕРВИДЪ.

За то, что истязаетъ ты меня.

ГВИОНА.

Такъ чувствуешь?

ДЕРВИДЪ.

Такъ тѣшишься ты, значить?

ГВИОНА.

Натѣшилась, теперь тебя убью.

ДЕРВИДЪ.

Укусишь лишь,—отъ бѣшенства умру я.

Гвиона.

Такъ, значить, моего боишься зуба?

Дервидъ.

Боюсь—болѣзни.

Гвиона.

Рыцари, прошу,
Вы этого безумца пожалѣйте,
Свихнулся онъ. Арфистъ, стань на колѣни!

Дервидъ.

Брось на полъ сердце черное твое,
Подстилкой подъ колѣни.

Гвиона.

Этотъ спорщикъ
Мнѣ надоѣлъ... Пощечину ему.

Дервидъ.

Постой! не то запачкаешь ты руку,
Лицо мое оплевано.

Гвиона.

Такъ что жъ?
Сама должна я короля ударить?
Бери! (Ударяетъ его).

Дервидъ.

О, негодяйка! Пусть же Богъ
Тебя разрушить. Сердце! Пытка сердца!
(Лишается чувствъ).

Гвиона.

Трупъ вынести отсюда. Бросить змѣямъ.

(Рыцари уносятъ Дервида).

Грифъ, посмотри, чтобъ былъ онъ брошенъ въ
башню

Змѣиную.

(Грифъ уходитъ).

О, рыцари безъ сердца
И глухие, они смотрѣли тупо,
Когда во мнѣ мой гнѣвъ все возросталъ;
Когда кипѣла я, стояли молча,
Какъ уличные малые мальчишки,
Науськивая гнѣвъ мой, словно пса.
Молчали всѣ. Когда бъ одинъ лишь только
Ударилъ старца мѣтко-цѣпкимъ словомъ,
Безсиьной женской ярости помочь,—
Остыла бъ я. Но нѣтъ, они молчали;
А я бросалась въ пропасть разъяренья,
Лишенная короны, ненависта
И ненависть внушая,—ненависта
Ото всего ихъ сердца!

(Входитъ Лилля Венеда).

Лилля Венеда.

Госпожа!

Куда несутъ отца?

Гвиона.

На смерть уносятъ.

Лилля Венета.

Скажи, какую смерть ты присудила?

Гвиона.

Велѣла бросить на пожранье змѣямъ.

Лилля Венета.

Пожранье змѣямъ?

Гвиона.

Въ башню, что предъ замкомъ

Въ развалинахъ стоитъ, вчера гляжу я,

И вижу: вьются гадины клубками,

Отвѣчиваютъ полныя слюны,

И съ шорохомъ взбираются на стѣны;

А въ глубинѣ—тамъ гнѣзда змѣй, и видно,

Какъ блещутъ очи, вьются ихъ хвосты,

Протяжный слышенъ свистъ, шипѣнье, шумы,

Какъ будто бы кипящій то котель.

Въ ту темноту ужасную, въ тотъ сумракъ

Свистящій и шипящій, въ то болото

Змѣиное, въ чудовищный тотъ улей

Велѣла бросить твоего отца.

Лилля Венета.

О, Боже мой! О, Боже мой! Отецъ мой

Голоднымъ брошенъ змѣямъ! Милосердья

Къ нему не явятъ змѣи! Умереть мнѣ?

Гвиона.

Ну, что жь, голубка? Нѣтъ уже спасенья?

Нѣтъ выверта? Твой братъ ужь не поможетъ,

Топоръ свой взявъ... И слезы не помогутъ...
Отецъ твой между гадинъ, весь разорванъ,
Ужь, можетъ быть, онъ съѣденъ.

Лилля Венедд.

Эта арфа

Освободить его отъ смерти!

(Хватаетъ арфу и убѣгаетъ).

Гвинона.

Арфа...

Иди, умалишенная, иди.

Что сдѣлаешь, вооружившись арфой,
Коль мечь возникла женщины и змѣи?

(Уходитъ).

СЦЕНА 5-я.

Та же самая зала. Входятъ Лехъ и Сыгонь.

Лехъ.

Сыгонь, тотъ человѣкъ не есть Сальмонъ.
Во время пира въ лобъ ему тарелкой
Одинъ ударилъ воинъ; онъ же, видя,
Что кровь идетъ, воскликнулъ: Укеусу.
Будь то Сальмонъ, онъ закричалъ бы: Саблю.
Ты знаешь, что придумалъ я: его
Ужь при вратахъ поставилъ я на стражу.
Переодѣвшись, бросимся къ нему.
И ежели взамѣнъ того, чтобъ смѣло
Обороняться, будетъ онъ о жизни

Просить, упавъ предъ нами на колѣни,
Какъ пса, повѣшу и велю стегать.

(Входитъ Гонецъ).

Гонецъ.

Лехъ! вѣсти съ поля битвы ужасають.
Взялись Венеды снова за оружье.
Лехонъ, твой старшій сынъ, что былъ оставленъ
За Гонлю, какъ предводитель сотни,
Взять въ плѣнъ.

Лехъ.

Не говорить о томъ Гвинонѣ.
Тотъ старшій сынъ особенно ей милъ.
Вели острить мечи и править также
Щиты, что въ бой послѣдній покривились
Отъ коней. О, Сыгонъ, какъ хорошо!
Бой начать. Сынъ мой бѣдный! Но собаки
Тѣ бѣшенныя плѣнника не смѣють
Убить? Гвинонѣ только ничего
Не говорить, а сына отобью я
Скорѣе, чѣмъ она узнать успеетъ.

Гонецъ.

Среди Венедовъ—страшныя сказанья,
Вѣщанія о битвѣ предстоящей;
Та ворожба идетъ отъ чаровницы,
Красивой, юной; на горѣ на лысой
Пещера у нея въ землѣ изрыта,
Гнѣзду подобна ласточекъ рѣчныхъ.

Лехъ.

Какая жь ворожба, скажи?

Гонецъ.

Вѣщаютъ,

Что будетъ двуголовый вождь у нихъ,
И будетъ онъ имѣть четыре глаза,
Два сердца, щить одинъ, одно копье.

Лехъ.

Двѣ головы, клянусь, ему срублю я,
И этой саблей разрублю два сердца;
Ужь лучше бы имѣлъ онъ два щита,
И два конья, а мозгъ имѣлъ одинъ бы.

Гонецъ.

Бой, говорятъ, при блескѣ молній будетъ.

Лехъ.

Отлично; будетъ видно.

Гонецъ.

Чаровница

Еще рекла, что послѣ этой битвы,
Прикрывшись прахомъ мертвыхъ, черезъ годъ,
Отяжелѣвши, мстителя родить.

Лехъ.

Не для меня та вѣсть и тѣ вѣщанья,
Не для меня. И прежде чѣмъ тотъ мерзкій,

Тотъ пепельникъ взростеть, я буду въ гробѣ,
А сынъ мой на престолѣ. Но чего
Объ этомъ говорить? Всѣ эти страхи—
Для маленькихъ дѣтей: вождь двуголовый
И мститель. Будеть. Ужь темно. Довольно
Тѣхъ бредней. Биться будемъ мы, и это
Прекраснѣ всего. Теперь идемъ,
Чтобы провѣрить мужество Сальмона.

(Уходить).

СЦЕНА 6-я.

Дворъ въ замкѣ Леха. Слязь на стражѣ при воротахъ.—
Ночь.

Слязь.

Клянусь, Сальмонство это нужно кончить.
Оно небезопасно; для него
Не мало нужно; напимѣрь—отваги.
Когда бы зналъ я, что доспѣхи эти
Обязанность такую налагають,
Не трогалъ бы я ихъ... не прикасался бь
Къ вещамъ, чье имя рыцарство... Что вижу?
Мой прежній господинъ къ вратамъ идетъ.
Раскроется обманъ... держись покрѣпче
За плечи, чтобъ не спала голова.

(Слышенъ стукъ въ дверь.—Слязь открываетъ дверь и, уви-
дѣвъ святого Гвальберта, загораживаетъ ему входъ але-
бардой).

Кто ты?

Святой Гвальбертъ.
Я въ этотъ домъ несу поклѣи.

Слязь.

Такъ не войдешь. Войной мы существуемъ.

Святой Гвальбертъ.

Пусти меня, я къ Леху, мощный рыцарь,
Пусти,—чтобъ Духъ Святой тебя... Язычникъ!
Я говорю, пусти меня, не то
Лишишься головы. Ты встаешь
На чудо величайшее; сегодня
Надъ озеромъ, какъ бѣлая голубка,
Вся радугою соткана и вѣтромъ,
Межъ синихъ звѣздъ, Христова Мать явилась,—
Сталь на колѣни я, она же мнѣ:
Иди, Дервидъ приблизился къ кончинѣ,
И дочь его, мой голубокъ, отъ боли
Готова умереть. Такъ говоря,
Вся въ радугу, какъ въ ткань, она укрылась,
И ангельская сфера унесла
Явленіе святое, со звѣздами,
И радугой, и съ тысячью лучей.

Слязь.

Чего жъ ты не набралъ тѣхъ звѣздъ въ кошель свой,
Придвернику ты могъ бы заплатитъ.

Святой Гвальбертъ.

Платитъ? Святые ни за что не платятъ.

Слязь.
Какъ?
Святой Гвальбертъ.
Богъ даетъ тому, кто съ Богомъ, все.
Но не держи меня здѣсь передъ замкомъ;
Упрямя ты; мнѣ мой вспомнился слуга.

Слязь.
А кто онъ былъ?
Святой Гвальбертъ.
О, человекъ преподлый.

Слязь.
А гдѣ онъ?
Святой Гвальбертъ.
Взялъ ужь въ адъ его нечистый.

Слязь.
Въ аду?
Святой Гвальбертъ.
Въ аду.
Слязь.
Гм... Доброе извѣстье.

Святой Гвальбертъ.
Меня слуга тотъ подлый обокралъ,
И черепъ сжегъ великаго гиганта,
Въ которомъ келью сдѣлалъ я себѣ;
Въ томъ черепѣ когда-то жили боги

Валгаллы, а теперь сіяла ясно
Дѣвичья чистота въ коронѣ звѣздной,
И возникала чистая молитва.

Слязь.

Слуга невѣрный это.

Святой Гвальбертъ.

Прямо бѣсъ.

Самъ Люциферъ, такъ кажется теперь мнѣ,
На службу поступилъ ко мнѣ, за тѣмъ,
Чтобъ обмануть. Но Дьяволъ не преломить
Могущества Господня, и безсильны
Всѣ искушенья ада. Если этотъ
Безстыдный Дьяволъ въ человѣчьей шкурѣ
Скрывается еще,—подъ дисциплиной...
Но, думается, рыцарь, мнѣ, что это
Не Дьяволъ былъ, ужъ слишкомъ былъ онъ глупъ.

Слязь (въ сторону).

Хотѣлъ бы я, чтобъ перваго онъ мнѣнѣя
Держался обо мнѣ. Ахъ! вотъ находка!
Перемѣню-ка я его въ Сальмона.

(Громко).

Святой старикъ, иди сюда.

Святой Гвальбертъ.

Хваленъ

Всевышнему, язычникъ уже началъ

Въ свѣтъ проникать,—меня святымъ онъ назвалъ,
Отсюда до крещенья недалеко.

Слязь (въ сторону).

Я окрещу тебя, не ты меня.
Тебя усальмоную.

(Громко).

Преподобный,
Ужь ночь теперь, и Лехъ, навѣрно, спитъ.

Святой Гвальбертъ.

А ты мнѣ покажи къ нему дорогу.
Я разбужу его.

Слязь.

Подумай только!
То левъ свирѣпый, онъ тебя пожретъ.

Святой Гвальбертъ.

Что жъ, мученика будетъ то вѣнецъ.

Слязь.

Старикъ, я вижу въ черепѣ твоёмъ
Святомъ сверкають очи василиска,
Меня очаровалъ ты. Ужь готовъ я
Покинуть стражу, хоть за это можно
Лишиться головы, но я готовъ
Тебѣ служить.

Святой Гвальбертъ.

Такъ сдѣлай, а награда
На небѣ будетъ.

Слязь.

Голову на небѣ

Мнѣ, значить, отдадутъ? Въ концѣ-концовъ
Другой награды я и не желаю,
Я голову свою весьма цѣню;
Коль общаешь, что, ее утративъ,
Ее найду, я Леха разбужу.

Святой Гвальбертъ.

Писаніе ты вѣрно постигаешь,
Христось сказалъ: „Кто здѣсь утратитъ душу,—
И для меня,—свою найдетъ онъ душу“.

Слязь.

О головѣ однако нѣтъ тамъ рѣчи?

Святой Гвальбертъ.

Что голова, разъ дѣло о душѣ!

Слязь.

Когда о головѣ не поминаютъ,
Небезопасно это для меня,
Мнѣ голова нужнѣй души.

Святой Гвальбертъ.

Злосчастный!

Я докажу тебѣ, что все мірское...

Слязь.

Ты будешь мнѣ доказывать,—межь тѣмъ
Дервидъ твой умираетъ. Будетъ лучше,

Коль облечешься ты въ мои доспѣхи,
И постоишь на стражѣ за меня,
Я Леха разбуду и ворочуся.

Святой Гвальбертъ.

Давай доспѣхи и отправься къ Леху.

Слязь.

Такъ стой же, старый, здѣсь, коше въ десницѣ
На недруга... на лысый черепъ—шлемъ.

(Въ сторону).

Теперь ему я закрѣпилъ забрало.
Коли открыть сумѣеть, значить, мудръ.

(Громко).

Стой здѣсь... А если спросятъ: Кто?—отвѣтъ:
Сальмонъ. Черезъ минуту я вернусь.

(Выскользаетъ за врата замка и убѣгаетъ).

Святой Гвальбертъ (въ доспѣхахъ,
ходитъ широкими шагами).

Вотъ, Боже, хоть и рыцарское званье,
И хоть они язычники, а есть
Межъ ними люди добрые. Въ кольчугу
Я бранную облекся, Пресвятая,
Взгляни, я твой слуга. Дай только знакъ,
И я, какъ новый Гедеонъ огромный,
Трубою буду стѣны разрушать,
Властителей и грѣшниковъ карая.
Что тамъ за люди бранные, съ оружемъ
И съ фонарями?

(Лехъ и Сыгонъ, съ фонарями, вооруженные).

Лехъ.

Туть стоялъ на стражѣ

Сальмонъ.

Святой Гвальбертъ.

И я Сальмонъ.

Лехъ.

Сыгонъ, взгляни-ка,

Коль то Сальмонъ, онъ снова измѣнился.

Какой-то это мощный чаровникъ.

Ты говоришь, что ты Сальмонъ; Сальмонъ же

Лишится головы, коли не будетъ

Сальмономъ онъ.

Святой Гвальбертъ.

О, небо! я Сальмонъ.

Лехъ.

Взгляни, Сыгонъ, подъ шлемомъ волосъ сивый,

Изъ-подъ щита коротенькія ноги

Глядятъ въ лаптяхъ, какой-то это дьяволь,

Какой-то это очень мощный дьяволь.

О, чаровникъ, коль ты Сальмонъ, по смерти

Одѣвшійся въ дьявольское тѣло,

Я тѣло разрублю твое въ куски,

Чтобы душа твоя, въ огнѣ пылая,

Не знала, гдѣ нарядъ взять... Защищайся!

(Нападаетъ съ мечомъ).

Святой Гвальбертъ.

Я не Сальмонъ, владыка!

Лехъ.

Кто же ты?

Святой Гвальбертъ.

Меня вездѣ Гвальбертомъ называютъ,
Святымъ Гвальбертомъ. Раствори забрало,
Я не могу той клѣтки отворить.

Лехъ.

Какъ тотъ. Совсѣмъ такая-жъ отговорка.
Негодный, ты иную форму принялъ;
Проныра ты... и побѣлѣлъ твой волосъ,
А черный былъ; всего лишь часъ назадъ
Тебя я видѣлъ тощимъ, а животь твой
Теперь объемистъ, — можетъ быть, его
Горящими углями ты наполнилъ.
Клянусь! не буду я игрушкой чаръ.
Воители, сюда.

(Хлопаетъ въ ладоши, входятъ нѣсколько рыцарей).

Сыгонъ, пусть въ башню
Змѣиную тотъ дьяволъ будетъ брошенъ.

Святой Гвальбертъ.

Святая Дѣва, не оставь защитой.

(Воины выносятъ святого Гвальберта, который кричитъ и
вырывается у нихъ. Сыгонъ уходитъ за ними. На крикъ
старца вбѣгаетъ Гвинона).

Гвинона.

Что тутъ такое? Что это за крики?

Л е х ъ.

Чаровника велѣлъ я бросить змѣямъ.
Сальмонъ тотъ, о, жена, злой духъ былъ мощный.

Г в и н о н а.

Сегодня змѣи съѣли человѣка,
И болѣе не голодны они.

(Сыгонъ возвращается).

Л е х ъ.

Сыгонъ! ты что? ты воротился блѣдный?

С ы г о н ъ.

Я возвращаюсь изъ змѣиной башни,
О, господине!

Г в и н о н а.

И ты видѣлъ тамъ

Разорванные члены человѣка,
Которые трещать въ змѣиныхъ пастьяхъ?
И слышалъ гадинъ сумрачныя свисты?
И дѣвушку тамъ стонущую видѣлъ,
Что, наклонившись надъ ужасной башней,
Какъ соловей, на змѣя засмотрѣвшись,
Лишь легкимъ трепетаемъ тонкихъ крыльевъ
Выказывала страхъ?

С ы г о н ъ.

Я видѣлъ тамъ

То, что людского выше разумѣнья.
Вся бѣлая, предъ башней, подъ луной

Сидитъ дѣвица съ арфой и играетъ;
А передъ ней, кругомъ столпившись, змѣи
Такъ выпрямились, какъ волна морская,
Подъятая надъ дѣвушкою той;
Она тѣхъ змѣевъ, пѣсней чародѣйской,
Зачаровала, держитъ ихъ въ покоѣ;
Но ужъ видать, что бѣлая рука
На струнахъ млѣетъ и что пѣснь порвется
Въ голодныхъ пастяхъ змѣевъ съ жизнью дѣвы.

Гвинуна.

А башня, гдѣ тотъ старый человѣкъ?..

Сыгонъ.

Пустая. Въ глубинѣ ея спокойно
Дервидъ-старикъ лежитъ и почиваетъ.
Изъ башни пѣсней выманены, змѣи
Всѣ слушаютъ играющую дочь.

Гвинуна.

За ней побѣда. Вывести изъ башни
Дервида. Змѣи глупые! О, гады
Проклятые! У дочери же арфу
Отнять и выгнать вонъ ее. Дервида
Въ подземную темницу запереть;
Чего не сдѣлалъ змѣй, докончить голодъ.
Посмотримъ, дочь накормитъ ли его.

Сыгонъ.

А съ тѣмъ Сальмономъ что?

Гвиона.

Въ одной темницѣ

Замкнуть его съ Дервидомъ... уморить;

Достойны оба смерти, колдуны.

(Уходить).

Хоръ двѣнадцати бардовъ.

О, Польская земля! Ковчегъ! Земля святая!
Какъ мыслью поглядѣть, кровь льется безъ конца.
Въ минувшемъ слышенъ звукъ, то арфа золотая,
Что утишила змѣй, и имъ дала сердца.

Послушайте же вы. Когда въ пожарномъ свѣтѣ
Звукъ арфы задрожитъ, и издали дойдетъ,

Вы будете-ль стоять, внимать, какъ змѣи эти,

Вы будете ли ждать, какъ влажность синихъ

водъ,—

Пока не стихнетъ пѣнь, и кровь остынетъ снова,

Вновь ползать будете, во рву гниломъ лежать?

Ужь часъ вамъ встать, какъ валъ изъ сумрака

морского,

Ужь часъ вамъ встать, ковать оружье, отравлять!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Леха. Лехъ, Гвинопа, Грифъ. Входитъ Лилля Ведеа.

Лилля ВЕНЕДА.

Въ рубахѣ незавязанной пришла я,
Со мной нѣтъ хлѣба, ничего, пустите-жь
Меня къ отцу, который два ужь дня
Не ѣлъ. Хочу его предъ смертью видѣть,
Спасти была не въ силахъ,—такъ прошусь.
Я лиліями потому увилась,
Я голову въ тѣ водные цвѣты
Убрала, что у насъ кладутъ дѣвицамъ
Умершимъ на остывшее чело.
Владычица, смягчи свою суровость.
Холодныхъ змѣй расчувствовала я,
И такъ ко мнѣ тѣ гады привязались,
Что весь клубокъ ихъ побѣжалъ за мной,
Свистя, шипя, печально, какъ собака

Ворчить, когда ей дорогъ кто-нибудь.
И развѣ виновата я, что змѣи
Хотѣли слушать не мои рыданья
А пѣсню? И коль змѣй холодныхъ я
Растрогала, зачѣмъ въ тебѣ суровость
Умножилась? Завидуешь ли ты,
Владычица, побѣдѣ той, которой
Избавила отца я? Если такъ,
Сочти его своимъ отцомъ,—я буду
Смерть присуждать ему, а ты ему
Защитницею будешь, и, конечно,
Ты побѣдишь,—всегда тотъ побѣждаетъ,
Кто защищаетъ. Нѣтъ, однако, нѣтъ,
Побѣждена я, мой отецъ ужь вѣрно
Отъ голода скончался; я хочу лишь
Его увидѣть тѣло, въ лобъ холодный
Его поцѣловать, глухому тѣлу
Сказать, что не могла его спасти,
Но все-жь, хоть не могла, его любила.
Гляди, моя развязана рубаха,
Со мной нѣтъ хлѣба, пищи никакой;
Быть можетъ, ты боишься, что, какъ только
Дверь отворю, за мной сейчасъ влетитъ
Какая-нибудь мушка золотая
И съѣстъ ее тотъ старецъ?.. О, повѣрь мнѣ,
Владычица, Богъ мушекъ стережетъ
Отъ смерти... будетъ дочь у этой мушки,
Которая ее спасетъ. Лишь я
Совѣмъ одна, нѣтъ никого со мною,
Никто меня не вспомнить. О, прошу васъ,

Велите вы меня впустить къ отцу
Голодному.

Лехъ.

Гвинона, эти слезы,
Клянусь, мой мечъ лишаютъ остроты.

Гвинона.

И ты ей вѣришь? Эти слезы живы,
Она два раза плакала такъ громко,
За эти три рыданія—три раза
Она, коли отца спасетъ отъ смерти,
Потѣшится, смѣясь надо мной.

Лехъ.

Чѣмъ смѣхъ людской вредить тебѣ, Гвинона?

Гвинона.

Лехъ! смѣхъ людской—оружіе убійцы;
Онъ болѣе коронъ съ головъ печальныхъ
Низвергъ, чѣмъ это кажется тебѣ;
О, смѣхъ есть гадъ, что въ сердцѣ пріютится
Осмѣяннаго, и его кусаетъ,
Кусаетъ больно, до крови, покуда
Не изнемогутъ силы въ человѣкѣ,
И онъ себѣ не скажетъ: побѣжденъ.
Смѣхъ въ насъ мертвитъ довѣріе къ себѣ,
Рождая немощь; люди есть, я знаю,
Никто живой надъ ними не посмѣетъ
Смѣяться,—и они царятъ надъ тѣми,
Которыми владѣетъ смѣхъ людской.

Лилля Венедд.

Чего же ты боишься, королева?
Иль здѣсь такіе есть, что посмѣются
Надъ милосердьемъ? Видѣла окно я
Въ твоей опочивальнѣ, никогда
Его не закрываешь ты, затѣмъ что
Въ немъ ласточка свила свое гнѣздо:
Такъ значить милосердіе ты знаешь,
А развѣ надъ тобою кто смѣется,
Что сжалилась надъ ласточкою ты?
Владычица, нашла въ тебѣ я жалость,
Увидѣла тамъ въ сердцѣ. Или нужно
Мнѣ быть еще, еще, еще несчастнѣй,
Чтобъ вызвать милосердіе въ тебѣ?
Вели глаза печальные мнѣ вырвать,
И пожалѣй потомъ, что я слѣпа,
И прикажи впустить къ отцу слѣпому.
Прошу! прошу! вели глаза мнѣ вырвать.

Гвинона.

Какъ жалокъ нищій, если только скукой
Грошъ вынудить.

Лилля Венедд.

О, буду, буду скукой
Томить тебя, покуда не позволишь.

Гвинона.

Грифъ, прикажи впустить ее въ темницу,
Гдѣ голодомъ морять ея отца.

(Лилля Венедд и Грифъ уходятъ).

Лехъ, это по твоей лишь было просьбѣ.
Что-жъ предо мной понурый ты стоишь?

Лехъ.

Гвинона, сынъ нашъ въ плѣнъ попалъ.

Гвинона.

Въ неволѣ?

Въ плѣну мой сынъ? Лехонъ въ неволѣ? Нѣтъ.
Меня пугаешь ты, и самъ не знаешь,
Что говоришь... Сегодня мнѣ онъ снился...
О, Боже, Боже! Сыну я родному
Готовила погибель. У Венедовъ!
Онъ у Венедовъ, мой Лехонъ, мой сынъ!
И дочери такой онъ не имѣеть.

Лехъ.

Жена, я отобью его!

Гвинона.

Лишь трупъ

Ты отобьешь! Лехъ! На коня скорѣе!
Лехъ! на коня! Всѣ рыцари! Сбери
Всѣхъ рыцарей! И если вы живыми
Вернетесь безъ Лехона, я себя
Убью... А вамъ—въ глаза плевать я буду...
Себя убью... Ну, трусы, на коней!
(Выбѣгаетъ).

Лехъ.

Пусть выкричится, крикъ тутъ не поможетъ,
Сегодня за Лехона—сто смертей.
(Выходитъ).

СЦЕНА 2-я.

Дуль.

Слязь (входит).

Моя мамуля,—царство ей на небѣ,—
Мнѣ какъ-то говорила, что чрезъ ложь
Я буду паномъ; это ложь, что было
Ей сказано о лжи; итакъ, должна бы
Она чрезъ эту ложь снискать fortuna;
А умерла, какъ Лазарь, въ наготѣ.
Что до меня, едва чуть-чуть солгалъ я,
Чуть-чуть не усальмонилъ я себя
Навѣки; хорошо, что ухитрился
Я господина моего заставить
Сальмономъ быть (да зрѣть онъ вѣчный свѣтъ),
А самъ изъ замка—по добру-здорову.
Гвальбертусъ, господинъ мой, опочилъ,
Какъ мученикъ, и царствуетъ на небѣ,
Гдѣ онъ святымъ Сальмономъ нареченъ,—
Все, значить, хорошо. Но заковыка
Вся въ томъ теперь, какъ голода бѣжать,
И какъ въ сей пущѣ отыскать fortuna?
Испробовалъ я христіанской пици,
Испробовалъ я рыцарскаго хлѣба,
И все я, какъ соломинка, худой...
Итакъ, панъ Слязь, ты къ дикимъ устремися,
Простая вещь, къ Венедамъ прямикомъ.
Въ какой же масти? Примемъ масть Венедовъ.
Шпіономъ? Фу! совѣмъ я не шпіонъ.
Я—вѣстовщикъ, вѣстунъ того, что ново,

Болтунъ-вѣстунъ, о мщеньи возвѣщатель;
Я—человѣкъ огнепалющей рѣчи,
Кровавы зубы, красенъ мой языкъ...
Итакъ, коль спросятъ: Что, ты Леха видѣлъ?
Еще бы не видать. А что онъ дѣлалъ?
Венеда съ солью ѣлъ. А что Гвинона?
Купалася въ крови дѣтей Гвинона.
Что случилось съ нашимъ старымъ королемъ?
Тутъ я, глаза закрывъ, языкъ наружу:
Finitus вашъ король. А дочь его?
Какъ изъ ведра тутъ слезы проливать я,
И ничего въ отвѣтъ, иль снова ложь.
Столь жалостную выдумку измыслию,
Что искренно увѣруютъ они,
И ѣсть дадутъ... За то, что я поплакалъ. (Уходитъ).

СЦЕНА 3-я.

Зала въ замкѣ Леха. Лехъ, Гвинона и Рыцари.

Лехъ.

Во имя Бога, будь же терпѣлива.
Съ развѣдки мой отрядъ еще не прибылъ.

Гвинона.

Ты говоришь! А тамъ мой сынъ растерзанъ?
О, страшное терпѣнїе твое,
О, глупое! Я ненавижу въ людяхъ
Ихъ терпѣливость! Часто, ждать не нужно,
Но разъ имъ скажетъ кто-нибудь: снѣжи,—

Они найдутъ предлогъ для проволочекъ,
Чтобъ показать свой дальнзоркїи умъ
И воздержатъ пылающее сердце.
Лехъ! знаешь, сколько надобно минутъ,
Чтобъ умерщвленъ былъ безоружный илѣвникъ?
Какая терпѣливость! Что за ужасъ!
О, Лехъ, коли погибнетъ сынъ мой бѣдный,
Тебѣ кричать я буду день и ночь:
Твой сынъ твоимъ терпѣньемъ былъ погубленъ.
Тогда въ упрекахъ буду терпѣлива,
Твое кусая сердце; ты во мнѣ,
Палачъ, возненавидишь терпѣливость!
Убийца сына своего родного!
Дай сердцу моему, о, Боже, грызть,
Грызть что-нибудь, затѣмъ, что я бы стала
Грызть сердце мужа. Знаю, что скажу я:
О, Лехъ, ты трусь!

Лехъ.

Не трусь я.

Гвинона.

Ну, такъ значить,

Ты не отецъ! Что-жь ты?.. Кусокъ желѣза?

Лехъ.

О, это слишкомъ! слишкомъ!.. Ты доселѣ
Была владыкой въ домѣ и хозяйствѣ,
Я подчинялся, чтобъ избѣгнуть криковъ,
И злостью ты наполнила мой домъ.
Клянусь, ужъ, наконецъ, мнѣ скучно стало.

Гореть рыцарей осталась у меня,
Развѣдочный отрядъ и ихъ ослабилъ,
Венеды же съ двѣнадцати краинъ
Сошлись и поле битвы все покрыли.
Тамъ Скиѣмъ исполинскіе, что пьютъ
Кровь, черепа вздымая человѣчи,
Ихъ богъ есть Одинъ; также тамъ Летоны,
Рога на шлемахъ турьи заострились,
И каждый рогъ былъ у живого тура
Исторгнуть; легконогіе Мазоны,
Ихъ головы, какъ у щеглять, въ уборахъ
Червонныхъ, и надъ шлемами у нихъ
Мигаютъ и блестятъ павлиньи перья;
Надъ этою толпой двѣнадцать бардовъ;
Надъ бардами пророчица, вся въ ужасъ
Одѣта, рѣчь ея — удары молній,
На пирамидѣ той людской, вверху,—
И въ этотъ закипѣвшій муравейникъ
Я долженъ съ горстью рыцарей вступить?
Я, что хочу до тла всѣхъ истребить ихъ?
Не ждать, покуда въ грозовую ночь
Мнѣ не помогутъ льющіеся громы?
Ты ошалѣла, женщина... О, да,
Ты ошалѣла!

Гвиона.

Вижу я, тебя
Не переломишь! Сына вижу трупомъ!

Лехъ.

Не плачь, вернется сынъ твой, онъ вернется.

Гвиона.

О, я уже оплакала его!

О, горе! Онъ скончался! Горе! горе!

(Лилля Венедъ входитъ безъ вѣнка изъ лилій на головѣ).

Лилля Венедъ.

Отца я накормила, королева.

Владычица, онъ мнѣ принадлежитъ!

Ты видишь, безъ цвѣтовъ я воротилась,

Въ вѣнокъ лилейномъ жизнь была отца;

Да, жизнь отца на головѣ несла я,

Его спасенье я свила въ вѣнокъ.

Не вѣришь? пусть любой Венедъ расскажетъ;

Тѣхъ водныхъ лилій цвѣтъ насъ бережетъ

Отъ голода, когда плохая жатва.

Не знала ты, что старцу, какъ ребенку,

Вѣнокъ тотъ будетъ грудью материнской,

И будетъ онъ сосать его, смѣяться,

И плакать, и, вздымая къ небу очи

Пустыя, будетъ Бога восхвалять

За дочь и за цвѣты. Отца спасла я,

Теперь онъ мой! Лехъ, договоръ ты слышала?

Такъ пусть твоя жена его исполнить.

Гвиона.

Смотри, смотри, она отца спасла,

И оглушить меня пришла восторгомъ;

Когда же объ отцѣ она кричала,

Я думала о сынѣ, горе мнѣ;

Когда лила въ отчаяніи слезы,

Я въ сердцѣ кровью плакала, скорбя.
Возьми отца, возьми, теперь должна я
Всѣхъ научить васъ милосердыю. Я бы
Своей рукой ласкала вашихъ туровъ,
Прося о ласкѣ къ сыну моему;
Медь состраданья къ вашимъ кислымъ грушамъ
Я привила бы... а шумящимъ соснамъ
Дала бы голосъ матери просящей.
Велите старца привести сюда,
Пойдетъ отцомъ онъ моему ребенку.
(Нѣсколько рыцарей выходятъ).

Лилля Венета.

Владычица, о, какъ добра, добра ты!
Ужь не скажу я, что спасла отца я,
Скажу, что ты отца мнѣ отдала.
Увидишь! сердце радостно трепещеть
Въ томъ, кто поможетъ людямъ несчастливымъ.
(Входитъ Дервидъ и рыцари).

Отецъ, вернемся къ намъ—та королева
Тебя мнѣ отдала. Иди на солнце,
Отецъ родной. И будьте вы здоровы,
Король и королева. Ну, пойдёмъ.
Прощайте же! Прощайте!

Дервидъ.

Дочь! а арфа?

Лилля Венета.

О, королева, видишь, мой отецъ
Отъ радости дрожить, но ты навѣрно

Забыла, что глазами онъ не можетъ
Благодарить,—я плачу за него...
И за отца прося, еще должна я
Назойливою быть: тебя прошу я,
Отдай ему ту арфу золотую,
Что получилъ отъ своего отца онъ;
Верни ему ту арфу, о, верни!

Гвинона.

Ту арфу принести, что приказала
Я въ ящикѣ кедровомъ усыпать.

Лилли Венеда.

Отецъ, ты будешь съ арфой.

Дервидъ.

Отдала?..

Гвинона (въ сторону, къ Леху).

Ты видѣлъ, Лехъ, чуть онъ объ арфѣ вспомнилъ,
Двѣ красныя огромныя слезы
Скатились съ вѣкъ его—ты ихъ замѣтилъ?
То страшно было...

Лехъ.

Женщина, въ чемъ страхъ былъ?

Гвинона.

Ты что-жь,—не понимаешь?.. Или дочь,
Иль арфа здѣсь заложницею будетъ...
Онъ долженъ выбрать межъ двумя, а я

Возму въ залогъ, что выбрано имъ будетъ.
Ты понялъ? Я—безъ этихъ слезъ червонныхъ,—
Помыслить не могла бы, что возможенъ
Тутъ выборъ.

Лехъ.

Вижу, вижу я.

Гвинона.

Молчи.

(Къ Дервиду).

Дервидъ, или сердца у васъ, Венедовъ,
Такія, что насытить ихъ нельзя?
Лишь часъ назадъ, ты, голодомъ терзаемъ,
На коркѣ хлѣба могъ бы помириться...
Теперь же, въ мѣрѣ ласкъ, растутъ желанья:
Дала свободу, арфы пожелаль...
А все возьмешь—и мстить ты пожелаешь...

Дервидъ.

Итакъ, вели въ тюрьму меня отправить;
Нѣтъ въ трунахъ мести.

Гвинона.

Твердый человекъ,
Не задрожитъ ты сердцемъ предо мною?

Дервидъ.

Винь сердце и взгляни.

Гвинона.

Тебѣ даю я
Свободу.

Дервидъ.

Короля хотѣла бѣ сдѣлать
Ты нищимъ? Я ужь съ виду прямо нищій,
Ты въ сердцѣ хочешь нищенства еще?
На дряхлое разсчитываешь тѣло,—
Дрожащія колѣна, помышляешь,
Меня передъ тобою бросають въ прахъ?
Нѣтъ, вѣдьма, нѣтъ. Дочь, дай свою мнѣ руку...
Передъ тобою, вѣдьма, я умру
Такъ, какъ стою,—умру и весь застыну;
Тогда ребенокъ твой—чуть малымъ пальцемъ—
Меня толкнетъ, и я паду... паду...
Но до тѣхъ поръ, пока я живъ, я равенъ
Съ тобою... я король и человекъ.

Гвинона (къ вносящимъ арфу).

Къ нему поближе арфу золотую
Поставьте, пусть опрется на нее.
(Ставятъ арфу возлѣ Дервида. Старецъ одну руку кладетъ
на арфу, другую на голову дочери).
Ты видишь, арфа ростомъ съ дочь твою;
И обѣ, какъ въ неволѣ были, стонали...
Какъ дочери, онѣ рыдали обѣ...
Такъ выбери межъ плакальщицъ одну,
Пусть выбранная въ лѣсъ идетъ съ тобою,
Другая жь дочь, отброшенная, будетъ
Залогомъ, и останется со мной.

Дервидъ.

Дочь! что она тамъ говорить?

Лилля Венета.

Отец мой,
Царица арфу отдасть тебѣ.

Дервидь.

Ту арфу?

Лилля Венета.

Арфу.

Дервидь.

Какъ, ужь отдала?
Идемъ же, дочка.

Лилля Венета.

Я вернусь, царица,
Невольницей твоей... Отецъ, идемъ!

Гвинона.

Дервидь, свою ты арфу покидаешь?..

Лилля Венета.

Не говори такъ громко... Поняла я.
Ужасна ты... О, скалься падо мной.
Коли меня живой имѣть ты хочешь,
Не жаждай, чтобъ я брошена была
Роднымъ отцомъ. Во мнѣ порвется сердце,
И будетъ здѣсь не дочь его, а трущъ,
Струнъ золотыхъ въ моемъ есть много сердцѣ,
Ихъ столько жъ, сколько есть на этой арфѣ,
Но разомъ все порвутся отъ тоски,
Однимъ отцовскимъ сломаннымъ словомъ...
Имѣй и милосердіе къ нему!
Суровая, надъ нимъ ты также скалься!

ГВИНОНА.

Всегда ли будешь, словно малый птенчикъ,
Змѣѣ блестящей крылышкомъ бить въ очи?
Коли сказала я... такъ я хочу.
Кто возбранить испробовать мнѣ сердце
Отцовское? и здѣсь усправедлить
Себя, что я его жестоко грызла?
Скажи отцу сама, чего хочу я.

Лилля Венета.

Безжалостная!.. Эта королева,
Отець, одну лишь дочь тебѣ даетъ.
Возьми дитя, которое поетъ,
Оставь дитя, которое лишь плачетъ.
Меня ты любишь, знаю, о, родной,
Но ты меня не выбирай, отецъ мой,
А то, когда захочешь, несчастливый,
Ты о несчастьи пѣть, во мнѣ найдешь
Лишь эхо плача, въ арфѣ жъ—звукъ безсмертный.
Возьми—что любишь, и люби—что бросишь.

Дервидъ.

О, небо!.. Дочь, гдѣ ты? Тебя люблю я.
Мой голубокъ, иди, веди слѣзного...
Дочурка, проведи меня скорѣе
Отсюда... Дочь моя, а гдѣ же арфа?

Лилля Венета.

Рыдастъ арфа, что ее ты бросилъ.
(Ударяетъ по струнамъ).

Дервидъ.

Ко мнѣ взываетъ арфа?

Лилля Венед.

Да, отецъ.

И стонетъ.

Дервидъ.

Стонетъ? Гдѣ же эта арфа?

Иль это призракъ? только арфы духъ,
Стоящій предо мной въ лучахъ, съ рыданьемъ?
Раскрыль онъ крылья, словно отлетаетъ
Со стономъ плача къ небу... А!..

(Лилля снова трогаетъ струны).

Опять!

Вы слышите, какъ арфа стонетъ... стонетъ?

О, пусть ее руками обойму я!

О, дайте мнѣ ее! Дочь королей!

(Хватаетъ арфу, обнимаетъ ее обѣими руками, и убѣгаетъ).

Гдѣ двери?.. О, воители, гонитесь

Съ мечами, но не дамъ я этой арфы!..

Нѣтъ, этой арфы вамъ я не отдамъ!

(Падаетъ грудью на арфу).

Лилля Венед.

Вы видите, онъ руки окровавилъ

О струны! Встань же, милый мой отецъ...

Глядите, поглядите, положилъ онъ

Уста на струны, онъ цѣлуетъ ихъ,

А струны злыя тѣ уста кровавятъ...

О, струны, вы не дочери... Царица,

Ты видишь, мой отецъ свой выборъ сдѣлалъ;
Но, ежели ты думаешь теперь,
Что оттого я плачу, что отецъ мой
Меня покинулъ, ты за эту мысль
Будь проклята... То радость вырываетъ
Изъ глазъ моихъ сіяющія слезы.
Пусть моего отца никто не судить.
Сегодня старецъ, лиліями сытый,
Такъ цѣловалъ меня въ уста мои
И въ волосы, съ отчаяньемъ безмѣрнымъ
Такъ прижимался онъ, какъ жметса нѣжно
Теперь онъ къ арфѣ, найденной опять.
А если плачу я, такъ потому лишь,
Что вспомнила его я поцѣлуи
Въ темницѣ душевной... и мои же слезы
Взываютъ къ сердцу,—почему я плачу.

Гвинона.

Отъ арфы—старца оторвать.

Лилля Венета (поднимая отца).

Ну, вотъ.

Онъ кротокъ, какъ ягненокъ.

Гвинона.

Слушай, старецъ!

Мой старшій сынъ, Лехонъ, сынъ дорогой мой,
Невольникъ твой, а эта арфа будетъ
Въ залогъ и невольницей моей,
Пока живого не вернешь мнѣ сына.

Дервидъ.

Безъ арфы я отсюда не пойду.

Лилля Венета.

Владычица, я снова на колѣни
Бросаюсь предъ тобой, и со слезами
Тебя молю, возьми меня, ему же
Отдай ты арфу. Или мыслишь ты,
Что сына твоего, коль только живъ онъ,
Тотъ старецъ не отдасть за дочь свою?
Позволь, чтобы его я проводила,
Слѣпой онъ... лишь отца я провожу,
И ворочусь сюда; а что вернусь я,
Залогомъ въ этомъ арфа будетъ пустъ.
Но присягни, что за возвратъ рабыни
Отпустишь арфу-королеви ты;
Коль присягнешь, вернусь я достовѣрно,—
Зачѣмъ теперь мнѣ жить! зачѣмъ мнѣ жить!
Сама ты знаешь, что вернусь я точно.

Гвиона.

Какой залогъ мнѣ—дочь, что нелюбима?

Лехъ.

Клянусь, Гвиона, будетъ! Ужь довольно!
Та дочь—Лехономъ стоитъ десяти.
Я присягаю: ежели вернется
Съ Лехономъ,—будетъ арфа ей, Лехонъ
И вмѣстѣ съ нимъ мое благословенье;
А ежели воротится одна,

Такъ и тогда, богами я клянуся,
Ты за нее отдашь обломокъ этотъ
Древесный, что умѣетъ плакать звонко.

Гвиона.

Ты слышишь! какъ мой мужъ сказалъ, такъ бу-
детъ.

Лилля Венедл.

Спасибо вамъ! спасибо!—Мой родимый,
Тебѣ сегодня вечеромъ доставлю
Я арфу, чтобъ ты могъ на ней играть.
Ты знаешь, что ни разу не лгала я.
Теперь же... до свиданія, владыки.
Невольница придетъ за арфой, Лилля.
Идемъ, отецъ.

Дервидъ.

А гдѣ же арфа?

Лилля Венедл.

Арфа

Идетъ за нами.

(Къ Леху).

Благородный рыцарь!
Въ твоей тюрьмѣ еще остался старецъ,
Невиненъ также онъ.

(Уходитъ съ отцомъ).

Лехъ.

Тотъ чаровникъ.

Сыгонь, вели пустить его на волю.

Такъ много въ людяхъ ангельства, что съ ними
Нельзя быть, какъ съ собаками... изъ башни
Пусть выпустятъ его. А между тѣмъ
Идемте всѣ, чтобъ снарядиться къ битвѣ.

(Выходить).

ГВИНОНА.

Въ кедровый ящикъ арфу положите,
Она ужъ для мѣня—какъ бы Лехонъ.
Нѣтъ, не кладите арфу въ гробъ древесный,
А то казаться будетъ мнѣ, что сынъ,
Что милый мой Лехонъ—въ гробу холодномъ;
А ежели несчастіе какое
Съ моимъ любимымъ сыномъ приключится,
Объ этой арфѣ въ гробѣ вспомню я
И буду думать, что сама я сына
Въ гробъ положила. И тогда природа
Захочетъ это взять себѣ въ примѣръ,
И велѣдъ за этимъ погребеньемъ арфы
Ужасную дѣйствительность измыслить.
За мною эту арфу унести.—
Какой закатъ чудовищный: тѣ стѣны
Какъ будто бы кровавы отъ лучей.—
Грифъ, нынче ночью будетъ буря,—тучи
Ворчатъ. Послѣдній нынче будетъ бой.

(Уходить).

СЦЕНА 4-я.

Пещера ворожеи, озаренная алымъ блескомъ. Ружа Венеда стоитъ передъ отверстіемъ, ведущимъ въ пещеру, и къ заходящему солнцу поетъ рунической призывъ. — Двѣнадцать Бардовъ съ арфами.

РУЖА ВЕНЕДА.

Къ крови, солнце! къ крови, золотое!
Ты, послѣдній блескъ, въ крови погасни!
Въ бой, сюда, орлы, вороны, враны!
Въ бой, сюда, собаки съ смутнымъ воемъ!
Въ бой, сюда, громовыхъ тучъ громады!
Къ бою, шумы вихрей!.. Солнце, гасни!
Вороны, орлы, перуны, вихри,
Дайте знакъ намъ! тучи, дайте знакъ!

(Слышенъ далекій громъ).

БАРДЪ.

Громъ услышалъ, шлетъ глухой свой отзывъ.

РУЖА ВЕНЕДА.

Молніи, ко мнѣ, ко мнѣ скорѣе!
Будьте здѣсь вѣнцомъ надъ головою.
Мстительной—вы будьте волосами!
Молніи, я выйду изъ пещеры,
Въ кровь войду подъ рокотъ вашъ, перуны,
Стану за отцовскимъ я престоломъ,
Буду слушать вопли и стenanья,
Все въ вызѣвахъ крови заалѣвшися,
Увѣнчавшися яркимъ блескомъ молній.

Бардъ.

Что жь тебѣ сказали предвѣщанья?

Ружа Венедд.

Человѣкъ поидеть на человѣка,
Какъ собака къ бѣшеной собакѣ.
Алый громъ съ лазурнымъ будетъ грызться.
Кровь помчить съ собою тронъ Дервида,
Будетъ плыть король съ престоломъ, съ арфой,
Какъ обломокъ льда.

Бардъ.

О, горе! горе!

Ружа Венедд.

Что ужаснѣй, видѣла, блѣднѣя.
Кровь подмыла тронъ, взяла съ собою.
Волосы владыка рвалъ, бросалъ ихъ,
Молніи по вѣтру ихъ палили.
Но молчите, и о томъ ни слова
Не скажите завтрашнимъ убитымъ.

Бардъ.

Страшная, что жь ворожба сказала?

Ружа Венедд.

Я вчера варила кости въ полѣ,
Въ черепахъ кипѣлъ мозгъ человѣчій,
Влажны кости на огнѣ стонали.
Шопотамъ внимая тѣхъ умершихъ,

Очи я замкнула, кровью мажу...
Вдругъ!
Изъ огня ко мнѣ выходитъ призракъ,
И завелъ меня на битву духовъ.
О, внимайте!
Вождь имѣлъ двѣ головы: внезапно
У одной глаза, какъ бы у трупа,
Закатились, на нее упала
Молнійная искра; и печально
Голова, что вотъ была умершей,
Начала бесѣдовать съ живою,
Что-то ей печально говорила,
До тѣхъ поръ, пока не съѣли искры,
Вспыхнувъ, какъ смолистая лучина,
Полный слезъ вѣнецъ нѣмого тѣла.
Въ край другой той битвы я взглянула,
Какъ отъ головни, что погасаетъ,
Отъ полуумершаго отшедши,
Тамъ въ строю стояли люди, ровно,
Ровно, зимно, бѣлые, какъ гробы,
Мечъ валилъ ихъ, если молкли громы,
А порою громъ съ мечомъ валилъ ихъ.
Кто-то тихо выкрикнулъ: Мы гибнемъ!
И толпа... желѣзомъ не сраженныхъ...
И шесть тысячъ пало бездыханныхъ,
Какъ отъ яда... Подошла съ ножомъ я...
Трупъ одинъ ножомъ я растворила,
И нашла, что блѣдное въ немъ сердце,
Что дрожить оно, какъ листъ ольховый:
Плюнула въ уста тому я сердцу,

И другую грудь для птицъ разсѣкла;
Но клубокъ червей нашла въ томъ тѣлѣ
Вмѣсто сердца... Третью грудь расторгла,
Посмотрѣла... грудь была пустая!
Не было въ ней сердца! И, какъ холстъ, я
Поблѣднѣла... умерла во снѣ я,
Увидавъ, что не было въ ней сердца!

Бардъ.

Что же это?

Ружа Венедя.

Надъ могилой нашей

Встанетъ солнце. Но ни слова людямъ.

(Двѣнадцать вождей входятъ въ пещеру. Всѣ одѣты по-разному. У однихъ на шлемахъ турьи, у другихъ олени рога, у иныхъ лишь перо павлина или папи. Панцыри изъ сѣтки, или изъ чешуи. Въ рукахъ огромные мечи).

Ружа Венедя.

Вотъ вожди... Ну, что же, громобуйцы?
Сколько будетъ всѣхъ?

Вождь.

Двѣнадцать тысячъ.

Ружа Венедя.

Пейте же изъ череповъ, надъ смертью
Издѣвайтесь—пусть она повоюетъ.

Вождь.

Что же ворожба тебѣ сказала?

Ружа Венед.

Ежели отецъ мой въ часъ сраженья
На престолѣ каменномъ, коснувшись
Арфы золотой, пѣснь заиграетъ,
Страшную, что три ужъ поколѣнья
Не слышали, то побѣда наша.

Вождь.

Твой отецъ въ неволѣ вмѣстѣ съ арфой.

Ружа Венед.

Вы безъ вѣры!.. Мой отецъ на тронѣ,
На престолѣ черномъ, онъ за арфой
Золотой, какъ за червоннымъ солнцемъ.
Каждый звукъ той арфы словно рыцарь
На конѣ выносятся безумномъ;
Каждый звукъ какъ рыцарь-духъ стремится,
И спихааетъ рыцарей съ конями.
Сколько струнъ есть, сколько змѣй отъ арфы
Выбѣжить съ огнистыми очами,
Войско Леха крыльями окрутить.

Вождь.

Гдѣ же предводитель двуголовый?

Ружа Венед.

Значить, мнѣ не вѣрите? Проклятье!
Бросьте же тѣ чары въ кругъ Дервидовъ.
Въ кругъ труннихъ главъ вождя поставлю.

Вождь.

Не повѣримъ, если не увидимъ.

Ружа Венета.

Ты, что съ золотымъ перомъ павлиньимъ,
На которомъ блески первыхъ молній,
Отвали тотъ камень исполнискій...
Что? Не можешь?.. Пусть тогда двѣнадцать
Всѣхъ десницъ отвалитъ этотъ камень...
Хоть его пошевелить.

Вожди.

Не можемъ.

Ружа Венета.

Такъ рукой души его взнесу я...
Пусть онъ въ адъ уходитъ.

Вожди.

Чудо! чудо!

Вымолвила слово заклинанья,
Тяжкій камень встать.

(Ружа Венета входитъ, отваливши камень, въ подземную
пещеру, и выводитъ Лелюма и Полеюма, прикованныхъ
другъ къ другу цѣпью).

Ружа Венета.

И вождь явился.

Вотъ смотрите! Окровавивъ руки,
Узы—въ одного—двоихъ сковали...
Встань межъ череповъ, вождь блѣдилицей,

Ужь перуны воють неспокойно...

Наложу на васъ оружье.

(Кладеть на чело братьямъ два шлема, и соединенныхъ вооружаетъ какъ одного рыцаря. Исполнскій щитъ, повѣшенный на рукѣ Лелюма, заслоняетъ обоихъ братьевъ. Полелюмъ въ правую руку, свободную отъ цѣпи, беретъ мечъ. Ружа Венеда, вѣшая щитъ, говорить Лелюму).

Охранять щитомъ ты будешь брата.

(Къ Полелюму).

Молніей меча его закроешь...

Горе—кто не выполнитъ, что долженъ!

Горе! Вы—единый рыцарь, мститель.

А когда не будетъ васъ, въ столѣтьяхъ,

Имена связуя, стоишь промчитя.

Надъ двумя смертями стоишь единый;

Скорбь одна останется въ отчизнѣ

О сердцахъ, которыя порвутся,

Скорбь одна, какъ въ сердцѣ материнскомъ...

Крови! крови жертвенной!

Полелюмъ.

Вотъ въ этой,

Здѣсь, въ моей груди найдешь.

Ружа Венеда.

Нѣтъ, крови

Нужно мнѣ невольничьей, чужой.

(Входитъ въ подземелье и выводитъ оттуда Лехова).

Королевскій сынъ. Какой онъ блѣдный.

Посмотрите!

Лехонъ.

Сжальтесь надо мною,
Падь моею молодостью, люди!
Этотъ срывъ подземный полонъ страховъ,
Лица ваши блѣдны, и готовы
Для отмщенья. Знаю, есть у васъ
Право отмщенья надо мною,
Право жизнь исторгнуть изъ меня.
Но, когда бы мать моя была здѣсь,
Гордая такая королева,
Женщина суровая такая,
Васъ она-бъ слезами убѣдила,
Что я нуженъ, нуженъ въ этомъ мѣрѣ,
Какъ луна и солнце... ей и вамъ,—
Что не пригодится ни на что вамъ
Смерть моя, а жизнь пригодна будетъ...
О, молю, меня не убивайте!
Вашъ король у моего отца,
Онъ въ неволѣ, и отецъ отдастъ вамъ
Короля за сына своего;
Дастъ за каждый волосъ мой по нивѣ,
По куску распаханной земли,
А глядите, волосы густые,
Мать моя не разъ ихъ цѣловала...
Матери ни у кого здѣсь нѣтъ?..
Въ сиротахъ еще должно быть бѣльшимъ
Милосердье.

Ружа Венедд.

Не возьму той крови...
Подлая. Иди себѣ стонать!

(Вталкивает Лехона въ подземелье).

Кровь краснѣе въ сердцѣ голубиномъ.

(Входитъ Слязь, ведомый двумя Венедскими рыцарями).

Что за человѣкъ?

Слязь.

Я добровольно

Прихожу... повѣрьте... доброй волей.

Ружа Венед.

Ты Лехить?

Слязь.

Когда-бъ не все почтенъе

Передъ вами, рыцари, а также

Передъ той владычицею, я бы

Оскорбленьемъ счелъ вопросъ. Скажите,

Что собака я... отлично будетъ;

Что сова я... вовсе превосходно;

Листъ я, скажите... неподобно!

Но сказать, что я Лехить... и прямо

Мнѣ въ глаза?.. Когда бы не считалъ я

Неучтивымъ, плюнулъ бы въ глаза я

Тѣмъ, кто вопросилъ, Лехить ли я...

Что же это? Или прямо смотреть

Изъ очей моихъ—обжорство, пьянство,

Грубость, и смертельныхъ семь грѣховъ,

Склонность къ сварамъ, къ огурцамъ соленнымъ,

И къ гербамъ? Обычай присягать,

Ссылку дѣлать на слова магистра?

Овцеводство?.. Это все, такъ прямо,

На лицѣ моемъ? О, если такъ,

Кипяткомъ меня скорѣ облейте,
Первая чтобъ шкура слѣзла прочь.

Ружа Венедъ. (Къ Венедамъ).

Замолчи. Вы гдѣ его поймали?

Рыцарь Венедъ.

Онъ со стороны Лехитовъ шель,
По дорогѣ много разказалъ онъ
Страшнаго. Онъ видѣлъ короля
Нашего, Дервида, онъ замученъ,
А сестра твоя убита.

Ружа Венедъ (Къ Слязу).

Лжешь,

Ты, исчадь ада!

Слязь.

Я клянусь вамъ

Вотъ на этихъ черепахъ, что самъ я
Мщеніемъ киплю, пылаю местию;
Дайте только въ руки что-нибудь,
Мечъ, или рожонъ, и мстить я буду.

(Вехлишвая).

Король тотъ славный! Старецъ тотъ съдой!

Небесная святая королева!

Лишь дайте мечъ, и если нуженъ вождь вамъ,—
Вождемъ я буду; если же вамъ нужно
Лишь человѣка, вотъ, я—человѣкъ;
Вамъ нужно тигра—вотъ онъ тутъ; вамъ нужно
Священника,—прошу, къ услугамъ вашимъ;
Коль нуженъ Ганимедъ,—согласенъ я.

Ружа Венедѣ.

О мести говоришь?.. Местъ подъ землей.

(Береть ножъ и входитъ въ подземелье, гдѣ замкнутъ Лехонъ).

Полелюмъ.

Ночь близится, о Лелюмъ.

Лелюмъ.

Умерла.

Ты слышалъ? Тихе, братъ мой. Миѣ сдается
Что духъ ея—здѣсь на цѣпи межъ нами,
И руку смерти намъ кладеть легко
На голову. Касаніе умершей
Ты слышишь? Съ нами такъ поидеть она
Въ ужасный бой и, глубь сердцеъ увидѣвъ,
Воспрезритъ ихъ, коль задрожать они.
О, Лилля, обручаю нынѣ душу
Съ тобой! Ты улетающаго духа
Возьмешь. О, смерти, смерти, смерти, Боже,
Кровавой! Такъ отрадно быть въ бою!
Несчастнаго не сдѣлаеть Богъ трусомъ.
Гдѣ барды? пусть идуть они за нами.
Гдѣ арфы золотыя ихъ? Но нѣтъ,
Не нужно бардовъ! Мертвые вѣрнѣе
И видять, и поють о тѣхъ сердцахъ,
Что порваны болѣстью, о мечахъ
Разбитыхъ, и о чаяньяхъ погасшихъ,
И знаютъ лишь они, во что цѣнить
Жизнь человѣка,—сколько улетаеть

Людекого счастья въ пламенахъ червонныхъ,
Въ чьихъ блескахъ тлѣеть мертвый богатырь.
До мертвыхъ только дѣло мнѣ, и Бога,
Ни до чего здѣсь больше на землѣ.

(Ружа Венедъ выходитъ изъ подземелья съ дымящимся
ножомъ).

Ружа Венедъ.

Вотъ, посмотрите! онъ красный, мой ножъ,
Въ сердцѣ Лехона былъ... видите, красный,
Кровью помажу я брови себѣ,
Души умершихъ увижу, вы—также...
Въ сумракѣ красномъ явиться должны,
Въ темномъ—коровые, выйдутъ предъ нами,
Старый король, бардъ, и съ нимъ его дочь;
Къ мертвымъ—ни слова, иначе—умрете.

(Входитъ Дервидъ и Лилля Венедъ).

Видите! видите! трупы идутъ.
Изъ-подъ земли я звала ихъ—приходятъ.

Лилля Венедъ.

Вамъ изъ неволи отца привела.
Вотъ вашъ отецъ.

Дервидъ.

Какъ же такъ? Не узнали?
Дочь, посади здѣсь на камнѣ меня.
Что-жь, не узнали?

Ружа Венедъ.

Безъ арфы пришелъ ты.

Дервидъ. (Срывается).

Небо! Пришелъ я, пришелъ безъ очей,
Вырваны очи, но очи заплачуть.
Чуть только вѣсть къ нимъ объ этомъ дойдетъ.
Гадина, арфой ли ты рождена здѣсь,
Если меня ты привѣтствуешь такъ?
Лилля, дай руку, веди меня дальше.

Лилля Венета.

Гдѣ же твой путь, о, родной мой?

Дервидъ.

До змѣй,—

Къ змѣямъ, которыхъ ты такъ укротила
Пѣней, что сердце не будутъ мнѣ грызть.

Лилля Венета.

Милый отецъ!

Дервидъ.

Дочь не дочь, а ехидна;

Въ часъ, какъ враги мнѣ исторгли глаза,
Думалъ я, дочь свои очи исторгнуть,
Вложить глаза свои въ вѣки мои;
Нынѣ же вижу, что вырветъ мнѣ сердце,
Съ тѣмъ, чтобъ въ пустую вложить себѣ грудь.
Арфа! ты—арфа безъ струнъ, чаровница!
Встрѣтить такъ, встрѣтить родного отца?
Какъ приходилъ я сюда, такъ собаки
Съ радостнымъ воемъ бросались ко мнѣ;
Ты же, какъ воронъ, тѣ красныя очи
Видя, голоднымъ въ нихъ клювомъ глядишь,

Слезы червонныя мнѣ выѣдаешь,
Слезы послѣднія. Пусть же тебя
Первая молнія жжетъ, золотая...

Ружа Венета.

Молнія пусть снизойдетъ на меня!
Ибо, король, ты приходишь безъ арфы.
Безъ королевства падешь на костеръ.

Лилля Венета.

Нѣтъ, побѣдить онъ, безъ дочери младшей,
Но черезъ младшую дочь побѣдить.
Видишь, онъ, плача, уѣлся на камиѣ,
Думаетъ, словно какъ аистъ слѣпой.
Будь ему дочерью. Вмѣстѣ со мною
Пусть кто поидетъ, чтобы арфу принестъ.

Ружа Венета.

Что говоришь ты? Какъ арфу отыщешь?

Лилля Венета.

За золотую отдамся сама;
Лехамъ за арфу отдавшись, останусь.

Ружа Венета.

Въ арфѣ побѣда, иди же за ней.

Лилля Венета.

Если, сестра моя, арфы ты хочешь,
Если меня хочешь видѣть живой,
Дай мнѣ Лехона невольника: выдать

Тамъ за мени обѣщалась царица
Арфу,—за сына мнѣ жизнь отдастъ.

Ружа Венедѣ.

Значить, погибли мы, ибо убить ужъ
Сынъ королевы, Лехонъ. (Къ Слязу). Низкій лжець!
Бросить его со скалы.

Лилля Венедѣ.

Не пятняйте
Кровью—рубахи моей погребальной
Въ этотъ печальный торжественный часъ...
Пусть отойдетъ онъ за арфой со мною.

Ружа Венедѣ.

Что говоришь ты? Осмѣлишься ль ты
Къ Леху вернуться?

Лилля Венедѣ.

Сестра моя, съ смертью
Я ужъ спознала; вамъ арфу пришлю,
Вѣрь мнѣ,—коль арфа даетъ вамъ побѣду.
Будьте жъ счастливы въ побѣдѣ своей.

(Становится на колѣни передъ отцомъ).

Благослови меня, отче! Быть можетъ,
Я уже больше сюда не вернусь.
Лютню жъ твою я пришлю золотую;
Если какая застонетъ струна,
Самая малая между струнами,
Въ часъ какъ побѣдную пѣснь запоешь,—
Думай, что это она поминаетъ
Младшую дѣтку твою,—и струну

Съ пѣсней ударь, чтобы не было плача.

(Встаётъ и говорить Слязу).

Въ путь, человекъ! Мы за арфой идемъ!

(Уходитъ со Слязомъ).

Ружа Венедя.

Арфа! Побѣда! Уснулъ этотъ старецъ,

Дочь убаюкала плачемъ его.

Что жь есть отецъ!.. О, смотрите, смотрите!

Спящаго къ трону Дервида несемъ.

Арфа! Побѣда! За радость побѣды—

Сто человѣческихъ въ жертву сердцецъ!

(Уходятъ).

Хоръ двѣнадцати бардовъ.

О, сколько жь нужно жертвъ! и сколько горь-
кихъ слезъ!

Предъ тѣмъ, какъ молніей заблещетъ ночь от-
мщенья.

Вотъ въ кроткой горлицѣ могущество зажглось,
Двѣ братскія руки слились въ одно сплетенье;
Король, что стономъ арфъ задумалъ побѣдить,
Играть звучнѣй... чѣмъ стонъ—людей, что умира-
ютъ;

Ворожея въ крови, съ рѣсницъ ту кровь—не смѣть,
Внимаетъ, какъ мечи съ мечами въ боѣ играютъ;
И видитъ страшныхъ дѣлъ—людскихъ—свершен-
ный ходъ,

Провидитъ Божій судъ...—Когда же ночь глухая,
Изъ вѣры гибнущимъ лицъ солнца создаетъ,
Зоветь грозу, глядитъ... и молній ждетъ, внимая.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Зала въ замкѣ Леха, озаряемая частыми молніями. Лехъ,
Сыгонъ, Святой Гвальбертъ.

Лехъ.

На коней! Передніе отряды
Отступили.

Святой Гвальбертъ.

Именемъ креста,

Дамъ тебѣ побѣду.

Лехъ.

Чье бы имя

Ни давало, я ее беру,

Если же не дашь, ее я вырву.

Святой Гвальбертъ.

Дай коня мнѣ. Нынѣшнею ночью
Пресвятая Дѣва, что была
Сожжена въ моей пустынной кельѣ,
Освятить своимъ явленьемъ трущ

Между всѣхъ достойнѣйшій, — надъ кровью,
Что угодна Богу, явить ликъ.
Прикажи мнѣ дать коня.

Лехъ.

Перуны

Бьютъ, какъ будто валится весь міръ.
Въ бѣгство обратился строй передній,
Мечъ Роланда...

(Входитъ Гвинона въ траурѣ).

Черная жена...

Въ замкѣ будь... и прикажи на башняхъ
Сверху свѣсить звѣзды изъ огня...
Каждый разъ, какъ молніи погаснутъ,
И въ крови я вражьей утону,
Выплыву съ конемъ къ твоимъ сіяньямъ.
Поцѣлуй дѣтей... Ужь вѣрно спятъ,
Такъ дремотенъ этотъ душный воздухъ.

Гвинона.

Плачетъ, видя молніи, Арфонъ.

Лехъ.

Захворалъ онъ, что ли?

Гвинона.

Нѣтъ, испуганъ.

Лехъ.

На коней, воители, а ты
Окна всѣ замкни, чтобы на мѣсто

Мужа не влетѣлъ къ тебѣ перунъ
Красноцвѣтный. Къ битвѣ! Въ бой, Лехиты!

(Выходятъ всѣ, кромѣ Гвиноны).

Гвинона.

Сюда идите, дѣвушки, а то
Одной мнѣ страшно!

(Входятъ дѣвушки).

Что, изъ васъ умѣеть,
Хоть бы какая, сказку разсказать?
Пусть говоритъ, а то мнѣ страшно, страшно,
Какъ въ смертный часъ. Вы знаете, мой сынъ
Навѣрно ужъ не живъ: она за арфой
Отцовской не вернулась... Ужъ, навѣрно,
Мой сынъ погибъ! Но я еще надѣюсь...
Ахъ, какъ ужасно мнѣ! Вы также всѣ
Встревожены, какъ бѣлыя лебедки.
Сегодня ночью страшное свершится...
Дѣвчата, спать идите, я останусь
Одна, и буду сонъ вашъ сторожить.

* (Дѣвушки выходятъ).

Духъ молній страшный въ воздухѣ, ихъ запахъ,
И дивныя какія-то рыданья,
И жалобы, какъ будто бы мой сынъ,
Въ тоскѣ, что брошень, жалуется громко,
Крича: О, мать! О, мать моя! О, мать!
А!

(Входитъ Лилля Венета).

Онъ пришелъ? Мой сынъ пришелъ съ тобою?

(Лилля Венета отвѣчаетъ жестомъ отчаянія).

Не мучь меня, а отвѣчай мнѣ прямо,
Что онъ убитъ, а если онъ живеть,
Скажи, что онъ живеть,—и голубые
Твои глаза я выгрызу, цѣлуя...
Скажи, что онъ живеть. Но если? Если?..

Лилля Венедда.

Ужасна ты...

Гвинона (приближаясь бѣшено,
но медленно).

Но если?.. сынъ мой... если...

Лилля Венедда.

Ждетъ у воротъ...

Гвинона.

Мой сынъ!

Лилля Венедда.

Ждетъ человекъ,

Чтобъ арфу взять.

Гвинона.

Игральщица на арфѣ!

(Хватаетъ ее за шею).

Лилля Венедда.

Владычица, меня ты удушаешь!

Гвинона.

Арфистка!

Лилля Венедда.

О!

Гвиона.

Кричи! кричи! арфистка.

(Срываетъ поясъ и душитъ Лиллю Венеду).

Кричи... Задохлась... Что?.. Ужь безъ дыханья!..

Сюда, ко мнѣ, всѣ дѣвушки, сюда...

Со мною трушъ.

(Вбѣгаютъ дѣвушки).

Дѣвушка.

Что здѣсь за шумъ и крики?

Гвиона.

Что?

Дѣвушка.

Здѣсь упало что-то.

Гвиона.

Это трушъ.

Дѣвушка..

Чудовищно! О, ужась! Ужась!

Гвиона.

Ужась...

Я удушила лентою ее...

Рукой боитесь къ трупу прикоснуться?

А?

Дѣвушка.

Мертвая! Задушена?

ГВИНОНА.

Они

Убили сына у меня...

ДѢВУШКА.

Бѣдняжка!

Бѣляночка! И чѣмъ же провинился
Тотъ бѣдный голубочекъ предъ тобой?
Позволь, по крайней мѣрѣ, уберемъ мы
Ее въ покровъ сребристой бѣлизны,
Нарциссами укроемъ, васильками,
И будемъ надъ умершей грустно пѣть.
Какъ эти грудки круглыя остыли!
Какъ эти ножки зимно посинѣли!
Давайте, сестры, вынесемъ ее,
Изъ этого покоя, гдѣ черезъ окна,
Подсматривая, молніи глядятъ,
Черезъ черныя, несяся мимо съ крикомъ.
Укройте ножки бѣлою рубахой;
Свѣтло намъ умѣхается... Тихонько!

(Выносить тѣло Лилли Венеды).

ГВИНОНА.

Когда ее душила я, во мнѣ
Не мать одна, а десять было скрыто...
Тенерь, въ испугѣ, что во мнѣ всѣ змѣи
Утихли... я какъ трупъ... Что сдѣлать мнѣ?
Ага... я арфу отошлю Дервиду.
Сама броню надѣну... брошусь въ кровь...

(Выходить).

СЦЕНА 2-я.

Поле передъ замкомъ Леха.

Слязъ (стуча въ ворота).

Гей! гей! есть кто-нибудь тамъ? или всёхъ
Убили громъ и молнія? Привратникъ
Повѣсилъ? гей! гей!.. собака воетъ.
Покорнѣйше васъ, госпожа собака,
Прошу напомнить вашей королевѣ,
Что арфы здѣсь я жду... Гей! гей! гей! гей!..
Нѣтъ никого... собаки только воютъ,
Какъ будто вотъ въ кого-то грянетъ громъ...
Гавъ! гавъ!.. чтобы издохла ты на мѣстѣ!
Гавъ! гавъ!.. чтобы въ тебя ударилъ громъ!
Иль чуешь ты, что господинъ твой померъ
И пахнетъ трупомъ? Или предъ тобой
Смерть костяная шествуетъ... Брр... брр...
Мнѣ холодно... Что тамъ за привидѣнья?
(Врата отворяются, выходятъ дѣвушка въ бѣломъ съ факелами, неся замкнутый ящикъ отъ арфы).

Дѣвушка.

Вотъ человекъ!

Слязъ.

Я здѣсь.

Дѣвушка.

Вотъ тутъ замкнута

Дервида арфа; отнеси ее
И передай—Гвинона держитъ слово.

Слязь.

На плечи положите ящикъ мнѣ,
Прекрасныя дѣвчины.

Дѣвушка.

И не медли...

(Уходятъ).

Слязь.

Повсюду на дорогахъ человѣки
Текуть и растекаются, а смерть
Глушцовъ своей косою загребаеть,
А моліи ей съ неба фонарями
Сіяютъ, и зоветъ святой Гвальбертъ
Сіяньемъ вѣка это освѣщенье.

(Уходитъ съ ящикомъ на плечахъ).

СЦЕНА 3-я.

Поле битвы, ночь, полная молій. Входятъ Лехъ и Сы-
гонь.

Лехъ.

Мой Сыгонь! то битва исполиновъ!
Противъ насъ перуны; лишь послушай...
Черезъ ряды, что вырублены были
Вполовину, я ужь пролеталъ...
Ужь глазами досягалъ я прямо
Недругамъ въ кровавое ихъ сердце,
Ужь летѣлъ туда, гдѣ подъ дубами,
Подъ навѣсомъ молніиныхъ огней,

Арфы, старцы, факелы, все въ кучѣ
Стромоздилось, словно овцы въ бурю,
Что въякомъ подь грушею ютятся;
Ужь въ рукахъ имѣлъ я короля...
Вдругъ перуиъ надъ головой моею,
Разорвавшись дробными огнями,
Подо мной убилъ коня.

Сыгонь.

Владыка,
Видѣлъ нѣчто я еще страшнѣй!
Черное страшилище я встрѣтилъ, —
Двуголовый вождь Венедовъ...

Лехъ.

Страшно?

Сыгонь.

Двѣ главы, но на единомъ тѣлѣ,
Обѣ вдругъ сойдутся иногда,
И рога огромные сплетаются,
Иногда одна свирѣпо мечетъ
Змѣевъ на людей... другая смотреть
И сердцецъ глазами ищетъ въ насъ.

Лехъ.

Я его найду. За мной! За мною!..
(Убѣгаетъ).

Сыгонь.

Съдь я... но такой ужасной почи
Никогда не видѣлъ я. Знамена

Утопають въ пролитой крови...
Молнія одно огнёмъ златистымъ
Запалила, и на лица людямъ
Блѣдный свѣтъ излился...

(Входятъ Лелюмъ и Полелюмъ).

Лелюмъ.

Лехъ! Лехъ! Лехъ!

(Нападаютъ на Сыгоня).

Сыгонь.

Вождь Венедовъ мерзкій, если только
Человѣкъ ты, будешь тотчасъ трупомъ.

(Бьются.)

Полелюмъ.

Цѣпь скрути вокругъ него... Свяжи...

(Въ то время какъ Полелюмъ бьется, Лелюмъ оббѣгаетъ вокругъ Сыгоня и закручиваетъ ему цѣпь на горѣ, такъ что Сыгонь остается повѣшеннымъ на цѣпи, которая соединяетъ братскія руки).

Лелюмъ.

Разбѣжимся, цѣпь его удушить.

Полелюмъ.

Ужь хрипитъ... пусти его.

Лелюмъ.

Удушень.

(Развиваютъ цѣпь, Сыгонь валится мертвымъ.)

Дай на лукъ мнѣ стрѣль, отравы полныхъ.

О, когда-бъ отцовской арфы стоишь—
Стоишь одинъ отъ арфы той Дервида,
Были-бъ все тогда—какъ этотъ трупъ.

(Уходить).

СЦЕНА 4-я.

То же самое поле. Лехъ, Сыгонь убитый.

Лехъ.

Сыгонь! ко мнѣ! Сыгонь! опять убилъ я
Двѣнадцать человѣкъ, мой мечъ иззубренъ.
Что вижу я? Старикъ Сыгонь убить.
О, мщеня! мщеня!

(Входитъ святой Гвальбертъ съ крестомъ).

Святой Гвальбертъ.

Короля я слышу,

Онъ стонетъ.

Лехъ.

Посмотри, гдѣ раненъ онъ,
Сними съ него доспѣхи.

Святой Гвальбертъ.

Онъ не раненъ

Нигдѣ, на тѣлѣ знаковъ вовсе нѣтъ,
Но посинѣлъ въ лицѣ, какъ бы повѣшенъ
Иль молніей убитъ.

Лехъ.

О, мщене молнѣямъ!..

(Уходить).

Святой Гвальбертъ.

Язычникъ бѣдный, ну, поидемъ, тебя ужь
По-христіански я похороню.

(Уходитъ, влача за собою трупъ).

СЦЕНА 5-я.

Памятникъ изъ Друидическихъ камней въ лѣсу.—Дервидъ на
каменномъ тронѣ, вокругъ двѣнадцать бардовъ, на двѣнад-
цати каменныхъ сидѣньяхъ, около каждаго—золотая арфа
и факель, воткнутые въ землю.—Рука Венедъ стоитъ за
отпомъ на тронѣ.—Дервидовъ дубъ направо.

Дервидъ

Что же, все нѣтъ еще арфы, а слышу
Стоны народа и шелестъ плывущей
Крови... И нѣтъ еще арфы—о, боги!

(Входитъ раненый Венедъ).

Венедъ.

Раненый я прибѣгаю сюда.
Ломать Лехиты насъ. Люди ждутъ пѣсни.

Дервидъ.

Боже мой! Боже!

Венедъ.

Король, умираю,
Смерть ужь приблизилась... пѣсню играй.

(Падаеть и умираеть).

Дервидъ (встаеть на тронъ и
рветъ свои волосы).

Молніи, бейте въ меня! о, перуны!
Будьте на тронѣ, а я буду арфой!

Царство мое—словно эти сѣдины,
Съ кровью ихъ вырвать, и вѣтеръ ихъ мчить
Рвите же, вихри, миѣ волосы, рвите!
(Входить Лелюмъ и Полелюмъ).

Лелюмъ.

Гибнемъ, отецъ, мы,—намъ пѣсню играй.

Дервидъ.

Нѣтъ у меня многозвончатой арфы.
Гибнете вы.

Ружа Венеда.

Разступитесь всѣ,
Слышу идущую арфу, ужъ слышу...
Бейте въ щиты, чтобъ вожди собрались.
Въ мигъ ихъ безсмертными сдѣлаетъ пѣсня,
Всѣ, что услышать ее, будутъ жить,
Всѣ, что ее не услышать, погибнуть.
(Входить Слязь съ арфою въ ящикѣ).

Слязь.

Вотъ послужилъ я вамъ, добрые люди,
Арфу принесъ, гдѣ поставить ее?

Ружа Венеда.

Дай сюда арфу. О дубъ королевскій
Пусть, опершися, мгновенія ждать.

Слязь.

Вамъ королева сказать повелѣла—
Слово сдержала.

Ружа Венета.

Змѣя, отойди!

Слязь.

Что же, отлично, я спрячусь въ болото.

(Уходить).

Ружа Венета.

Даруй побѣду, король, всѣмъ своимъ!

(Входятъ двѣнадцать вождей съ обнаженными мечами, всѣ покрыты кровью).

Отче, предъ дубомъ Дервидовымъ арфа,

Часъ пѣнопѣнья, вожди собрались.

Дервидъ (встаетъ съ трона и приближается къ арфѣ).

Какъ мое сердце трепещетъ! смогу ли

Въ тѣ золотистыя струны ударить?

Слышу, какъ въ людяхъ трепещутъ сердца.

Гдѣ же та арфа? Сейчасъ, подождите.

Сердце во мнѣ все дрожить. Гдѣ же арфа?

Вы побѣдите, ужь слышу въ себѣ.

Ежели душу всю въ пѣснь перелью я,

Въ пальцахъ, въ рукахъ мою душу держу я,

Будетъ душа, какъ огнистый перунъ,—

Душу какъ молнію вброшу я въ струны,

Пѣсню перунную вызову струнъ.

(Касается на-оцупь деревяннаго покрова арфы).

Арфа подъ крышкой. Венедъ, отвори мнѣ.

(Ружа Венета снимаетъ крышку съ деревяннаго покрова арфы и отшатывается, утягивая отца за руку. Ибо, вмѣсто

арфы, тамъ видно умершую Лиллю Венеду въ погребаль-
ной рубахѣ, съ вѣнкомъ изъ васильковъ на головѣ).

Къ арфѣ пустите! Зачѣмъ за одежды

Вы ухватили меня? Для чего вы

Противорѣчите старцу сейчасъ?

Полонъ я духа!—Я вырвусь, я вырвусь,—

Будеть безсмертною пѣсня моя!

(Вырывается изъ рукъ дочери и кладетъ руки на лицо умер-
шей Лилли Венеды).

Что жъ это? зимное что-то... не струны.

Мертвое чувствую я подъ рукою.

Что жъ это?.. это не арфа, а тѣло

Дочери милой умершей моей.

(Минута молчанія, Ружа Венедда хочетъ отвести отца отъ
тѣла умершей, старецъ не дается дочери).

Гадина, прочь! Дочь моя—здѣсь, во гробѣ.

О, умерла! умерла!—Подождите!

Эти златистые волосы—струны,

Буду играть вамъ, и будетъ вамъ пѣснь.

Я тебя вижу, дитя мое, вижу,

Я твои нѣжныя губы найду...

Не отрывайте меня, о, прошу васъ,

Не отрывайте отъ милой меня!

Ружа Венедда.

Что жъ, вы не слышите пѣсни рыданій,

Пѣсни изъ слезъ королевскихъ? Впередъ!

Къ смерти идите!

Дервидъ.

Голубка! голубка!

Мертвая! Ты ужъ навѣкъ умерла!

БАРДЪ.

Плачетъ отецъ.

ДЕРВИДЪ.

Дочь моя, о, родная,
Вижу твой образъ, во впадинѣ оны
Вырванныхъ глазъ. Цѣликомъ тебя вижу,
Всю заключилъ тебя гробъ головы.
Въ звѣздномъ вѣнцѣ, въ благовоніи кедра,
Полная блеска, лампада, идешь,
Вотъ ты идешь, раскрывая объятья...
Видите? Здѣсь она... плачетъ, смѣясь.
Мертвая, мертвая! Та, что любилъ я,
Та, что единственной сердцу была!

РУЖА ВЕНЕДА.

Вѣдала я, ужъ давно, на какую
Пѣсню зову васъ, погибшіе люди,
Бѣдный народъ, черезъ Бога погибшіи,
Видѣла наднесь кровавую я,
Были у васъ на челѣ ваши судьбы,
Жизнь на три дня... Что жъ вы такъ поблѣднѣли?
Кто жъ обманулъ? рокъ? иль я? иль безвѣрье
Тѣхъ, кто въ отчаяньи—смерти бѣжить?
Голуби сердца! о, какъ вамъ лѣнливо
Путь свой направить къ могилѣ негущей,
Все завершающей!.. Нужно васъ было
Всѣхъ обмануть и какъ стадо погнать,
Бѣлое стадо овецъ для убоя.
Все недовольно еще?.. Вырываю

Пряди волосъ, да предстануть, какъ змѣи,
И помертвѣвшимъ да будутъ какъ бичь!

Первый изъ вождей.

Ворожея! общала намъ арфу,
Арфу побѣды.

Ружа Венеда.

Что? я общала?

Ну такъ смотри! Что жъ ты думаль,—что, больше
Рѣчи въ струнахъ, чѣмъ въ могильной тиши?
Гдѣ же такая есть арфа, какъ это
Мертвое тѣло, и гдѣ же есть звуки
Скорби такіе, какъ плачь этотъ горькій,
Слезы отца, что, коснувшись до костей
Дочери мертвой, въ нихъ ищеть напѣва,
Словно въ дрожащихъ струнахъ? Присягните,
Рыцари, въ томъ, что достойно отметите,
Чась остальное, съ грозой, довершить!

В о ж д и.

Въ мести клянемся... Клянемся... до смерти.

(Уходятъ).

Л е л ю м ъ (цѣлуя умершую сестру).

Здѣсь, о, сестра, на устахъ твоихъ ибъжныхъ,
Клятву даю, что увидимся нынче.
Въ битву, Лехиты!...

Д е р в и д ъ (достаеъ изъ-за пазухи
жертвенный ножъ и говоритъ, ударяя себя дважды).

Глядите, сыны!

Съ мѣткостью, Леху—такъ въ сердце, такъ въ
сердце...

(Падаеть мертвый).

Ружа Венета.

Эти два тѣла возьмите... Направо
Сложенъ костеръ... Тамъ сожгите ихъ вмѣстѣ,
И, окруживши зажженный костеръ,
Прахъ королевскій вздымайте вы въ урнахъ;
Если же кто изъ Лехитовъ подступитъ,
Если тѣла тѣ, святые, встревожитъ,
Урнами тотчасъ сразите его.

(Барды берутъ урны и факелы.—Четверо изъ нихъ кладутъ
къ себѣ на плечи тѣло Дервида и тѣло Лилли Венеты въ
кедровомъ ящикѣ и уходятъ.—Ружа Венета оборачивается
къ Лелюму и Поделюму и говорить).

Здѣсь я на камнѣ на тронномъ сложу вамъ
Пышный костеръ изъ пахучаго древа...
Жду...

(Лелюмъ и Поделюмъ уходятъ биться, Ружа Венета отхо-
дитъ въ глубь лѣса).

СЦЕНА 6-я.

Поле битвы.—Ночь.—Буря. Входитъ Лехъ.

ЛЕХЪ.

Сломаны... Тѣхъ псовъ рубить нещадно!
Что это за рыцарь?..

(Входитъ Гвинона въ доспѣхахъ).

Гвиона.

Я одѣлась

Въ бранные доспѣхи для отмщенья—
Мстить хочу за сына моего.

Лехъ.

Можно какъ овецъ теперь рубить ихъ...
Мужества совѣмъ они лишились,
Въ часъ полночный, въ самый, оробѣли,
Рубять, рубять наши ихъ съ тѣхъ поръ.

Гвиона.

Я хочу игральщика на арфѣ!
Я хочу арфиста!

Лехъ.

Осторожно.

Близъ него послѣдняя дружина
Быть должна.

(Гвиона уходитъ.—Входитъ святой Гвальбертъ).

Что дѣлаешь ты здѣсь?

Святой Гвальбертъ.

Я крещу на полѣ недобитыхъ.
До тѣхъ поръ, какъ мать Христа предстанетъ...

Лехъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы повстрѣчался
Двуголовый вождь мнѣ,—я бь ему
Даль пожить, чтобы ходить за плугомъ.

(Уходитъ).

Святой Гвальбертъ.

А я здѣсь сяду на траву... Кто видѣлъ
Такую ночь, тотъ знаетъ цѣну міру...
И знаетъ цѣну людямъ... Милосердыя
Гораздо больше въ молніяхъ златыхъ,
Они сердца лишь соснамъ раздирають.
Для этого-то матери—дѣтей
Выхаживали, —чтобъ мясная лавка
Когда-нибудь изъ нихъ образовалась?
Любой убитый столько стоитъ здѣсь,
Какъ стоилъ; а спроси-ка мать любую,
Пускай оцѣнитъ тѣло,—страхъ возьметъ,
Коли заплатишь, что она назначитъ;
За сына своего могла бѣ купить
Живое царство, гдѣ ихъ милліоны...

(Слязь высовываетъ голову изъ-за куста).

Слязь.

Святой Гвальбертъ!

Святой Гвальбертъ.

Что дѣлаешь здѣсь, Слязь?

Слязь.

Въ болотѣ грязну.

Святой Гвальбертъ.

Какъ туда зашелъ ты?

Слязь.

Святой! Сперва ты за уши меня
Спаси,—когда жъ тонуть я перестану,
Твоимъ ушамъ разекаюмъ дамъ покой...

Святой Гвальбертъ.

Мошенникъ, ты мнѣ келью сжегъ.

Слязь.

Не я,

Сжегъ келью Дьяволъ... я же, честный отче,
Тебя искалъ, чтобъ жалобу принести
На Дьявола...

Святой Гвальбертъ.

Ночь искупленья пылъ...

Иди за мной, зѣвака.

Слязь.

Ужь до смерти

Священническимъ буду я слугой.

(Уходятъ).

СЦЕНА 7-я.

Другая часть поля. — Входитъ Лехъ.

Лехъ.

Я полвожди убилъ...

(Входитъ Грифъ).

Грифъ.

Гдѣ Лехъ?

Лехъ.

Что слышно?

Грифъ.

Жена твоя, владыка, померла.

Л е х ъ .

Убита?

Г р и ф ъ .

О, чудовищно, владыка,
И тѣмъ ужаеиѣй, что уже Венеды,
Мечи бросаю, всюду убѣгали...
Вдругъ королева, увидавъ на взгорьи
Великій пламень красный, и вокругъ
Вѣнецъ тѣней предъ пламенемъ кровавымъ,
Вскричала: Тамъ навѣрное Дервидъ.
И, мечъ свой обнаживъ, пошла на взгорье.
Вдругъ черные, что при кострѣ стояли,
Гдѣ двое мертвыхъ было на огнѣ,
Схватили урны, полныя давнишнихъ,
Старинныхъ праховъ, и на королеву,
Которая всходила къ высотѣ,
Съ горы швырнули это пепелище.
Я прибѣжала... она была покрыта
Костями мертвыхъ и стариннымъ прахомъ
Съ разбитой грудью, мертвая сама.

Л е х ъ .

О, бѣдныя мои, родныя дѣтки...
Я знаю, будутъ спрашивать о ней.
Я плакать не могу сейчасъ... ты видишь,
Весь кровью я покрытъ. Несите въ замокъ
Останки несчастливой, и велите
Обмыть съ нея людской валиишій прахъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА 8-я.

Друидическій памятникъ.—Костеръ, разложенный на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ тронъ Дервида.

Ружа Венедиа (одна).

Вырѣзанъ людъ весь, и буря слабѣеть.
Только что былъ здѣсь властитель и люди,
Факелы; были, и что же осталось?
Камни пустыя, двѣнадцать, двѣнадцать,
И ужъ навѣки такъ будетъ, навѣки!

(Входитъ Полелюмъ, неся на рукахъ тѣло убитаго брата,
еще прикованное къ нему цѣпью).

Что-жъ ничего мнѣ не молвишь, Полелюмъ?

Полелюмъ.

Спать на груди моей братъ мой убитый.

Ружа Венедиа.

Нужно ли цѣпь расковать между вами?

Полелюмъ.

Цѣпи не тронь... Гдѣ костеръ для умершихъ?

Ружа Венедиа.

Вотъ пепелище лежитъ предъ тобою,
Факелы въ бурѣ свистящей потухли.

Полелюмъ.

Кто-жъ дастъ огня?

Ружа Венеда.

Намъ дадутъ его тучи.
(Полелюмъ входитъ на костеръ съ трупомъ брата).

Полелюмъ.

Вотъ я готовъ... Кликни молнію пѣсней.
Спи на груди моей, братъ блѣднолицый.
Все въ этомъ мірѣ склонно къ дремотѣ.
Молніи кликни своей ворожбою;
Видишь, готовъ я...

Ружа Венеда.

Взнеси свою руку
Вмѣстѣ съ рукою умершаго брата.
Оба громовъ призывайте — цѣбиями.
(Входитъ Лехъ).

Лехъ.

Стойте, язычники, жизнь приношу вамъ!
(Входитъ святой Гвальбертъ).

Святой Гвальбертъ.

Стойте, язычники, вѣру несу вамъ!

Полелюмъ.

Жизнь намъ и вѣра?... О, Боже, взгляни же!
Двое, что тутъ, предъ костромъ погребальнымъ,
Двое, вонъ тѣхъ, что глядятъ на Венеда,
Въ часъ умиранья... ты видишь ихъ, видишь?

Только подумай, какимъ ты твореньямъ
Далъ торжество и восторгъ поруганья?
Да, и пришли, какъ народъ мой весь умеръ!
Да, и пришли, какъ ужъ братъ не живетъ мой!
Да, и пришли, когда въ заревѣ небо,
Въ дымѣ костровъ сожигаемыхъ труповъ.
И предлагаютъ мнѣ жизнь. О, творенья!
Чую къ вамъ въ сердцѣ великую жалость
Вмѣстѣ съ великимъ-великимъ презрѣньемъ!
Не попусти, о Всевышній, чтобъ гробъ мой
Здѣсь былъ, въ странѣ, гдѣ живутъ они.—Тучи!
Черныя тучи, что мчитесь надъ полемъ,
Полнымъ убитыхъ, и мечете пламя
Молній послѣднихъ... О, черныя тучи!
Руку въ цѣпи я до васъ простираю,
Вмѣстѣ съ рукою умершаго брата;
Обѣ руки вмѣстѣ съ цѣпью той просятъ
Молнія свѣтлой, благой и послѣдней...
Что-жь, вамъ не слышно?.. Такъ мертвой рукою,
Съ звеньями цѣпи, на бой васъ зову я,
Полныя молній, нависшія бури.
Если огонь вашъ не можетъ быть вызванъ
Просьбой, — я вырву огонь вашъ проклятьемъ!
(Молнія ударяетъ въ костеръ, и въ деревѣ занимается золотой пламень. Желюмъ и Поделюмъ исчезаютъ въ блескѣ.—
Постепенно надъ гаснущимъ костромъ означается очеркъ
Богородицы).

Святой Гвальбертъ (указывая на
видѣніе).

Аве, Безсмертная!

Л е х ъ .

Чудо-видѣнье,

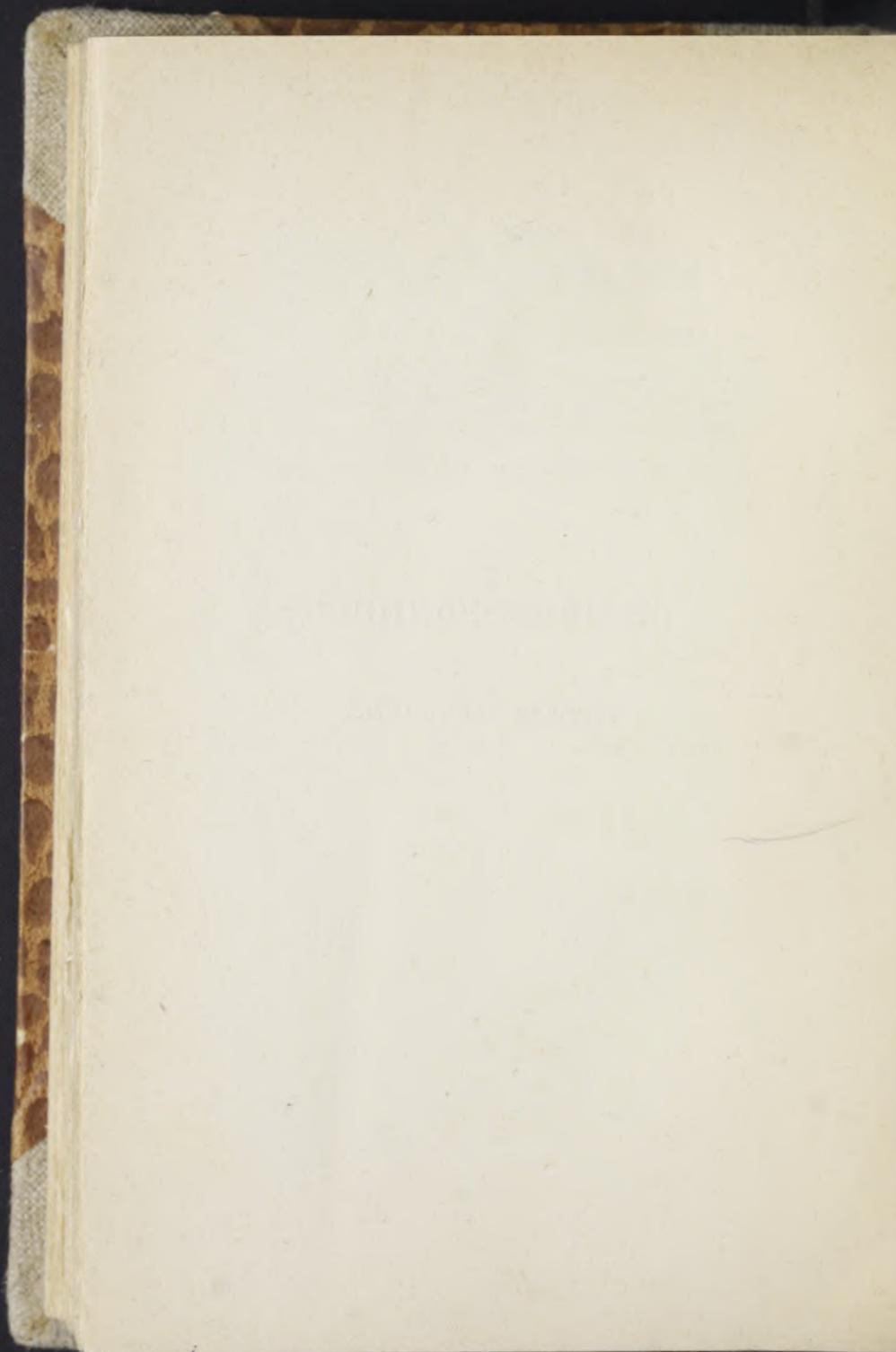
Все въ ореолѣ изъ пламеней яркихъ.

Р у ж а В е н е д а (входя на погасшій
костеръ, разгребаетъ пепель, находитъ пустую цѣль, кото-
рой были прикованы другъ къ другу Лелюмъ и Полелюмъ,
и, бросая ее подъ ноги Леху, говорить).

Все, что осталось тебѣ отъ плѣнныхъ.

ГЕЛІОНЪ-ЭОЛІОНЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМЫ.

О ГЕЛІОНЪ-ЭОЛІОНЪ.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній Словацкаго, задуманныхъ имъ, но не законченныхъ, въ послѣдній періодъ его жизни (1844—1849), была драма, оставшаяся безъ названія, солнечная драма, герой которой, Геліонъ-Эоліонъ, есть въ сущности поэтическое воплощеніе самого Словацкаго. Рукопись этой драмы находится въ бібліотекѣ Оссолинскихъ, текстъ ея цѣликомъ воспроизведенъ въ новомъ 10-итомномъ собраніи сочиненій Словацкаго, изданномъ во Львовѣ. Издатели произвольно дали этой драмѣ заглавіе „Самуэль Зборовскій“, по имени одного изъ ея героевъ, выступающихъ во второй половинѣ драмы. Словацкій не давалъ этого заглавія своему произведенію, и потому оно неумѣстно уже въ чисто-внѣшнемъ смыслѣ, не говоря о другомъ, гораздо болѣе важномъ обстоятельствѣ: въ этой драмѣ Словацкій развиваетъ идею перевоплощенія, и выработываетъ цѣлую систему міро-

созерцанія солнечно-гармоничнаго, и если ужъ называть эту драму именемъ одной изъ нарисованныхъ фигуръ, конечно она должна именоваться „Геліонъ-Эоліонъ“. Словацкій называетъ своего героя то однимъ, то другимъ именемъ,—то солнечнымъ по-преимуществу онъ представляетъ его себѣ, то воздушнымъ, бурно-воздушнымъ.

Неоконченная эта драма была задумана Словацкимъ, и создалась въ своей гипнотической напѣвности, въ ту пору его преждевременно-порванной жизни, когда онъ безъ устали мыслить надъ основными вопросами человѣческаго духа, надъ вопросами о первоистокахъ и конечныхъ граняхъ человѣческаго бытія. Въ ту же самую пору были написаны имъ и многочисленные философскіе афоризмы и разсужденія, а также замѣчательнѣйшая космогоническая молитва, великій пантеистическій псаломъ „Genezis z Ducha“.

Я взялъ изъ драмы Словацкаго лишь нѣсколько сценъ, которыя, будучи такъ выдѣлены изъ всей драмы, являютъ изъ себя совершенно законченное цѣлое, полное лирической и драматической чары. Мало произведеній всемірной поэтической литературы, всемірнаго напѣвнаго творчества, отмѣчено такою идеальностью линій,—словно мы среди египетскихъ рисунковъ и ваяній. Чувствуется, что вѣка тому назадъ Словацкій уже былъ въ Египтѣ, и когда онъ попалъ въ Пустыню въ первой половинѣ красно-сѣраго 19-го вѣка, духи песковъ, пирамидъ, оазисовъ и сфинк-

совѣ заговорили съ роднымъ на родномъ языкѣ,
и показали ему въ зеркалѣ провидческаго видѣ-
нія и воспоминанія стройный міръ, гдѣ красный
цвѣтъ былъ безъ сѣраго, какъ сонутствующаго,
и гдѣ много было симфоній лазурныхъ, и мелодій
золотисто-звонкихъ.

ВЪ ЗАМКѢ КНЯЗЯ ПОЛОНИА.

Геліонъ ложится и засыпаетъ. Входитъ отецъ (князь Полоній) съ учеными (врачами).

Князь.

Вотъ здѣсь, за этой занавѣсью, сядьте.
Ужъ онъ заснулъ, любимый мой, но вдругъ
Проснется раньше, чѣмъ лѣсная птичка...
Что, эти свѣчи хорошо горятъ?
Вамъ видно? Все лицо его покрыто
Той страшной бѣлизной, въ которой—чары,
Навороженья сновъ... То—третій сонъ...
Коль онъ заговорить, его вамъ можно
Спросить о томъ, что связано съ видѣньемъ,
И онъ вамъ съ изступленнымъ вдохновеньемъ
Отвѣтитъ вещи дивныя.

Врачъ.

Явленье

Сомнамбулизма,—слѣдствіе, порой,
Грудного аневризма.

Эоліонъ (срываясь).

Что надъ токомъ
Кровавымъ вѣетъ духъ благословенья,
Мнѣ вѣдомо... Но въ оно время,
Когда изъ волиъ текучаго огня
Левіаѳановъ вырывалось племя,
Когда, взметаясь и стена,
Черезъ муку первую природы
До Бога прорывался духъ,
Когда земные разверзаль онъ своды,
Бросая скалы, словно пухъ,
Когда перуны въ вышнихъ гротахъ
Давали духу свой отвѣтъ,
Я видѣлъ радугу въ высотахъ,
Духъ шелъ къ Тебѣ, и въ тѣхъ наметахъ
Со мною это былъ завѣтъ...
А ты теперь, въ кипѣняхъ битвы,
Псалма желаешь и молитвы?
Моя молитва—разломы скалъ,
Моя молитва—перунный хоръ,
Псаломъ мой громкій—вулканомъ стальъ,
Костромъ огнистымъ—на высяхъ горь...
Тогда ты не наморщилъ брови,
Какъ духъ входилъ въ колонну крови.
А что жъ теперь... а что жъ теперь?
Ты это море отвергаешь?
Обѣтованья замыкаешь
Въ своихъ любимцевъ? Заперъ дверь?
Такъ всю природу,—отлученный,—
Въ свои объятія захвачу,

Весь міръ возьму, весь міръ плѣненный
На разность формъ я размечу.
Не будутъ мертвыми каменя,
Что камень, ящуръ глянеть тамъ,
Черезъ вѣковыя поколѣнья
Явлюсь творцомъ, и вновь создамъ.
Когда жъ, какъ солнце золотое,
Я вспыхну въ дѣтищѣ твоемъ,—
Его спалю, сожгу любое,
И пригнету его огнемъ.
И въ гробъ войду, и выйду снова,
Пока не примешь ты меня,
Затѣмъ, что—пусть я гада злого
Кровавѣй—пусть, но я—основа,
Духъ силы, жизни, и огня.

Епископъ.

За мной тутъ дѣло: мѣсто—теологамъ.
Какъ видится, бесѣдуетъ онъ съ Богомъ.
Спрошу его, что видитъ,—что въ зрачки
Ему вошло. Тутъ были бы рѣчисты
Еврей старыхъ дней, и талмудисты...
О, юноша. Что видишь ты? Реки.

Геліонъ.

Блескъ радуги лишь вижу, какъ преддверье...
И это мнѣ вотъ здѣсь, вотъ здѣсь—болить...
Свои лучисто-розовыя перья
Она зажжетъ, все ими озарить.
Но прежде чѣмъ обниметъ міръ окружный,

Какъ радужная вспыхнувши заря,—
Черезъ пытку я пройду, терзанья нужны,
Цвѣткомъ во мнѣ зардѣетъ духъ недужный,
Неангельскою молніей горя.
Они же, посмотри, пророки Бога,
Они стоятъ спокойно по горамъ,
Надъ радугой не мучить ихъ тревога,
Ихъ покрываютъ молніи и храмъ,
Стоять кругомъ, терзаться имъ не надо,
Пасутъ людей, какъ бы овечье стадо...

Врачъ.

Живописуетъ вещи ярко онъ,
И въ выраженьяхъ—силы не лишень.

Отецъ.

Уже въ немъ прояснились сновидѣнья,
Уже лишь человѣческой въ немъ сонъ,
А было—какъ предъ гадомъ, весь волненье,
Свистящимъ змѣемъ выпрямлялся онъ.
Свѣтили дивно очи золотыя,
Обычную утративъ черноту,
Сіяли, солнцемъ налитые,
Лучи бросаая въ темноту...

Эліонъ.

О, дайте зеркальный мнѣ щитъ,
Рамзеса отца дайте митру златую,
Копей запрягите, что бѣлы, какъ млеко!
Атесса, сестра моя, пусть на златую

Повозку возседеть со мной...
Дары пусть положить на черномъ верблюдѣ...
Пусть пурпуромъ тирскимъ покроютъ ладью,
Пусть въ сфинксовыхъ ждуть насъ аллеяхъ.
Карнакская высь! Тѣ колонны изъ яшмы,
Граниты съ мерцаніемъ розъ,
Песчаники въ златѣ, въ лазури, въ рубинахъ,
Какъ будто роскошнѣйшій лѣсъ,
Гдѣ въ каждомъ стволѣ расцвѣтаіа радугъ,
А розовый листъ, изъ гранитовъ сіенскихъ,
Подобенъ великой зарѣ,
Подобенъ сіяющей лентѣ, румянцу
Улыбчивыхъ женскихъ божествъ.
О, высь! О, гора! Пирамидные лики
Суть солнцу златому здѣсь высшій алтарь,
То записъ дѣяній моихъ, исчисленье,
Въ работѣ—мой духъ,
Гранитъ, измѣненный въ великій мой помысль
О вѣчности духа на этой землѣ...
Людская вершина, откуда прорвался
Мой духъ, вытекая въ сто вратъ,
И въ міръ на златыхъ убѣгаетъ повозкахъ,
И все попираетъ текучимъ стремленьемъ,—
Забудь объ ужасностяхъ жизни моей.
Вотъ тутъ, изъ горящаго ярко покоя,
Я вышелъ какъ царь, повелитель людей,
Безъ сердца, безъ страха, тѣла попиралъ я,
Живыя, людскія, что были мнѣ—мость...
И сами ложились... И я подъ ногами
Ту влажность хрустящую тѣль ощущаю,

Что тѣло рождаетъ въ бореньи съ огнемъ,
По стона не слышаль, но крика не слышаль,
Услышаль лишь сердцемъ своимъ заболѣвъ,
Затѣмъ, что мой духъ роковой созидаетъ
Изъ камня и люда свой мѣръ пирамидный,
Имѣя спокойность творца.

Но смерть побѣждаетъ... Тифонскаго мага
Покличьте скорѣе сюда.

Иди, и съ тобой мы бесѣдовать будемъ,

О, старецъ ученый, приди.

Ты видишь повозку, и бѣлые кони

Въ аллеѣ тамъ сфинксовой ждуть,

На той колесницѣ блестящей—Атесса,

Атесса, сестра моя, тамъ.

Какъ страшно коней ей, въ которыхъ подь
млечнымъ,

Подь трепетнымъ тѣмъ покрываломъ—огонь,

Кипучая кровь, королевская гордость,

Когда они трупы влачатъ королей,

И гривы по вѣтру свои распутивши,

Летять передъ той золотой колесницей,

Какъ будто бы фуріи бросили адъ...

А нынѣ, смотри, какъ спокойны и тихи,

Какъ будто предчувствуютъ, вѣдаютъ, знаютъ,

Что я не стремлюсь на войну,

Къ гробамъ обращенное дышло...

Еще посмотри, къ золотому вѣнцу,

И къ митрѣ, Атесса прибавила вѣтокъ,

Любя, кипарисовыхъ вѣтокъ сорвала,

Супруга познала, грусти,

Исполненный смутности, долгъ умиранья,
На смерть наряжается здѣсь красота.
Такъ помни же, Магъ,—ты и братья,—чтобъ вѣра
Въ возстаніе тѣла изъ мертвыхъ свершилась,
Чтобы оправдалась, и той красотѣ
Чтобъ не солгала, потому что, иначе...

(Вынимаетъ мечъ).

Но ты присягнулъ: чрезъ три тысячи лѣтъ
Та высь, та гора... тѣ колонны... то небо,
То яркое солнце, и даже гирлянда
Вонъ тѣхъ журавлей, что по небу плыветъ,
Какъ будто бы гіероглифъ на лазури,
И это, за пальмами, мѣсяца око
Сребристое,—все это, въ томъ самомъ видѣ,
Предстанетъ и такъ же появится вновь,
Когда въ алебастровомъ томъ саркофагѣ
Проснусь я съ сестрою моею, Атессой,
За рядомъ столѣтій покоя и сна...

(Задумывается).

Со мной говорилъ ты о Грекахъ, о, старецъ.
Слѣпой тотъ игральщикъ на арфѣ, который,
Вотъ здѣсь, пѣлъ подъ трономъ моимъ,
Онъ новымъ своимъ языкомъ, звукомъ духа
Особеннымъ, новымъ, меня поразилъ,
Въ очахъ онъ остался, не выйдетъ изъ взора.
Я въ голосѣ этомъ слышала, о, Магъ,
Безстрастное что-то, и это—причина,
Что старецъ тотъ, съ арфой златой и взметнутымъ
Крыломъ серебряной своей бороды,
Въ гробницѣ изваянъ, въ чертогѣ, гдѣ—память,

Пребудеть, по волѣ моей и рѣзца...
Пусть духъ тотъ, почуванный духомъ, здѣсь будетъ
Какъ форма, которую тихость гробницы
Замкнетъ на столѣтія въ мой саркофагъ,
Пока не проснусь я...

Теперь, къ ложу сна.

(Ступаетъ какъ бы во снѣ, идетъ къ готическому окну).
Все сумрачнѣй—солнце, въ полетѣ до моря,
Все сумрачнѣй—кони несутъ меня въ пропасть,
Все сумрачнѣй, смутно... Атесса! Атесса!
Здѣсь нужно сложить намъ тѣла на вѣка—
Атесса! Меня въ золотой ты тиарѣ
Любила,—въ одномъ мы объятии уснемъ,
Чтобъ вмѣстѣ проснуться, съ любовью проснуться...
Взгляни—саркофагъ, и надъ нимъ—обелискъ,
Огъ факела онъ словно духъ золотится,
Тамъ, въ этихъ темнотахъ, въ могилахъ сырой...
Три тысячи лѣтъ присужденъ онъ стоять здѣсь,
Пока не услышитъ опять голоса
Проснувшихся, насъ... Вотъ, на томъ обелискѣ
Простые работники, сами не зная,
Рѣзцами повѣдали повѣсть любви,
Здѣсь наша душа, во влюбленности ясной,
Два сердца супружескихъ, братъ и сестра...
Сестра, обними этотъ камень,—хранить онъ,
Любовное имя твое и мое,
Здѣсь вписана вѣрность и имячко дѣтокъ.
Межъ нами какъ будто бы третій онъ братъ,
Все знаетъ, все помнить, забыть не боится,
И, словно пѣстунья, надъ нашей гробницей,

Стоить,—о, сестра, поцѣлуй же его,
Онъ братъ нашъ нѣмой. Часъ уснуть намъ, и будемъ
Подъ этой защитою тихо мы спать.
А если бѣ въ безпамятствѣ мы пробудились,
А если бы что мы забыли во снѣ,
Такъ онъ намъ, когда мы проснемся, напомнить...
И тѣма гробовая и гниль гробовая
Безильны, невластны, проснемся опять
Для солнца, для ласки,—и прежнія жизни,
Какъ радуги новыя, въ мѣрѣ польются.
Пуриурныя розы съ тиары сними,
Надѣнь на него, ты ужъ кончила съ этимъ,
Съ цвѣтами, со всѣмъ. Я хотѣлъ, чтобы насъ
Замкнула гробница, покуда мы юны,
Чтобъ встали мы юными къ жизни опять.
Возьми этотъ ядъ; только сердца коснется,—
Сожжетъ... Я же самъ... Умерла? Уже тамъ,
Въ зарѣчьи Тифонскомъ. Ты—съ ядомъ. Мнѣ—
мечъ.

Отецъ.

О, Дѣва Пресвятая! Исусе!
Упалъ онъ...

Врачъ.

Ничего—да, сердце бьется.
Пускай его теперь въ постель положить,
Укроютъ, я же дамъ ему лѣкарства,
Когда проснется онъ...

Отецъ.

Позвать сидѣлку...

Врачъ.

Признаюсь, этотъ дивный сонъ меня
Наэлектризовалъ. Пивокъ нужно
Ему поставить будетъ на затылокъ.

(Уходятъ).

Хоръ духовъ.

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...

Чрезъ сфинксовы аллеи
Пески степей блуждаютъ,

И ящери, и змѣи
Чешуйками блистаютъ.

Межъ четкихъ пальмъ, гдѣ тѣни
И гдѣ оазисъ синій,

Верблюды на колѣни
Склонились, тишь въ пустынѣ.

На вышинѣ Луксора
Не слышно разговора.

Три тысячи минуло,
Лѣтъ долгихъ потонуло.

И тѣ жь горять рубины
Расплавленного солнца,

Съ гирляндой журавлиной
Все тотъ же блескъ червонца,

Съ колоннъ вершина снята,
И гробы отомкнуты,

И старецъ, что когда-то
Обманывалъ минуты,

Стоитъ, съ своей тоскою
И съ арфой золотою...

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...

Мы слышимъ, въ нашемъ хорѣ
Промчалось трепетанье,
И слезы въ женскомъ взорѣ,
И женское рыданье,
Подъ факеломъ, у гроба,
Остановился кто-то,
Гдѣ вы уснули оба,
Онъ тамъ читаетъ что-то,
Эдемъ узналъ твой старый,
Одинъ, возжаждалъ чары.

Но ты себя лишь гложешь,
И ты прочесть не можешь
Того среди камней,
Лишь въ сердцѣ, въ краскѣ красной,
Возникнетъ пѣснь мученій,
Гимнъ обелиска страстный,
Запишутся лишь въ крови
Сердечныя вздыханья,
Все то, что было въ словѣ,
Всѣ слезы, всѣ рыданья,
Свѣтившая когда то,
Любовь сестры и брата...

О, грустный! о, влюбленный!
Обманомъ завлеченный...

Блѣдна твоя гробница,
Печальная, заснула,
Она какъ бы криница,
Въ ней тишь—и голосъ гула.
Чертоги, водопадомъ,
Уходятъ въ царство тѣни,
Гдѣ ни коснешься взглядомъ,
Тамъ радуга видѣній.
Но это все жь—могила,
И все, что въ ней, остыло.

О, духъ завороженный,
Красивый, грустный, сонный!
Въ своей сердечной мукѣ,
Взмятенно и поспѣшно,
Кусать ты можешь руки
И плакать безутѣшно,
Коль нѣтъ въ тебѣ отваги
Начать путь жизни новый,
Затѣмъ что въ саркофагѣ
Ужъ пусть всѣ покровы,
И ничего, что ждало,
Изъ мертвыхъ не возстало.

Здѣсь съ сестриной любовью
Атесса къ изголовью
Прильнула и заснула,
И алебастръ лелѣеть—
Что жизнью дохнуло,
Что въ смерти цѣпенѣть,

Изваянныя лица
Съ любовью молодою,
Но найдена гробница—
Какъ бы орѣхъ—пустою.
Хотя бѣ въ ней мошки тѣло,—
Что было, все истлѣло.

Хоръ.

Благословенна та, что между духовъ
Господнихъ носить имя: *Жизнь мол.*
Ея любовь къ ея родному сыну
Благословенна... Даже сонъ его
Есть пѣснь и есть дѣяніе. Въ дремотѣ
Вступительныя жизни проходя,
Какъ ангель золотой идетъ онъ къ Богу.
А гдѣ жъ та грудь, что, мыслью заправши,
Надѣнетъ щитъ Ангелла Михаила?
Когда же онъ возсядетъ на коня
Дѣянія и чуда, и раскроетъ
Два лебедино-бѣлыя крыла,
Что по краямъ хранять мерцанья радугъ,
А щитъ его и шлемъ—двойное солнце,
Кончается копьё—огнемъ Господнимъ,
И выѣдетъ такъ на зеленый лугъ,
И выступитъ онъ такъ, какъ ангель Божій,
На тотъ, златой цвѣтами, лугъ Славянскій...
Въ тотъ часъ цвѣты живые, луговые,
И разныя, и малые, и все,
Въ тотъ часъ въ цвѣтахъ росинки, жемчугъ пѣкный,
Тысячекратный бисеръ на цвѣтахъ,

Въ тотъ часъ дыханья розовыхъ расцвѣтовъ
Предстануть предъ мечомъ его, предъ ликомъ
Сіяющимъ, серебряныя рѣки,
Шумя, отступя въ русла передъ нимъ,
Когда придетъ онъ въ озареньи духа,
Въ лазури дня. Но вотъ, еще не часъ,
Еще предъ нимъ тѣ сны стоятъ, тѣ сны,
Которые его какъ арфу строятъ...

Скалистая мѣстность, затянутая мглою.—Озеро.—Время
предъ восходомъ мѣсяца...—Двѣ Валькирии съ мол-
ніями на головахъ.

Первая Валькирія.

На высахъ горъ,
Гдѣ міра брегъ,
Орлиный хоръ,
Перуновъ бѣгъ,
Морское гдѣ око,
И лдяный гдѣ щитъ
Застонетъ глубоко,
Какъ громъ заворчитъ,
И тлѣють рубины
Отъ радугъ вокругъ,
И путь журавлиный
Означенъ на Югъ,
Тамъ въ бѣломъ круженьи
Мятельныхъ снѣговъ,
Я, духъ въ озареньи,
Межъ дивъ и громовъ,

На крыльяхъ домчалась,
И молніи лью,
На вихряхъ качалась,
И встала, стою.

ВТОРАЯ ВАЛЬКИРИЯ.

Духъ судебъ, я тоже,
Тебѣ я сестра,
Мнѣ молніи—ложе,
Межъ змѣй мнѣ игра,
Съ волосъ льется пламя,
Съ оружія кровь,
И ужасъ мнѣ знамя,
Примчалась я вновь.

ПЕРВАЯ.

Откуда въ урочный
Домчалась ты часъ?

ВТОРАЯ.

Отъ грани полночной,
Гдѣ полюса глазъ.

ПЕРВАЯ.

Сестра! челоуѣка
Того...

ВТОРАЯ.

Знаю я.
Видна мнѣ отъ вѣка
Добыча моя.
Пусть вырванъ, ухваченъ
Изъ нашихъ онъ рукъ,

Онъ намъ предназначенъ,
Онъ нашъ будетъ вдругъ.
Какъ арфа, въ которой
Немолкнущій стонъ,
Какъ свѣтъ метеора,
Нашъ, нашъ будетъ онъ.

ПЕРВАЯ.

А видѣла, рдѣть
Христось на землѣ?
И звѣзды онъ сѣтъ
Златыя во мглѣ...
Манить сквозь туманы,
Душъ бѣлыхъ онъ другъ,
Все звѣзды въ курганы
Бросаетъ вокругъ.

ВТОРАЯ.

Пусть нива, краснѣя,
Взойдетъ въ вышину,
Морозами вѣя,
Серпомъ все пожну.
Сергъ духа прострется...
А что еще тамъ?

ПЕРВАЯ.

Тамъ буря несется,
Тамъ горе, тамъ гамъ.

ВТОРАЯ.

Глянь, мѣсяцъ ужъ кажетъ
Свой радужный край,

Свой щить онъ развяжетъ...
Исчезни!

ПЕРВАЯ.

Прощай!

(Входитъ Эоліонъ).

ЭОЛІОНЪ.

Сюда велѣли духи мнѣ придти
И ждать... Ужь разъ мнѣ небо засіяло,
Занесрилось во тьмѣ, и звѣзды стали
На разныхъ сторонахъ какъ будто лаять...
Какъ на судѣ, во мнѣ забилось сердце...
Охваченный отчаяньемъ, я всталъ,
Какъ будто бы въ водоворотѣ звуковъ.
И такъ меня тѣ голоса терзали,
Что волосы я рвалъ на головѣ,
Какъ осужденный... А теперь все тихо...
И мѣсяца серебряныя розы
Пронизаны насквозь сияньемъ радугъ...
Въ природѣ словно что-то умягчилось,
Какъ будто сердце тронулось печалью,
Не такъ темно, и надо мною словно
Есть жалость въ ней... Чу, слышу голоса...
Они доходятъ очень издалека.

НАПѢВЪ.

Когда ты станешь человѣкъ,
Сны встанутъ недругомъ огромнымъ,
И міръ создашь, но міръ калѣкъ,
Какъ Богъ творить, но въ мірѣ темномъ,

Ты будешь не творцомъ воплиѣ,
То будетъ призракъ, сонъ во снѣ.
И сломишь мiръ, толпу видѣній
Направишь войскомъ противъ тѣль,
Мощь взявъ у насъ, мощь дашь ты тѣни,
Мысль станетъ кровью, будешь смѣль,
Ты будешь царь, но царь въ пустынѣ.
Иди же... иль погибни нынѣ.
Но если духъ ты сломишь свой,
И если насъ во мглу отгонишь,
Тогда дрожи! и твердо стой,
Какъ пси кусаемъ мы, застонешь...
Разбито сердце,—что намъ въ томъ!
Коль крестъ разбить,—смѣется громъ.

Эоліонъ.

Какіе голоса! О, голоса, я съ вами!

Голосъ снизу.

Есть съ жемчугами раковинки
Въ нашемъ серебряномъ озерѣ,
Я добываю ихъ,
Я собираю ихъ,
Шелкомъ я ихъ пришиваю
На шелковый свѣтлый уборъ,
Въ церковку Матери Божьей—
А иные, чистѣйшей воды,
Я кладу въ золотые волосики,
Въ золотые—Христу.
А зато—хороводы мнѣ рыбокъ,

Подъ рыбацкою хатой приходятъ,
Предъ воскресеньемъ,
Цѣлое дно покрываютъ
Бѣлымъ своимъ озареньемъ.

Эоліонъ.

О, чистый голосъ! Къ небу онъ плыветь.

Голосъ сверху.

Къ дѣвушкаѣ этой приблизься,
Положи на нее руки духа,
Сильнѣйшаго слушаться будетъ,
За сильнѣйшимъ она поплыветь,
Полетить—безъ конца...
Увлеки за собой ее въ солнца.

Эоліонъ.

Я чувствую, изъ этихъ голосовъ
Одинъ покончить мѣръ.

Голосъ снизу.

Чудесно я измѣненной
Встала сегодня съ постели.
Пришли во снѣ ко мнѣ ангелы,
Глазокъ моихъ замкнурыхъ
Коснулись цвѣтками лилій,
И я увидала святыхъ.

Эоліонъ.

Объ ангелахъ ты говоришь. Кто ты?

ДѢВУШКА.

Дочь рыбака я, и живу я съ ними,
Являются мнѣ въ радужныхъ кругахъ,
Въ ночи приходятъ въ серебрѣ лазурномъ!
И говорятъ со мной...

ЭОЛІОНЪ.

Нарядъ твой бѣденъ, сѣрая рубаха,
Ты босонога, въ волосахъ однако
Разлиты жемчуга, какъ будто звѣзды,
Большія, полносвѣтныя они,
Легки твои румянцевыя розы,
Какъ будто бы они наполовину
Стыдомъ сокрыты въ бѣлости лица,
И тайными восходами чаруютъ...
Какъ розовая краска, что отъ солнца
На ягодѣ жемчужной расцвѣла.

ДѢВУШКА.

Не застыдилась я, но я отъ вѣтра
Отъ горнаго красна, или отъ сновъ я
Свѣчусь въ ночи...

ЭОЛІОНЪ.

Такъ вѣдаешь ты сны?

О, помоги же мнѣ, я тоже дивный,
Духовный, но въ видѣньяхъ, въ голосахъ,
Которые до этихъ поръ я слышалъ,
Какъ будто-бы всегда недостаетъ
Красивѣйшей ихъ, лучшей половины,
Той, что даетъ гармонію и тишь...

ДѢВУШКА.

Куда-жь ведешь? Сильна твоя рука.
Мой духъ боится, сердце бьется, бьется...

ЭОЛІОНЪ.

Веду какъ сонъ... Куда? Я самъ не знаю...
Повѣтъ духъ—мы вступимъ на волну,
Захватить—унесемся въ небо, къ раю,
Растопить,—какъ роса, падемъ въ весну,
Хоръ запоетъ, что вотъ сейчасъ безгласный,—
Мы будемъ эхомъ, въ звукахъ—звукъ согласный.

ДѢВУШКА.

Боюсь... Позволь уйти мгнѣ... Пропаду,
Коли пойду съ тобой,—вѣдь ты сильнѣе...

ЭОЛІОНЪ.

И все-жь ты видишь, вотъ, совѣмъ я малый,
Я менѣе, чѣмъ ты, тебѣ на шею
Кладу я руку дѣтскую, и если
Всей силою повисну такъ, едва
Цвѣтокъ я наклоню; и такъ укрытый
Въ воздушномъ златѣ косъ твоихъ, я вижу
Въ твоихъ глазахъ, смѣющихся и синихъ,
Сіянье звѣздъ...

ДѢВУШКА.

О! руки разойми!

ЭОЛІОНЪ.

Жемчугомъ слезъ я свяжу тебя,
Розами сновъ заманю тебя,

Міры мои все покажу;
Снамъ прикажу изо мглы я сіять,
Какъ дитятко буду тебя забавлять,
Восторгну, поражу, захвачу,
Понесу, полечу...

ДѢВУШКА.

Дитятко ты чернокудрое,
Страшныхъ ты духовъ дитя,
Я же—смиренномудрая,
Сердцемъ тихонько свѣтя,
Какъ камень, я холодна,
Какъ камень, хотя я—весна.

ЭОЛІОНЪ.

Такъ значить отъ духа ты моего
Оторвана въ вихрь бури...
Покинула строй журавлей, и ушла отъ него,
Какъ къ мѣсяцу я летѣлъ въ прозрачной лазури—
Чайка летѣла за мной,
Потерялась, окутана мглой...

ДѢВУШКА.

Чудо со мною!
Когда слушаю, новая я;
Видится мнѣ какой-то, затянутый весь пе-
ленюю,
Слова единого жду... Скажи, и навѣкъ я—твоя.

ЭОЛІОНЪ.

Рѣсницы теперь сомкни,
И покуда не явится явь,

Въ душу, на самое дно, загляни,
Видишь, огни,
Роскошь покоевъ,—душою видѣнье возславь,—
Видишь, лазурь, и гирляндой летять журавли
Дивнымъ ключомъ, въ небесахъ поблѣднѣвшихъ,
вдали?
Слышишь ты шелесты смерти вѣтвей въ волосахъ?
Видишь гробницу, чей страшенъ размахистый
входъ?
Съ арфою старецъ межъ статуй, застыль на стру-
нахъ,
Въ золото ихъ—серебро бороды своей льеть?

ДѢВУШКА.

Кони летять, вижу факелы, люди идутъ,
Страшно мнѣ!

ЭОЛІОНЪ.

Видишь межъ нами колонну ты тутъ,
Розовой краски?

ДѢВУШКА.

Я вижу.

ЭОЛІОНЪ.

Еще предъ тобой
Бѣлый тамъ гробъ, и цвѣтистый чертогъ подъ
землей?

ДѢВУШКА.

Гробъ, гдѣ уснемъ мы, неправда ли, оба уснемъ?
Спать будемъ долго, о солнцѣ забывъ золотомъ.

Сердце на сердце, уснешь на груди ты моей,
Въ гробѣдиномъ, неправда-ль, чета голубей?
Блѣдень ты. Гдѣ же, скажи мнѣ, тиара твоя?
О, почему-же позднѣй пробудился, чѣмъ я?
Думала я, поцѣлуемъ тебя разбужу,
Вдругъ расцвѣтемъ, и весну я тебѣ покажу,
Въ гробѣди тебѣ повѣствую, какъ снился ты мнѣ,
Слыша, что оба другъ другу мы снились во снѣ.
Духи, которые мертвыхъ обмануть средь сна,
Злые то духи. Въ гробу я проснулась одна.

Эоліонъ.

Мертвая ты? О, Атесса, Атесса, возстань!
Мы на землѣ, я съ тобою, увидь меня, глянь.
Съ нѣжными розами губъ, ты прозрачно-ясна,
Очи—смарагды, зеленая въ нихъ глубина.
Духъ твой,—обязанъ я мертвымъ объятьямъ твоимъ
Тѣмъ, что мой сонъ подъ землею былъ тихъ, не-
рушимъ.
Помнишь, не дрогнуло въ гробѣди ничто, я дремалъ,
Разъ только сердце, какъ въ гробѣди Христосъ воз-
ставалъ.

Дѣвушка.

А у меня, когда въ ясляхъ Онъ, свѣтлый, лежалъ,
И какъ пастухъ Ему цвѣтики малые далъ.

Эоліонъ.

Вдрогнулъ сильнѣй я, когда Онъ изъ мертвыхъ
воскресъ.

ДѢВУШКА.

Я, какъ младенца пастухъ восхвалялъ до небесъ.

ЭОЛІОНЪ.

Вздрогнулъ страшнѣй я, какъ камень могиль от-
валивъ,

Всталъ Онъ.

ДѢВУШКА.

Межъ нами раздѣльность, о, Боже,
разрывъ!

ЭОЛІОНЪ.

Сила пламени во мнѣ,
Что разорвано, свяжу я...
Знаешь ты, куда иду я?
Знаешь ты, что сотворю я?
Нѣтъ! Но въ творческомъ огнѣ
Путь нашъ общій виденъ мнѣ.
Божій я, мое стремленье
Тамъ, гдѣ путь предназначенья.
Видишь пламени огня?
Вѣтеръ свищетъ, завывая,
И въ полетѣ отрывая
Эти вспышки отъ меня.
Каждый пламень, уплывая,
Рѣя въ синихъ небесахъ,
Укрѣпляется въ чертахъ,
И клубится, добывая
Четкость формы,—и черты,
Въ этомъ заревѣ ловитвы,

Въ мраморъ, полный красоты,
Онъ виѣдряетъ... Видишь ты?

ДѢВУШКА.

Также я мои молитвы
Вижу тамъ, какъ бы цвѣты,
Словно свѣжіе цвѣты
На серебряномъ взнесенъ
Расцвѣтающихъ стеблей.

ЭОЛІОНЪ.

Вотъ, мы равны въ нашемъ пѣньи,
Мы надземны межъ зыбей,
Неразрывны въ восхожденъи...
Такъ рука съ рукой, войдемъ
Въ воздухъ синій, въ ту долину,
Глянемъ въ пропасть мы, въ стремнину,
И сойдемъ однимъ путемъ
Въ чащу буковъ, въ море лѣса,
Сильны, юностью горя,
А за нами та заря,
Какъ изъ розъ густыхъ завѣса,
Пусть сіянье льетъ изъ чашъ,
Пусть на нашихъ лицахъ бродить
Пусть румяная несходитъ, —
Зори, зори, воздухъ нашъ!

(Сходить).

R. 32

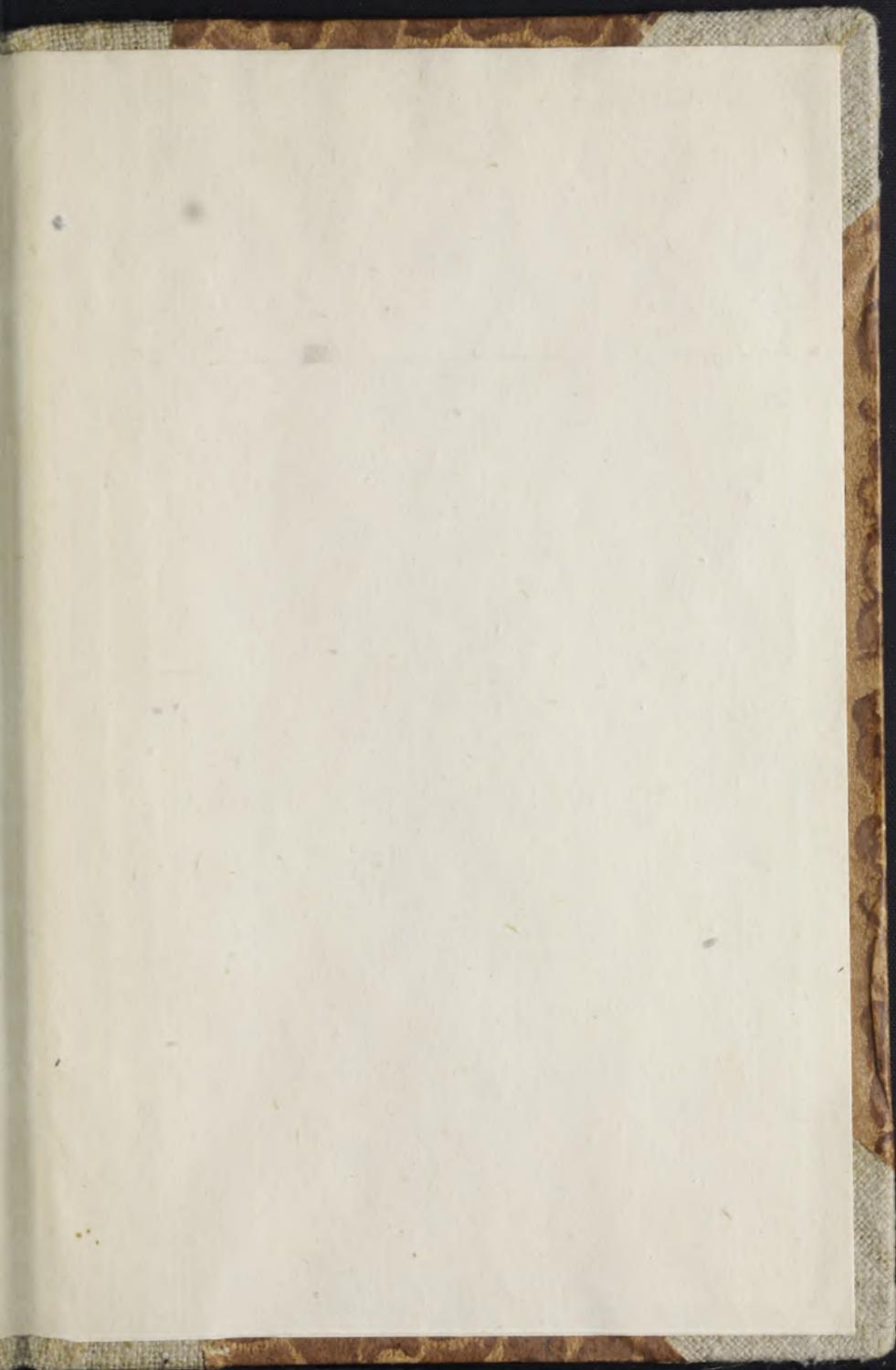
Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

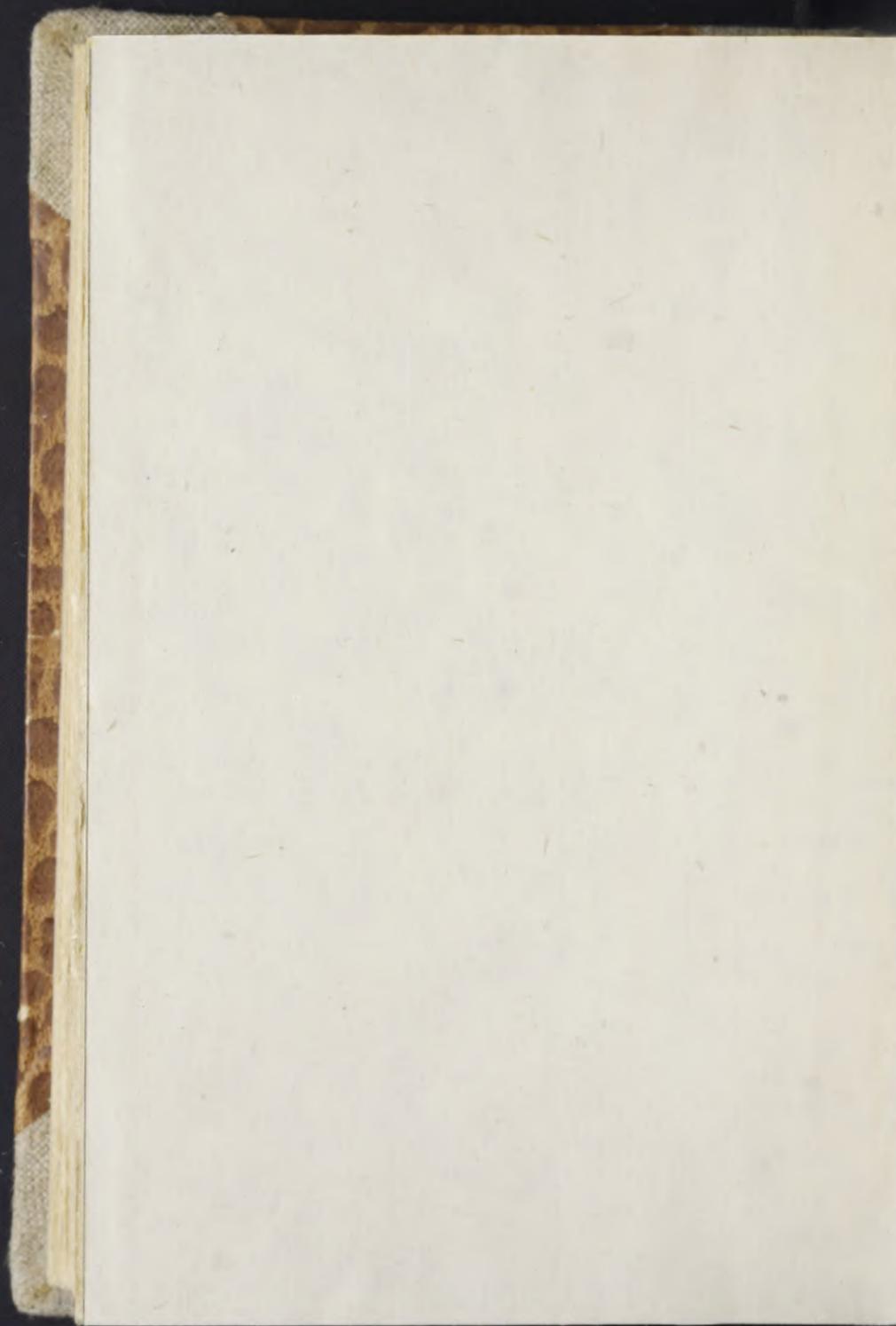
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ПЕДАГОГИКИ.

- Бреаль, М. Древніе языки въ средн. образованіи. Пер. Н. Сперанскаго. 75 к.
- Гильдебрантъ, Р. О преподаваніи родного языка въ школахъ и о національномъ воспитаніи и образованіи. Пер. Е. Якушкина. 1 р.
- Гиршъ, М. Народные университеты. Ихъ задачи, организація, развитіе, пропаганда. Пер. Н. Сперанскаго. 20 к.
- Паульсенъ, Ф. Образованіе. Пер. М. Гершензона. 15 к.
- Сперанскій, Н. Очерки исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
- Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

- Велецкій, С. Земская статистика. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 3 тома 7 р.
- Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству. 40 к.
- Нитти, Ф. Основныя начала финансовой науки. Пер. И. Шрейдера съ доп. А. Свирщевскаго, пред. проф. А. И. Чупрова. 3 р.
- Чупровъ, А. И. Рѣчи и статьи. 3 тома. 7 р. 50 к.
- Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.
- Чупровъ, А. И. Мелкій кредитъ и кооперація. 1 р.
- Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ 2 р.
- Памяти А. И. Чупрова. Опыты съ минеральными удобреніями на крестьянскихъ земляхъ. Сборникъ съ пред. проф. К. А. Тимирязева, подъ ред. проф. Д. Н. Прянишникова. 1 р. (Весь валовой сборъ поступаетъ въ фондъ учрежденія бібліотеки-музея имени А. И. Чупрова).
- Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котлиревской. 50 к.

788237

Biblioteka Narodowa
Warszawa

3000101020770